

Анатолий Беяков
Олег Матвейчев

Троянский конь западной истории

Беляков Анатолий Владиславович, к. филос. н.

Матвейчев Олег Анатольевич, к. филос. н.

Научные рецензенты:

Кондрашин Виктор Викторович, д. ист. н.

Куликов Владимир Борисович, д. филос. н.

Детям: Лидии, Марии, Елизавете, Светлане, Gleбу, Платону.

Всегда будьте добрыми, развивайте свои таланты и любите истину!

Предисловие	4
Глава 1. От мегамоллов к мегаронам. Паломничество в страну Гомера	8
Глава 2. Авантюрист, споткнувшийся о Трою	24
Глава 3. Война за Трою, век двадцатый	50
Глава 4. И с позором вернулись... ..	76
Глава 5. Поэт, сложивший Грецию	104
Вместо послесловия. Два часа турецкого чая.....	145
Античные авторы	184
Избранная библиография.....	196

Предисловие

В годы перестройки широкое хождение имела шутка о том, что Россия — страна с непредсказуемым прошлым. Тогда, в конце восьмидесятых, редкий журнал выходил без статьи, разоблачающей очередной «исторический миф», как правило, связанный с тоталитарным прошлым страны. Отмашка массовым ревизиям истории была дана архитекторами перестройки Михаилом Горбачевым и Александром Яковлевым, но уже вскоре к процессу переформатирования исторической памяти россиян подключились наводнившие страну зарубежные фонды, которые фактически посадили на денежную иглу как Министерство образования, так и отдельные институты. Только по заказу приснопамятного Фонда Сороса была написана треть всех новых учебников по истории России, «демонстрировавших», что у России не было ни побед, ни науки, ни культуры, не было великих ученых, поэтов и полководцев, а вся ее история представляла собой унылую череду кризисов и неудач. Так, например, согласно учебнику Александра Кредера¹, уже неоднократно запрещавшегося в ряде субъектов Российской Федерации, но продолжающегося из года в год переиздаваться массовыми тиражами,

¹ Кредер А.А. Новейшая история зарубежных стран. 1914—1997. Учебник для 9 класса основной школы. — М.: Центр гуманитарного образования, 1998.

самыми важными сражениями Второй мировой войны были не масштабнейшие операции советских войск (Сталинград, Курская дуга и т.п.), упоминаемые в учебнике одной строкой, через запятую, а периферийные и куда менее значительные битвы у атолла Мидуэй и при Эль-Аламейне. Более того, в этом учебнике разгром советской армией гитлеризма назывался событием вредным, поскольку он привел к распространению на страны Восточной Европы «коммунистического тоталитаризма». Даже западные ученые высказывали в те годы опасение, что если практика написания «заказных» учебников сохранится, то Россия станет единственной страной в мире, история которой будет написана под диктовку иностранцев.

Редкий учитель истории дочитает хотя бы половину учебников по его предмету, изданных в шальные постперестроечные годы. Несть числа этим учебникам, пособиям, хрестоматиям, словарям, на страницах которых, пользуясь абсолютной безнаказанностью, люди со степенями или вовсе без таковых творили такое, что ни за что не позволят себе даже совершенно неадекватные персонажи современных многомесячных реалити-шоу. Целыми авторскими коллективами «товарищи ученые» в лучшем случае препарировали историю своей страны, как лягушку из пригородного пруда. Куда хуже, что ее, матушку историю государства российского, наклоняли через колено, как сорванца для порки, кололи, как свинью, смаковали, как стекает кровь в оцинкованное ведро, и с наслаждением втягивали запах паленой щетины...

Первые результаты импровизаций на исторические темы проявились уже в начале девяностых. Либеральная ревизия советской истории, в основе которой лежал пещерный антикоммунизм и уверенность в неполноценности собственного народа, привела к кровопролитию в октябре 1993-го в Москве. Но, возможно, куда страшнее окажутся долговременные последствия подобных ревизий. Любая фальсификация истории смертельно опасна, подобно мутировавшему вирусу «привычного» гриппа. Она и приводит к мутациям в исторической памяти народа, к подмене основанных на

многовековом духовном опыте ценностей чужими, «генно-модифицированными» подделками, идеологическим фастфудом. Заново сконструированная история народа, страны, края практически всегда — психологическая, идейная подготовка войны, репрессий, геноцида.

Однако ревизии коснулись за последние годы не только относительно недавнего прошлого нашей страны, но и всей мировой истории. Авторы «сенсационных трудов» резвились от души, делясь с читателями своими «открытиями», что всю историю человечества сочинили триста лет назад, что Иисус Христос жил в XI веке нашей эры, а Чингисхан и Рюрик — на самом деле один и тот же человек. Но вся эта новая хронология, безусловно, меркнет на фоне научных озарений украинских «ученых», возведших историю Украины к... 140-му тысячелетию до н.э.² и постулировавших первичность украинского языка по отношению ко всем мировым языкам, включая санскрит³.

Подобные экзерсисы превращают историю в восприятии массового потребителя в подобие «желтой прессы», чуть более чем полностью состоящей из скандалов, интриг и сплетен и так же далекой от истины, как интервью популярной певички. Таким образом подрывается сам авторитет истории как науки. Если прошлое непредсказуемо, если каждый историк волен вылепливать из случайного набора имен, дат и фактов любую пластилиновую поделку, то чем одна теория лучше другой? И тезис о равноправии любых доктрин, включая самые бредовые, дикие и возмутительные, находит теоретическую поддержку даже у знаменитых философов. Например, у Пола Фейерабенда, считавшего, что единственным универсальным принципом познания, не препятствующим прогрессу, может служить лишь принцип «все дозволено» (anything goes)⁴. Устами Фейерабенда современная наука провозглашает себя внутренне плюралистичной, и анархия в методологии выступает для нее способом

² Лях Р., Темірова Н. Історія України. Підручник для 7-го класу. — Київ: Генеза, 2005. — С. 6.

³ Чепурко Б. Українці. — Основа. — №3. — Київ, 1993.

⁴ Фейерабенд П. Против методологического принуждения // Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. — М.: Прогресс, 1986. — С. 153.

борьбы с «тоталитаризмом» единой картины мира и единого исчерпывающего метанарратива для описания реальности.

Значит ли это, что мы выступаем против права ученых изобретать любые методы и теории? Нет, не значит. Вся история науки — это борьба доктрин, научных парадигм и методов. Но наука лишь тогда может считаться наукой, и лишь тогда она имеет право на существование, когда она стремится к открытию истины. В противном случае, это все, что угодно — способ прославиться, идеологический заказ, пропаганда, но не наука. Методологический анархизм, превративший науку в игру, погоня за сенсациями и зряшная, ради самой борьбы, «борьба с мифами общественного сознания» оказали медвежью услугу науке истории. Любого ученого, предложившего новый взгляд на ту или иную историческую проблему, тотчас же поставят в один ряд с фоменками и носовскими, а то и с украинскими «исследователями» славной истории докроманьонских праукров. Между тем, без борьбы идей, без смелых гипотез и дерзких концепций наука мертва.

Почему мы обратились в своих изысканиях к такой древней теме, как Троянская война? Неужели не нашлось более близкой к современности проблемы? Разве до конца исследован феномен сталинизма, подоплека холодной войны или причины краха коммунистической идеологии? Какое нам дело до того, победили греки в Троянской войне или же, напротив, претерпели сокрушительное фиаско? Подобные вопросы могла бы быть резонными, будь они заданы не ученым, а пропагандистам. Ученый же не имеет права на историческую близорукость, и проблема достоверности Троянской войны для него так же актуальна, как вопрос об истоках американского экспансионизма. Тем более что именно исход Троянской войны и пробудил к жизни тот грандиозный проект, благодаря которому стали возможны и американский экспансионизм, и коммунизм, и методологический анархизм, да и вообще вся западная история.

Впрочем, не будем забегать вперед. Отметим лишь, что приближение к исторической истине не просто обогащает наш разум, но укореняет нас в мире. Без правды мы сироты.

Глава 1. От мегамоллов к мегаронам. Паломничество в страну Гомера

Путь из Европы в Азию занял полчаса. Именно это время требуется автомобильному парому, соединяющему Галлипольский полуостров с анатолийским побережьем, чтобы пересечь Дарданеллы. От рыбацкого городка Гелиболу до конечного пункта нашего путешествия — около часа. Последний отрезок пути преодолеваем с особым чувством. Дорога в Троя! Сама эта фраза преисполнена торжественности и настраивает на поэтический лад. Так и хочется вторить гомеровскому Зевсу:

*Сколько ни зрится градов, населенных сынами земными,
Сердцем моим наиболее чтима священная Троя!*

Ил. IV. 45—46⁵.

Пейзаж за окном, однако, не совсем гармонирует с состоянием души. Поросшие скудной растительностью невысокие холмы перемежаются плантациями подсолнечника и сосновыми перелесками. Лишь тонкая синяя полоска на горизонте напоминает о том, что мы приближаемся к центру некогда могучего морского государства. За чахлым кукурузным полем — поворот на проселочную дорогу. Еще каких-то пять минут — и мы въезжаем в деревню Тевфикие. Сегодня — рамазан, и Троя открыта для посетителей только с часу дня. В кафе возле сувенирной лавки мы пьем из стеклянных стаканчиков *тот самый* турецкий чай и пьемся на греческих туристов, которые приехали сюда на огромном автобусе. Не дождавшись открытия экспозиции, но зато запасшись деревянными лошадками и магнитиками, они грузятся обратно в автобус и продолжают свой путь по местам боевой славы эллинов.

⁵ Гомер. Илиада / Пер. Н.И. Гнедича. — М.: Правда, 1985. — С. 64.

Паломничество в эти края — традиция исключительно древняя. Каждое из таких паломничеств — само по себе сюжет для отдельной книги и часто даже ключевое событие мировой истории.

Троада — древнее название полуострова Бига, на котором располагалась легендарная Троя. *ДРУГАЯ КАРТА! НА ЭТОЙ — ФОНОВЫЙ РИСУНОК.*

480 год до н.э. Идущий войной на греков персидский царь Ксеркс останавливает свои войска на берегу Геллеспонта. Через узкий пролив построены два понтонных моста. Внезапно налетевшая буря разметает постройки, скрепленные папирусными канатами, и царь приказывает наказать мятежные воды ударами бича, а строителям — отрубить нерадивые головы. Прежде чем была наведена новая переправа, Ксеркс посещает легендарную крепость. Вот как описывает его визит Геродот: «Царь, ... желая осмотреть кремль Приама, поднялся на его вершину. Осмотрев кремль и выслушав все рассказы о том, что там произошло, царь принес в жертву Афине Илионской 1000 быков. Маги же совершили [местным] героям

жертвенное возлияние»⁶. Щедрая гекатомба не помогла Ксерксу сломить эллинский дух и покорить Грецию. Потерпев ряд сокрушительных поражений от греков, уступив им часть своей территории и доведя страну до голода своими военными авантюрами, Ксеркс был убит в спальне собственного дворца.

Царь Ксеркс наказывает воды Геллеспонта. С илл. 1909 г.

334 год до н.э. В воды Геллеспонта входит флотилия другого великого завоевателя. Остановив свой корабль на середине пролива, Александр Македонский приносит в жертву богу морей Посейдону быка. Затем, приблизившись к берегу Трояды, он бросает свое копье в пыльную землю. Для юного царя это знак начала покорения Азии: «завоеванные копьем» земли считались даром богов⁷. Затем, спрыгнув с борта корабля, он первым сходит на землю. Верящий в свое происхождение от Ахилла, Александр возлагает венок на могилу своего великого предка. Из храма Афины он забирает щит и оружие, уже вскоре принесшие ему удачу на поле боя. Первое сражение с персами происходит недалеко от Трои — на реке Граник. Сорокатысячное войско персидских сатрапов сокрушается с налета, после

⁶ Геродот. История. В девяти книгах / Пер. Г.А. Стратановского. — Л.: Наука, 1972. — С. 327.

⁷ Шахермайр Ф. Александр Македонский. — М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва "Наука", 1983. — С. 101.

чего отряды македонян как нож в масло вонзаются в земли азиатского континента...

Впоследствии Александр отдал приказ освободить от податей и обустроить Илион, где он всерьез намеревался основать столицу своей мировой империи. Ранняя смерть нарушила его планы, великая держава раскололась на части, и земли Троады вместе с большей частью Фракии достались соратнику Александра Лисимаху. Тот обнес город высокими крепостными стенами, переселил в него жителей окрестных селений и дал ему название Александрия⁸.

48 год до н.э. После победы над Гнеем Помпеем в решающей битве при Фарсале Троаду посещает Юлий Цезарь.

*Бродит он также вокруг развалин прославленной Трои,
Ищет великих следов стены, воздвигнутой Фебом.
Чаща засохших лесов да стволы полусгнившие там, где
Был Ассарака дворец, — и едва на камнях обветшалых
Храмы всевышних стоят; и весь Пергам покрывает
Только терновник густой: погибли даже обломки!⁹*

Возводящий свою родословную к Энею, он, как и Александр, раздумывает о том, не перенести ли ему престол в опустевшую Трою.

Посетивший Трою Константин Великий также собирался основать здесь новую столицу, пока в 330 году не остановил выбор на Bizante, возвышавшемся на берегу другого пролива, соединяющего Черное и Средиземное моря — Босфора. В качестве места для столицы Троада в целом выглядела даже предпочтительнее: отсюда можно было контролировать не только узкие проливы, но и сухопутные пути Малой Азии, причем, стоя

⁸ Страбон. География / Пер. Г.А. Стратановского. — Л.: Наука, 1964. — С. 556.

⁹ Лукан, Марк Анней. Фарсалия, или поэма о Гражданской войне / Пер. А.Е. Остроумова. — М.: Научно-издательский центр «Ладомир» — «Наука», 1993. — С. 225—226.

лицом ко всей Ойкумене¹⁰. Однако море уже далеко отступило от Илиона, и тот лишился важнейшего фактора своего существования — гавани. Город на Босфоре, которому было суждено стать центром тысячелетней империи, получил от императора многозначительное название Новый Рим, однако еще при его жизни утвердилось другое название — «город Константина», Константинополь.

В 354 году паломничество в Илион совершил племянник Константина Флавий Клавдий Юлиан. Противник христианства, волею императора Константина ставшего государственной религией Римского государства, Юлиан был готов найти в Трое оскверненные святыни. Каково же было его удивление, когда он увидел, что в склепе Гектора и храме Афины до сих пор соблюдаются все языческие обряды! Став полновластным государем, он приступил к восстановлению язычества и возрождению эллинского духа, за что получил от современников прозвище Отступник. Однако Юлиану было суждено стать последним римским императором-язычником.

29 мая 1453 года турки-османы штурмом взяли Константинополь, султан Мехмед II превратил город в столицу своего государства. Последние остатки некогда великой империи — Морея и Трапезунд — попали под турецкое владычество в 1460 и 1461 году соответственно. Османская империя готовилась к дальнейшей экспансии. Но прежде, чем бросить свои орды на христианскую Европу, Мехмед Завоеватель посчитал своим долгом посетить Илион. Это произошло в 1462 году. К тому времени Троида уже около века находилась под турецким владычеством.

¹⁰ Термин «ойкумена» употребляется для обозначения освоенной человечеством части мира. Введен древнегреческим географом Гекатеем Милетским (550—490 вв. до н.э.) для обозначения известной грекам части Земли с центром в Элладе.

Памятник Мехмеду II в Стамбуле.

Полтысячи лет Трояда говорит по-турецки. Для новых обитателей этих земель Троя — прежде всего, туристическая достопримечательность. Уже в XVI—XVII веках посещавшим восточное побережье Дарданелл европейцам предприимчивые турки показывали различные руины в самых произвольных местах, выдавая их за фрагменты древнего Илиона. Их традицию продолжают сегодняшние гиды, транслирующие древние легенды вперемешку с позднейшими мифами об удачливом Генрихе Шлимане, кладе царя Приама и великой победе греков, якобы подтвержденной археологическими находками. Яркие символы новой, туристической Трои — фальшивый дом Шлимана в деревне Тевфикие, большой деревянный конь, построенный в 1975 году специально для фотографирования экскурсантов. И еще — обломки античных зданий, растасканные местными жителями для различных хозяйственных нужд. Тут скамейку устроили из капители дорической колонны, там — подперли забор куском древнего монумента.

Скамейка из троянских артефактов в деревне Тевфикие.

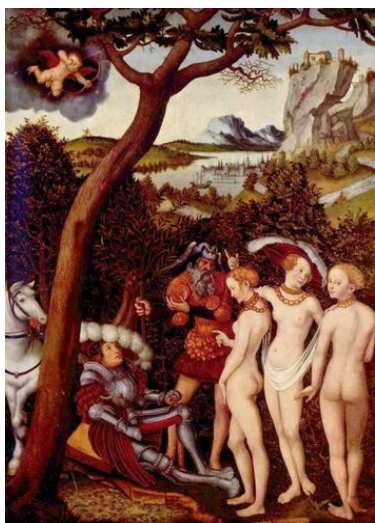
Подобное потребительское отношение к древней истории, впрочем, характерно и для нас, современных европейцев, привыкших питаться историческим фаст-фудом из красивых коробок.

Потребительское отношение к древней истории характерно для современных европейцев, привыкших питаться историческим фаст-фудом из красивых коробок.

Если спросить обывателя, что он знает о Троянской войне, в ответ мы в лучшем случае услышим довольно путаный рассказ, основанный на детских книжках о мифах древней Греции, песне Высоцкого про Кассандру, паре фильмов наподобие недавней голливудской «Трои» и почерпнутых в отрывных календарях клише об ахиллесовой пяте, Троянском коне и яблоке раздора. И пусть эти источники даже зачастую противоречат друг другу — обывательский мозг все равно собирает разнящиеся факты в непротиворечивую картинку.

Итак, жил да был в городе Трое царь Приам. У него родился сын Парис, и услышал Приам пророчество, что станет Парис причиной гибели великого царства. Повелел тогда Приам убить младенца, но сердобольные слуги ослушались царя и оставили мальчика на горе Ида. Там его подобрал один пастух, вырастил и обучил основам своей профессии. Как-то раз Парис,

которого также звали Александр, пас на своей горе, допустим, овец, и явились ему три богини — Гера, Афина и Афродита. Они попросили юного пастуха разрешить их спор — кто из них прекрасней? (На одном из пиров кто-то подбросил им яблоко с надписью «Прекраснейшей», и они никак не могли договориться, кому из них оно предназначено). Гера пообещала, что если Парис остановит свой выбор на ней, дать пареньку власть над народами, Афина — мудрость, недоступную прочим смертным, а Афродита — великую любовь. Подумал-подумал Парис, и выбрал Афродиту, а та показала ему в воде образ прекраснейшей из женщин — его суженой.

Лукас Кранах Старший. Суд Париса (1528).

Потом Парис попал в Трои, и там в нем признали царского сына. Однажды Приам с сыновьями Гектором и Парисом отправился в столицу Спарты Лакедемон к тамошнему царю Менелая договариваться о заключении нового торгового соглашения. Ударив по рукам, цари закатили пир горой, и вот на нем-то Парис и увидел Елену. Елена была женой Менелая, но Парис, узнав в ней красавицу из вод, решил, что без нее не уедет. И обстоятельства в пользу этого решения сложились как нельзя лучше. На следующий день Менелай отправился по делам на Крит. Муж в Тверь — жена, как говорится, в дверь. Очарованная красавчиком Парисом, Елена плывет с ним в Трои, где влюбленные узаконивают свой брак.

В любую эпоху похищение жены — немыслимое оскорбление. В троянские времена — это повод к войне. Вернувшийся в Спарту Менелай взбешен. Он созывает царей дружественных ему государств, и те решают ударить по Трое всей совокупной военной мощью. Снаряжается тысяча кораблей. Десятки тысяч воинов в медных шлемах с гребнями из конских волос рассчитывают на блицкриг и добрую поживу. Среди них — богатыри Ахилл и Аякс, хитроумный Одиссей, старый мудрый Нестор, а предводительствует ими родной брат Менелая — грозный царь Микен Агамемнон. Но погодные условия не благоприятствуют походу — нет попутного ветра, и тогда Агамемнон решается на жуткую вещь: он приносит в жертву богам свою дочь Ифигению. Как только кровь окропляет камень жертвенника, ветер меняется, и громадная греческая флотилия отправляется к троянским берегам.

Расчет на скорую победу не оправдался: троянцы с остервенением защищают свой город, отказываясь выдать похищенную царицу. Девять лет продолжается осада города, и ни одна из сторон не может взять верх. Но на десятый год происходит ссора Ахилла с Агамемноном, ставшая переломным моментом в ходе войны. Во время одного из набегов на предместья Трои Агамемнон захватывает в плен дочь жреца Хриса. Сокрушенный горем отец молит царя отдать ему пленницу, получив же отказ, обращается к Аполлону с просьбой наслать мор на греческое войско. Тот так и поступает. Страшная болезнь косит ряды ахейцев, и Ахилл от лица общественности требует от вождя отдать Хрисеиду отцу. Хрис забирает свое сокровище, Агамемнон же в качестве компенсации отнимает у Ахилла его пленницу Брисеиду. Ахилл обижен и разгневан, он отказывается участвовать в сражениях и просит Зевса отомстить Агамемнону за свою утрату, даровав троянцам военную удачу. Зевс выполняет просьбу, и троянцам во главе с Гектором удается пробиться к греческим кораблям и устроить небольшой пожар. Лучший и единственный друг Ахилла Патрокл выходит на бой с Гектором и погибает от его руки. Убитый горем, Ахилл отставляет в сторону все свои глупости и мелкие

злодейства и отправляется мстить. Скопив на своем пути тьмы и тьмы троянцев, он пробивается к Гектору, вызывает его на бой и убивает — на глазах у наблюдающего за боем с крепостных стен Приама. А затем привязывает тело врага за ноги к колеснице и трижды провозит его вокруг крепостных стен.

Франц Мач. Триумф Ахилла (1892).

Ночью Приам пробирается в лагерь Ахилла и умоляет героя отдать ему тело сына. Потрясенный храбростью старца и обуреваемый чувством вины за гибель друга, Ахилл внимает его мольбам.

Гибель лучшего воина Илиона, однако, не дает грекам решающего перевеса, тем более что вскоре они лишаются и своего лучшего бойца: Парису удастся, изловчившись, поразить стрелой Ахиллеса в его единственное уязвимое место — одноименную пятую. И тогда царь Итаки Одиссей придумывает коварный трюк. Он предлагает построить огромного деревянного коня — вроде как в дар троянцам, начинить его лучшими греческими воинами, после чего увести флот из поля зрения защитников крепости. Проснувшись, троянцы увидят коня и, конечно, заташат его в город, спецназ вырвется из укрытия, перебьет всех мужчин, овладеет всеми женщинами и сожжет все, что видит.

Хитрость удалась. Несмотря на протесты сестры Париса Кассандры и увещевания жреца Лаокоона («Бойтесь данайцев, дары приносящих!»), троянцы втащили монструозное сооружение в город. Причем, для этого им даже пришлось разобрать часть крепостных стен: столь велик был дар данайцев. В тот же день все было кончено. Приам и Парис убиты, Елена возвращена Менелаю, а город стерт с лица земли. Уцелели немногие — во главе с дарданским царем Энеем они покинули родные места и пустились на поиски новой родины, которую через много лет странствий и опасных приключений они нашли в Италии на берегах Тибра.

Примерно такая история транслируется через художественные и документальные фильмы, статьи в популярных журналах и даже школьные учебники — вкупе с обязательными для арсенала банальной эрудиции байками про золото Трои (этот, как его, Шлиман), коварного Сталина, тайком вывезшего клад из поверженного Берлина, и слепца Гомера с лирою в руке. Более начитанная аудитория, впрочем, склонна уточнять эту картину за счет, как она их называет, научных фактов.

Оказывается, в главных книгах Гомера повествуется лишь о малой доле описанных выше событий. Лишь пятьдесят дней из десяти лет осады Трои заслужил внимания аэда. «Илиада» начинается с описания гнева Ахилла по поводу лишения его законной добычи — Брисеиды. Заканчивается поэма похоронами Патрокла, затем и Гектора. По большому счету, несмотря на обилие батальных сцен, эта поэма — не о войне, а о ссоре вождей двух могущественных племен — микенцев и мирмидонян, и о роковых последствиях этой ссоры для союза ахейских государств.

Несмотря на обилие батальных сцен, поэма «Илиада» — не о войне, а о ссоре вождей двух могущественных племен — микенцев и мирмидонян, и об ее роковых последствиях для союза ахейских государств.

Из «Илиады» же можно узнать о плаксивом характере непобедимого Ахилла, который не в силах сдержать слез, жалуясь маме на Агамемнона; о трусости Париса, удирающего, как заяц, от Менелая на поле боя; о сварливости Елены, стыдящей своего мужа за то, что тот побоялся сложить голову в неравной схватке с одним из лучших греческих воинов:

*С битвы пришел ты? О лучше б, несчастный, навеки погибнул
Мужем сраженный, могучим, моим преждебывшим супругом!*

Ил. III. 428—429¹¹.

История о деревянном коне пересказывается в другой гомеровской поэме — «Одиссее». Из нее, кстати, становится известно, что троянцы чуть не передрались, решая, что с ним делать.

*Или губительной медью громаду пронзить и разрушить,
Или, ее докативши до замка, с утеса низвергнуть,
Или оставить среди Илиона мирительной жертвой
Вечным богам...*

Од. VIII. 507—510¹².

Очевидно, что коня этого троянцы расценили не как дар своему городу (с чего бы это вдруг?), а как жертву Посейдону, оставленную по отъезде греками на поле брани. А втащить его к себе они решили в качестве трофея (говоря по-современному — сувенира). Не так ли поступают нынешние посетители Трои, одолевшие до нее нелегкий путь из Стамбула или Измира? Что несут в себе деревянные кони, что впускают туристы в свой дом?

¹¹ Гомер. Илиада. — С. 61.

¹² Гомер. Одиссея / Пер. В.А. Жуковского. — М.: Правда, 1985. — С. 106.

Сувенирные лавки Тевфикие полны троянских коней.

Все остальные события Троянской войны — начиная с похищения Елены и заканчивая исходом Энея — описаны в дошедших до нас во фрагментах и пересказах так называемых киклических поэмах, а также в произведениях более поздних авторов — Эсхила, Софокла, Геродота, Фукидида, Вергилия и др. Из этих дополнительных источников можно узнать о том, что судьба Ифигении была не столь трагичной: в момент заклания ее спасла богиня Артемида — завернув в облако, унесла девчонку в Таврию и сделала ее там своей жрицей. Что деревянного коня создал не Одиссей, а Эпей, а сидело в нем ни много, ни мало три тысячи человек. И даже, например, о том, что все то время, пока шла Троянская война, в Трое находился лишь голографический, что ли, образ Елены, сама же она все эти годы жила в Египте, оставаясь верной мужу¹³.

¹³ Аполлодор. Мифологическая библиотека / Пер. В.Г. Боруховича. — Л.: Наука, 1972. — С. 81.

Скала Ифигения в Крыму (пос. Кастрополь), где, по преданию, укрылась дочь Агамемнона.

Кстати, и лет со дня похищения Елены до окончания Троянской войны прошло отнюдь не десять лет, но все двадцать (греческим войскам пришлось сильно задержаться по дороге в Илион — но об этом позже). Об этом напоминает и сама Елена, оплакивая Гектора:

*Ныне двадцатый год круговратных времен протекает
С оной поры, как пришла в Илион я, отечество бросив.*

Ил. XXIV. 765—766¹⁴.

Таким образом получается, что к концу войны Елена, «лицо, пустившее по водам тысячу судов», была по тем временам уже вполне престарелой мадам. И если в свете этого верность Париса достойна лишь восторга, то терпение его соотечественников, напротив, вводит в недоумение: выносить в течение стольких лет такие лишения из-за увядающей чужеземной матроны? Помилуйте!.. Святые они, все-таки, люди были — троянцы!..

¹⁴ Гомер. Илиада. — С. 395.

Данте Габриэль Росетти. Елена Троянская. (1863).

Так бытийствует легенда о Трое в сознании наиболее осведомленных представителей интеллигенции. Страшно узок их круг! Но еще уже круг тех из них, кто не поленился прочесть гомеровские поэмы не по диагонали, но целиком и внимательно. «Я список кораблей прочел до середины»¹⁵, — признавался Осип Мандельштам. Хотя, надо сказать, соответствующая песнь, «Беотия, или Перечень кораблей» — и в самом деле чудесное средство от бессонницы. Из русских переводов «Илиады» Гомера наиболее известным является перевод современника Пушкина Николая Гнедича. Исключительно красивый, но тяжеловесный и архаичный, он ввергал в здоровый крепкий сон ни одно поколение читателей. Не так известны переводы Викентия Вересаева и Павла Шуйского, более современные и более точно соответствующие букве оригинала, но, однако, не его духу. А потому, вероятно, и не столь популярные.

¹⁵ Мандельштам О. Камень. — Л: Наука, 1990. — С. 73.

Столь же диковинным, как выглядит для нас слог Гнедича, представлялся современникам Гомера и язык «Илиады» и «Одиссеи». В нем сплелись диалектные черты языка эолийцев и ионийских греков, к X веку до н.э. начавших колонизацию Эгеиды и северо-западной части побережья Анатолии, и архаизмы рапсодов микенской эпохи, чья поэтическая традиции дошла до Гомера из глубины веков. «Язык этот был понятен слушателям, привыкшим с детства к песням аэдов — творцов и исполнителей греческого эпоса, хотя в жизни никто на этом языке не говорил. Необычность языка подчеркивала необычность событий, о которых повествовали аэды, помогала слушателям перенестись в мир героического прошлого, люди которого представлялись намного сильнее, храбрее, во всех отношениях значительнее нынешних. Если даже какое-то выражение оказывалось не совсем понятным, это только поднимало авторитет аэда, который казался знающим то, чего не знают простые люди»¹⁶.

Надо сказать, что подобным образом обстоят дела и на Западе: там до сих пор в академических кругах принято ссылаться на старые, «классические» переводы Гомера, хотя для просвещения широкой общественности выпускаются и сокращенные варианты «Илиады», и краткие ее пересказы, и даже комиксы. Весьма кассовым проектом стал в свое время роман Алессандро Баррико «Гомер. Илиада»¹⁷, где итальянский писатель предпринял попытку переложить классическую поэму на новый лад, вычистив из нее все, что связано с богами, судьбой и прочими эмпиреями, непонятными современному читателю.

Да что там — даже в книжный XIX век «Илиада» не считалась таким уж увеселительным чтением. В 1884 году пожалуй крупнейший на то время гомеролог Ульрих фон Виламовиц-Мёллендорф писал: «В настоящее время Гомер уже не является много читаемым поэтом... Даже филологи знают его большей частью столь же плохо, как святоши — Библию»¹⁸. На господина Виламовица мы, даст Бог, сошлемся в своей работе еще не раз. Теперь же

¹⁶ Зайцев А.И. Древнегреческий героический эпос и «Илиада» Гомера // Гомер. Илиада. — СПб.: Наука, 2008. — С. 398.

¹⁷ Баррико А. Гомер. Илиада / Пер. Е. Кисловой. — М.: Иностранка, 2007. — 169 с.

¹⁸ Цит. по: Клейн Л.С. Бесплотные герои: Происхождение образов Илиады. — СПб.: Художественная литература, 1992. — С. 4.

просто проконстатируем: большинство из ныне живущих, как, впрочем, и из недавних наших предков, не читали Гомера настолько детально и вдумчиво, чтобы задаться важнейшими вопросами:

1. а была ли в реальности Троя, или этот город родом всецело из мифов, и тщетны всякие его поиски на брэнной Земле?

2. а была ли Троянская война, или это поэтическая выдумка, призванная заставить людей задуматься о природе силы и слабости, храбрости и трусости, гнева и великодушия, о скуке бессмертия и величии смерти?

3. и победили ли в этой войне греки, как настаивает на том Гомер и вся античная традиция, либо же несколько тысячелетий мы пребываем в плену ложных представлений, нечаянно или намеренно сформированных для нас авторами далекого прошлого?

4. и, главное, какие уроки мы можем вынести из этой истории для нас, ныне живущих, а уже (или шире) — для нас, русских?

Сейчас мы — в Трое, и в Трое мы именно для того, чтобы попытаться дать ответы на эти вопросы.

Глава 2. Авантюрист, споткнувшийся о Трою

В троянском археологическом заповеднике — настоящий культ Генриха Шлимана. Портреты международного авантюриста смотрят на нас буквально отовсюду — из сувенирных лавок, с путеводителей, информационных стендов и даже с уже упомянутого макета домика археолога, построенного немецким телевидением для съемок документального фильма. Без малого полтора века назад Шлиман открыл для жителей окрестных сел если не золотую жилу, то, по крайней мере, возможность всегда иметь на столе стакан чая и тарелку рыбы («чай бардак, балык табак» — турецкий язык весьма ассоциативен для русского человека!) Те, кто не работает на до сих пор время от времени возобновляющихся здесь раскопках, задействованы в туристической индустрии — сдают комнаты,

продают магниты, водят экскурсии. На одной из пыльных улочек Тевфикие нам встречаются два деревенских пацана. Еще издалека, заведев приезжих, они тянут загорелые руки в надежде на бакшиш: привычка, сформированная за многие поколения. Мы выдаем им по лире. Что попишешь? Молодежь...

Фальшивый дом Шлимана в деревне Тевфикие строили немцы.

В создании культа Шлимана решающую роль сыграл сам Генрих Шлиман. Мастер самопиара, он сочинил о себе массу легенд, большинство из которых живы до сих пор.

Большинство современных жизнеописаний Шлимана основываются на его автобиографии, давно признанной весьма сомнительным источником. См., например, часто переиздающуюся и считающуюся классической биографию Шлимана, составленную немецким историком Генрихом Александром Штолем¹⁹.

Согласно одной из них, выходец из бедной немецкой семьи Генрих Шлиман заболел Троей еще в восьмилетнем возрасте, получив в подарок на Рождество иллюстрированную «Всемирную историю для детей» авторства Георга Людвига Еррера. В книге была гравюра, изображающая пылающий Илион с огромными стенами и Скейскими воротами, из которых бежал Эней с отцом на плечах. Не желая верить, что Троя — не реальный город, но всего

¹⁹ Штоль Г.А. Шлиман. — М.: Молодая гвардия, 1965.

лишь сказка, выдумка Гомера, мальчик решил во что бы то ни стало отыскать легендарный город. Принято считать, и именно на этой версии настаивают троянские экскурсоводы, что Шлиман был на то время единственным на свете человеком, кто верил в историческую реальность Троянской войны. Пользуясь содержащимися в гомеровских поэмах географическими подсказками, он нашел и раскопал Трою! И с тех пор все, что было сказано Гомером, стало считаться абсолютной исторической истиной.

Федерико Бароччи. Бегство Энея из Трои (1598).

«Единственный, кто верил»... Если можно назвать натяжкой чудовищную ложь, то назовем ее натяжкой. Но прежде расскажем, что, собственно, за человек это был — Шлиман.

Генриху Шлиману, выросшему в неблагополучной семье (его отец, протестантский священник, был распутником и казнокрадом), с четырнадцатилетнего возраста приходилось самостоятельно зарабатывать себе на жизнь. Пять долгих скучных лет он работал рассыльным в бакалейной лавке, пока не решил кардинально изменить свою жизнь, нанявшись юнгой на шхуну, отплывающую в Венесуэлу. Судно попало в бурю, Шлиман, с его слов, оказался в числе немногих спасшихся. Правда, согласно сообщениям в газетах, жертв в том кораблекрушении не было, но

зачем портить правдой красивый рассказ? Гораздо интересней представить себя таким Робинзоном Крузо, вышедшим на голландский берег в накинутом на плечи рваном одеяле. Так или иначе, устроившись на работу в одном из торговых домов Амстердама, Шлиман начал изучать языки. Способность Шлимана к языкам, впрочем, является достоверным медицинским фактом. Он освоил пятнадцать языков, в том числе, русский, который он учил, как гласит предание, по порнографическим поэмам Баркова.

Весьма популярна сегодня методика изучения языков «по Шлиману», суть которой сводится к устному изложению отрывков текстов на иностранном языке. Постепенно память начинает привыкать к новому языку, и увеличивается восприимчивость к новой речи. Интересно, что адепты данной методики в большинстве своем знать не знают, чем занимался Генрих Шлиман во время, свободное от изучения языков.

Знание русского позволило Шлиману попасть в Россию в качестве коммерческого представителя. Уже через год, в 1847-м, он принял российское подданство. Новоиспеченный «Андрей Аристович» основал собственное предприятие и быстро разбогател на поставках красителя индиго и чилийской селитры. Он брался за любое дело, которое сулило прибыль. Во время «золотой лихорадки» Шлиман, естественно — в Америке, он за бесценок скупает у старателей золотой песок, удваивая свое состояние. Во время Крымской войны Шлиман продает оружие обеим сторонам, но гораздо сильнее наживается на поставках в русскую армию сапог с картонной подошвой. Перед отменой крепостного права в 1861 году Шлиман скупает бумагу, необходимую для печати больших афиш с манифестом, а затем перепродает ее втридорога российскому правительству...

В 1864 году, бросив в Петербурге свою русскую жену Екатерину Лыжину и троих детей, Шлиман отправляется в кругосветное путешествие. Он посещает развалины Карфагена в Тунисе, остатки Помпеи в Италии, древние храмы в Индии и Цейлоне, Великую китайскую стену и ацтекские

руины в Мексике. Потрясенный увиденным, он записывается на курсы в Сорбонне и некоторое время слушает лекции по античной истории и археологии. В 1868 году Шлиман проводит на греческом острове Итака свои первые раскопки. Они длятся всего два дня. Найдя в земле пару черепков, Шлиман без тени сомнений выдает их за предметы, принадлежавшие самому царю Одиссею. Затем предприниматель посещает Микены и малоазиатское побережье Дарданелл, где, опоздав на корабль до Стамбула, знакомится с американским консулом Фрэнком Калвертом. Результаты поездок Шлиман публикует в книге «Итака, Пелопоннес и Троя», за которую выбивает себе докторскую степень в третьеразрядном Ростокском университете. Да и само присуждение степени состоялось заочно: соискатель находился в Америке по вопросам получения американского гражданства и развода с русской супругой²⁰.

Научное сообщество Европы, однако, не восприняло всерьез его изыскания, и Шлиман решает предоставить более серьезные доказательства, откопав древний город или, как минимум, что-нибудь такое, что можно было бы выдать за его остатки...

Был ли Шлиман пионером в поисках древнего Илиона в северо-западной Турции, как это часто представляется? Отнюдь. Даже лавры первого исследователя Гиссарлыка принадлежат ему не по праву.

Как это теперь представляется, найти Трою большого труда не стоило: если предположить, что это город, который был настолько могуч, что воевал с объединенными силами всей Греции, то значит, он контролировал основные торговые пути, и, соответственно, должен был бы стоять на бойком месте. Более того, такое «свято место пусто не бывает» — если город стоит на перекрестке торговых путей, то он возродится после любого разгрома. А значит, какой-то город и сейчас занимается тем же, чем занималась в свое время Троя — контролирует маршруты и богатеет. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что это Константинополь-Стамбул, великий именно тем, что контролирует проливы из Черного и Мраморного морей в Эгейское и Средиземное. Проливы — два,

²⁰ По российским законам Генрих Шлиман и Екатерина Лыжина так и остались не разведены.

Стамбул стоит на Босфоре, а его великий предшественник стоял, очевидно, на Дарданеллах. Географические детали в поэмах Гомера на это и указывают. При этом, как это отметил еще Константин Великий, стоять на Геллеспонте даже выгоднее — здесь в твоих руках не только морские, но и сухопутные ворота между Европой и Азией. Лучшего места для города просто не найти.

После того, как это стало ясно, нужно прикинуть и посчитать, как далеко ушло море за три тысячи лет после описываемых событий, и поискать в окрестностях входа в Дарданеллы какие-нибудь холмы, остатки крепостей, легенды местных жителей...

Первые научные попытки определить точное место Трои относятся к XVIII веку. В 1742 и 1750 годах англичанин Роберт Вуд предпринял две поездки в Троаду, изложив свои впечатления в книге «Эссе о подлинном гении Гомера». Несмотря на свое убеждение, что Трою искать нет смысла — она разрушена до оснований, Вуд впервые высказал идею, что со времен античности места, где располагалась Троя, сильно изменились: гавань заилилась, а реки изменили свое течение. Книга Роберта Вуда выдержала пять изданий на четырех языках и получила большой резонанс в научном мире.

За год до издания книги Роберта Вуда, в 1768 году по Троаде путешествовал барон Йоган Германн, ученик прославленного мыслителя, основоположника современных представлений об античном искусстве Иоганна Винкельмана. По итогам визита он впервые озвучил гипотезу о том, что древняя Троя должна находиться в районе холма Гиссарлык в нескольких километрах от побережья. Как местонахождение древней Трои Гиссарлык определяли также немецкий картограф Франц Кауффер (1793 г.), минералог Эдвард Кларк (1801 г.), позднее ставший профессором Кембриджского университета, и автор «Диссертации о топографии Троянской войны» Чарльз Макларен (1822 г.)

Другой гипотезы придерживался французский археолог Жан Батист Лешевалье, в 1785 году пешком преодолевший путь от Геллеспонта до хребта Ида с «Илиадой» в дорожной сумке и книгой Вуда в качестве

путеводителя. Лешевалье убедился, что Гомер довольно точно описал географические особенности полуострова. Местонахождение французский ученый определил в районе деревни Бунарбаши (Пинарбаши) в долине реки Скамандр.

В 1864 году догадки Лешевалье решил проверить на практике австрийский дипломат и путешественник Йоган Георг фон Хан. Организовав раскопки в районе Бунарбаши, фон Хан обнаружил остатки какого-то поселения. Позднее, однако, выяснилось, что обломки древних зданий относились к гораздо более позднему периоду — к VII—V векам до н.э

Через год пробные раскопки в Гиссарлыке предпринял Фрэнк Калверт. Его семья уже два поколения жила в районе Троады, и Калверт прекрасно знал эти места. Но настоящую революцию в его мировоззрении произвело знакомство в 1849 году со знаменитым русским ученым Петром Чихачёвым. Чихачёв, более известный в России как первооткрыватель Кузнецкого угольного бассейна, был автором около ста научных работ по геологии и палеонтологии Малой Азии, на основании его топографических исследований была составлена подробнейшая карта Троады. Сопровождая Чихачёва в его экспедиции, Калверт получил бесценный опыт и знания в области археологии и геологии, но самое главное — воспринял от русского ученого убеждение, что Трою следует искать в недрах Гиссарлыка, часть которого он позднее приобрел в собственность.

Убеждение, что Трою следует искать в недрах Гиссарлыка, Калверт воспринял от знаменитого русского географа Петра Чихачёва, чья роль в обнаружении древнего города так и останется незамеченной потомками.

Роль Чихачёва в обнаружении Илиона так и останется незамеченной потомками, а все лавры перейдут к Шлиману, который в свою очередь

отберет их у Калверта. Человек, указавший на Трою, будет незаслуженно забыт, как это, увы, часто случается в истории. О заслугах ученого напоминает сегодня лишь названный его именем хребет на Алтае и мемориальная доска в Гатчине.

Карл Брюллов. Портрет П.А. Чихачёва. 1835.

Раскапывая Гиссарлык в 1865 году, Калверт наткнулся на остатки храма Афины и городской стены, возведенной Лисимахом. На этом финансовые возможности дипломата были исчерпаны. Надежду на продолжение поисков дала Калверту встреча с тщеславным толстосумом Шлиманом, в то время убежденным, что руины Трои покоятся там, где их локализовал Лешевалье — в Бунарбаши. Позднее Калверт подтвердит это в письме в газету «Гардиан»: «Когда я впервые встретил доктора [Шлимана] в августе 1868 года, для него тема Гиссарлыка как местонахождения Трои была новой»²¹. Шлиман же будет все отрицать и даже развяжет против Калверта полномасштабную войну в прессе, обвиняя того во лжи. Ни один документ ранее 1868 года не свидетельствует, что Шлимана хоть как-то занимал троянский вопрос. По выражению историка Андрея Стрелкова,

²¹ Цит. по: Толстикова В.П. Генрих Шлиман и троянская археология // Сокровища Трои. Из раскопок Генриха Шлимана. Каталог выставки. М.: ГМИИ им. А.С. Пушкина; Леонарде Арте, 1996. — С. 18.

Шлиман попросту «споткнулся о Троию» во время очередного путешествия²². Однако сам коммерсант представит события так, что к поискам Трои он шел всю свою жизнь, а Гиссарлык был избран им как место для раскопок древнего города лишь по гомеровским подсказкам. Чтобы исключить всякое упоминание о Калверте из легенды об открытии Трои, Шлиман сочинит историю о детской мечте и книжке с картинками²³, а чтобы представить себя человеком, поистине одержимым гомеровским эпосом, назовет детей от новой греческой жены Софии Энгастроменос²⁴ Агамемноном и Андромахой.

Но это будет позже, теперь же, а в августе 1868-го Калверт принимает дорогого гостя в доме на берегу пролива и убеждает его присоединиться к раскопкам, заверяя: «Вся моя земля [на Гиссарлыке] в твоём распоряжении»²⁵. Почувствовав масштаб поживы в случае успеха предприятия, Шлиман соглашается принять участие в проекте. Уже в декабре он начинает консультации с искушенным Калвертом об организации раскопок, вплоть до определения количества мотыг и лопат для ведения работ. Одновременно он ведет переговоры с турецким правительством о разрешении на археологическую деятельность. Наконец, 11 октября 1871 года Генрих Шлиман, наняв рабочих в окрестных деревнях, приступает к земляным работам. Калверт пытался удержать своего товарища от торопливых решений, посоветовав сначала произвести зондаж культурных наслоений, имевших, как выяснилось уже вскоре, огромную толщину — более семнадцати метров. Однако Шлиман, будучи уверен, что гомеровская Троя — самое древнее, что только может быть, решил копать до самой материковой плиты.

Длинные траншеи глубиной до семнадцати метров и такой же ширины безжалостно изрезали холм Гиссарлык, пока Шлиман не докопался до

²² Стрелков А.В. Легенда о докторе Шлимане // Шлиман Г. Илион. Город и страна троянцев. Т.1. — М.: Центрполиграф, 2009. — С. 11.

²³ Traill D.A. Excavating Schliemann: Collected Papers on Schliemann. — Atlanta, GA: Scholars Press, 1993. — P. 40.

²⁴ Семнадцатилетняя София была фактически куплена Шлиманом за 150 тысяч франков у ее дяди, греческого епископа Теоклетоса Вимпоса.

²⁵ Цит. по: Толстикова В.П. Генрих Шлиман и троянская археология. — С. 18.

древнего городища, уничтожив по пути все, что не показалось ему интересным и что не блестело на солнце. Найденные развалины Шлиман объявил Приамовым градом.

Варварский подход купца к проведению раскопок не только лишил ученых будущего ценнейшей археологической информации, но и стал причиной разрушения раскопанных им остатков древнего городища. Брошенные на произвол судьбы в условиях агрессивной окружающей среды, они стали крошиться и выветриваться, страдать от корней деревьев и кустарников. Остановить процесс разрушения удалось лишь в 1988 году, когда стены древнего кремля начали, наконец, консервироваться усилиями участников экспедиции, возглавляемой профессором Тюбингенского университета Манфредом Корфманом.

Толщина культурных напластований в семнадцать метров, пусть даже и накопившихся за несколько тысячелетий, кажется невероятной. Но лишь до тех пор, пока мы не узнали об их происхождении. «Из-за того, что [во времена бронзового века] в строительстве часто применялись древесина и солома, нередко были пожары, — объясняет профессор Карл Блеген, раскапывавший Гиссарлык в 1932—1938 годах. — Когда дом сгорал, крыша обрушивалась, а стены рассыпались... Поскольку в те времена не было ни бульдозеров, ни грейдеров, никто и не пытался расчистить пожарище и вывезти мусор. Гораздо проще было просто разровнять место пожара, скрыв не сгоревшие полностью остатки зданий под толстым слоем мусора (поэтому и происходил заметный рост культурного слоя), и строить на этом же месте новый дом. В Трое такое бывало довольно часто, и каждый раз уровень земли поднимался на 80—100 сантиметров. Неуклонный рост культурных слоев на холме был вызван и другими факторами. Например, полы во всех жилищах, кроме дворцов и роскошных особняков, были земляными или из утрамбованной глины. В те времена не было принято собирать бытовой мусор и кухонные отходы в специально отведенных местах. Все ненужное — кости, пищевые остатки, битая посуда — просто бросалось на пол в жилище или выбрасывалось прямо на улицу. Рано или поздно наступал момент, когда

пол оказывался настолько засыпан костями животных и мусором, что даже самые небрежливые хозяева понимали, что с этим нужно что-то делать. Обычно решение вопроса было простым и весьма эффективным: мусор с пола никто не убирал, вместо этого его засыпали толстым слоем свежепринесенной глины, которую затем утрамбовывали. В ходе раскопок археологи неоднократно раскапывали дома, где этот процесс повторялся раз за разом до тех пор, пока уровень пола не поднимался так высоко, что для нормального проживания в доме приходилось поднимать выше крышу и переделывать вход»²⁶.

Траншея Шлимана с остатками поселения раннего бронзового века.

Шлиман продолжал раскопки в течение трех сезонов, и, наконец, 31 мая 1873 года у окружной стены близ юго-западных ворот, находившейся на глубине 8,5 метров, он наткнулся на настоящие сокровища. Вот как он описывает эти события:

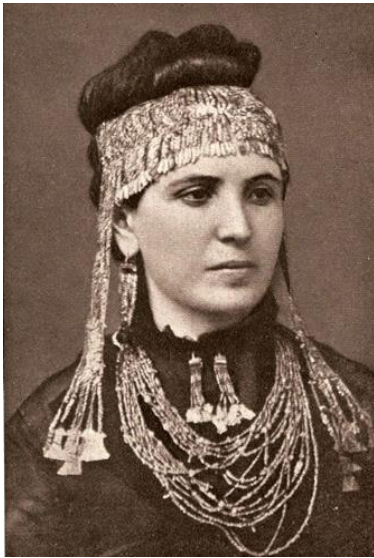
«Идя вдоль этой окружной стены и открывая ее все более и более рядом с древним зданием и к северо-западу от ворот, я наткнулся на большой медный предмет самой замечательной формы, который тем более привлек мое внимание, поскольку мне показалось, что за ним я вижу золото... Чтобы спасти это сокровище от моих рабочих и сохранить его для археологии,

²⁶ Блеген К. Троя и троянцы. Боги и герои города-призрака / Пер. О. Милова. — М.: Центрполиграф, 2004. — С. 34.

нельзя было терять время; так что, хотя час завтрака еще не настал, я немедленно объявил *païdos*. Это слово неизвестного происхождения, которое пришло в турецкий язык, и здесь используется вместо греческого *ἀνάπαυσις*, или время для отдыха. Пока люди ели и отдыхали, я вырыл сокровище с помощью большого ножа. Это требовало огромных усилий и было сопряжено с большим риском, поскольку крепостная стена, под которой мне пришлось копать, каждый момент грозила рухнуть на меня. Однако вид стольких предметов, каждый из которых имел безмерную ценность для археологии, сделал меня бесстрашным, я и не думал ни о какой опасности. Но я не смог бы достать сокровище без помощи моей дорогой жены, которая стояла рядом со мной, готовая сложить вещи, которые я вырубал, в свою шаль и унести их»²⁷.

В нише, открытой Шлиманом, таился комплекс из 8830 изделий из драгоценных металлов — ожерелий, диадем, колец, брошей, браслетов. Благодаря брату Калверта Фредерику клад удалось вывезти в Афины. Поместив его в банк, коммерсант сообщил журналистам о том, что он нашел — ни больше, ни меньше — сокровища троянского царя Приама. Сенсационная новость заняла первые полосы газет. Тиражировалась фотография Софии Энгастроменос в «уборе Елены». Изображения сокровищ Шлиман опубликовал в книге «Троянские древности», выпущенной в 1874 году знаменитым издателем Фридрихом Арнольдом Брокгаузом.

²⁷ Шлиман Г. Илион. Город и страна троянцев. Т.1 / Пер. Н. Чехонадская. — М.: Центрполиграф, 2009. — С. 83—84.

София Энгастроменос в «Большой диадеме» из «клада Приама». Фото 1874 г.

Научная общественность, прежде не обращавшая никакого внимания на развлечения дилетанта, обрушила на него шквал критики. Профессиональных археологов привело в ужас то варварство, с которым Шлиман буквально разметал культурные слои древнего холма, уничтожив большую часть позднейших построек.

Много вопросов вызвал и рассказ Шлимана, более походивший на сюжет из авантюрного романа. Как выяснилось позднее из переписки Софии с мужем, она попросту не могла участвовать в транспортировке сокровищ, поскольку находилась в это время в Афинах²⁸. Кроме того, сомнительным представлялся сам состав клада. Так, например, золотой сосуд для напитков в 23 карата подозрительно напоминал соусницу XIX века, что в свете письма Шлимана к своему афинскому агенту от 28 мая 1873 года с просьбой найти надежного ювелира стало восприниматься как доказательство подложности «сокровищ Приама». Согласно другой версии, «клад» мог быть составлен из предметов, либо купленных ранее на рынках Стамбула, либо же найденных в

²⁸ Вообще, именно с публикации в 1950-х гг. эпистолярного наследия Шлимана и началось переосмысление его личности. Сопоставив данные из писем Шлимана и его автобиографии, ученые обнаружили, что «великий археолог» врет буквально на каждом шагу.

разное время на раскопках в Гиссарлыке²⁹. Так или иначе, легендарному Приаму сокровища принадлежать никак не могли: они были найдены в культурном слое, на тысячу лет более древнем, чем «гомеровская Троя»³⁰.

Найденные Шлиманом сокровища никак не могли принадлежать легендарному Приаму: они залегали в культурном слое, на тысячу лет более древнем, чем «гомеровская Троя».

Блистательная Порта тоже читала газеты, и, узнав о беспримерной контрабанде Шлимана, вчинила ему иск на десять тысяч франков. Внутренне усмехнувшись, миллионер возместил ущерб и добавил сверху еще сорок тысяч, объявив себя полноправным владельцем сокровищ. В дальнейшем Шлиман предпринял несколько попыток пристроить их в музеи Лондона, Парижа, Неаполя, но те отказывались их принять по политическим и финансовым причинам³¹. В конце концов, в 1881 году Шлиман подарил «клад Приама» городу Берлину, получив взамен (следующим после канцлера Отто фон Бисмарка) титул «почетного гражданина Берлина». Там сокровища пребывали до 1945 года, пока профессор Вильгельм Унферцагт по условиям контрибуции не передал троянские находки советской комендатуре. Долгое время коллекция считалась утраченной, но на самом деле она хранилась в режиме строжайшей секретности в Пушкинском музее Москвы (259 предметов, в том числе, «клад Приама») и Государственном Эрмитаже (414 медных, бронзовых и глиняных изделий). Лишь в 1993 году ельцинское правительство объявило, что ценнейшая часть троянских сокровищ

²⁹ На подложности «Приамова клада» в особенности настаивал американский исследователь Дэвид Трейлл. См., напр., Traill D.A. Excavating Schliemann: Collected Papers on Schliemann. — Atlanta, GA: Scholars Press, 1993.

³⁰ Уже позднее, во время раскопок 1882 года Шлиману указал на этот факт архитектор Вильгельм Дёрпфельд, приглашенный для реконструкции городской планировки разных периодов существования Трои. Просидев четыре дня в своей палатке в полном молчании, Шлиман признал правоту своего коллеги.

³¹ В 1876 году коллекцию Шлимана пыталось купить Российское археологическое общество. Однако вопрос так и повис в воздухе: цена оказалась неподъемной.

находятся в России. 15 апреля 1996 года трофеи были впервые выставлены в Пушкинском музее³².

Найдя «сокровища Приама», Шлиман не прекратил своей исследовательской деятельности, раскапывая Микены, Орхомен, Тиринф и трижды возвращаясь к работам на холме Гиссарлык. К деятельности Шлимана можно относиться по-разному, однако необходимо отметить, что благодаря его авантюрам был не только возбужден научный интерес к истории Трои, но и открыта неизвестная ранее эгейская цивилизация. Шлиман так и не узнает об этом и умрет, будучи уверен, что все его находки относятся только к эпохе Троянской войны.

Уже после смерти Шлимана, в 1893—1894 годах, его друг и коллега Вильгельм Дёрпфельд уточнил стратиграфию археологических слоев холма Гиссарлык, установив, что в этом месте в течение почти четырех с половиной тысяч лет последовательно сменяли друг друга девять городов. По их числу периоды существования Трои были пронумерованы от I до IX. По мнению Дёрпфельда, гомеровский Илион лежал в шестом слое (Троя VI), который безжалостно снес Шлиман в период первых раскопок. Этот вывод Дёрпфельд сделал даже несмотря на то, что в разрушении Трои VI не было ни малейших следов военных операций.

В 1932 году дело Дёрпфельда продолжила экспедиция университета Цинциннати, возглавляемая знаменитым американским археологом Карлом Блегеном. Блеген поправил предшественника, доказав, что Троя VI (1800—1300 гг. до н.э.) погибла в результате сильнейшего землетрясения. Эпоху Трои VII Блеген разбил на три периода и предложил считать гомеровской Троей ту, что существовала в период VIIa (1300—1100 гг. до н.э.) и имела очевидные признаки осады и разрушений.

³² По окончании выставки сразу несколько стран высказали свои претензии на «сокровища Приама» — Германия (которой их подарили), Турция (где их нашли) и даже Греция (чья древняя культура их, якобы, породила).

Предложенная Карлом Блегеном схема последовательности существования и гибели древних поселений на холме Гиссарлык стала классической.

Согласно Дёрпфелдту и Блегену, троянское городище представляет собой своего рода слоеный пирог. Рис. Кристофа Хауснера.

Троя I (3000—2500 гг. до н.э.) относилась к догреческой культуре и была ровесницей древнейших цивилизаций — египетской, шумерской, эгейской и индской. Обитатели Трои I не знали золота, но жили в довольно добротных домах-мегаронах, пользовались металлическими орудиями, разводили коз и овец.

Троя II (2500—2200 гг. до н.э.) была большим городом минойской культуры со стенами в четыре метра в толщину, мощеными улицами и воротами. Основным занятием его жителей было сельское хозяйство — практически в каждом доме этого города были найдены ручные мельницы. Для изготовления посуды использовался гончарный круг. Троя II торговала

тканями, шерстью, керамикой и древесиной на огромной территории от Болгарии и Фракии до Центральной Анатолии и Сирии, что стало причиной заметного роста ее материального благополучия, наглядно демонстрируемого большим количеством изделий из золота и серебра в культурном слое, в том числе, найденным Шлиманом «кладом Приама».

Город был уничтожен внезапным пожаром, его жители даже не успели собрать со столов драгоценную посуду. Однако катастрофа, по словам Блегена, «не привела к сколько-нибудь значительному нарушению процесса культурного развития поселения. При сохранении прежней цивилизации и отсутствии явных следов чужеродного влияния культура Трои II развивалась постепенно и неуклонно до тех пор, пока эстафету не приняла ее преемница — Троя III»³³.

Юго-западные (Скейские) ворота, близ которых Шлиман откопал «клад Приама», относятся к периоду Трои II (2500—2200 гг. до н.э.) Справа – реконструкция Скейских ворот, рис. Кристофа Хауснера.

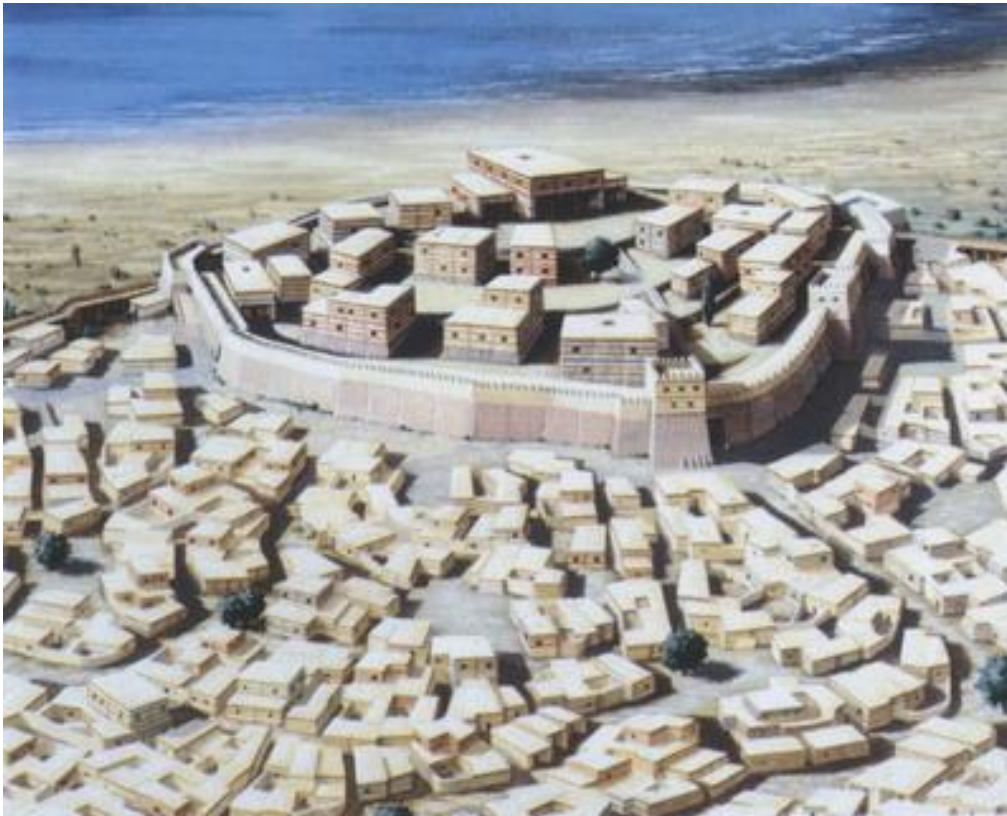
Троя III (2200—2050 гг. до н.э.) и Троя IV (2050—1900 гг. до н.э.), возникшие на месте сгоревшей столицы, обладали оборонительными стенами и занимали большую территорию. Несмотря на довольно примитивную (даже по сравнению с Троей II) культуру в целом, обитатели этих городов заметно улучшили технику приготовления пищи и разнообразили свой рацион.

³³ Блеген К. Троя и троянцы. — С. 82.

Троя V (1900—1800 гг. до н.э.) — город достаточно высокой культуры, давший образцы прекрасной керамики и строительного искусства. По сравнению с предыдущими периодами заметно изменились манеры и обычаи жителей города. «Одним из новшеств, появившихся в Трое V (о чем очень сильно сожалеют археологи), явился переход к новым, более эффективным приемам уборки дома. Теперь полы подметали, таким образом освобождая их от скапливавшегося день за днем мусора, поэтому на долю археологов выпадают лишь редкие находки в виде костей животных, различных выброшенных за ненадобностью или утерянных мелких предметов, а также целых или разбитых керамических сосудов»³⁴. Как и предыдущие города на холме Гиссарлык, эта Троя была разрушена, однако неизвестно, что послужило тому причиной: в развалинах зданий нет следов большого пожара, ничто не говорит и о захвате города врагом.

Троя VI (1800—1300 гг. до н.э.) — это уже поистине великий город из блочных стен пятиметровой толщины с четырьмя воротами, с площадями и дворцами. Его население — люди других традиций, по-видимому, пришедшие сюда из какого-то другого места и принесшие свою собственную культуру. Они приручили лошадей, ввели обычай кремации усопших, отточили искусство изготовления оружия. Уже в начале периода Трои VI произошла практически полная смена ассортимента керамических изделий. Этот город был уничтожен землетрясением, о чем свидетельствуют характерные трещины на стенах зданий.

³⁴ Блеген К. Троя и троянцы. — С. 130.

Реконструкция Трои VI. Рис. Кристофа Хауснера.

По легенде, основателем Илиона был Ил, сын Троя. Затем власть перешла к сыну Ила Лаомедонту. Именно при нем Троя достигла могущества и установила контроль над Малой Азией, Пропонтидой, то есть Мраморным морем, и проливами. Лаомедонт воздвиг «город на вершине холма», а стены его выстроил Посейдон, по воле Зевса оказавшийся у него в рабстве вместе с Аполлоном (тому царь приказал пасти своих волов). За прилежный труд Лаомедонт пообещал богам плату, да передумал и по истечению срока просто выгнал богов из страны, угрожая отрезать им уши (Ил. XXI, 440—458)³⁵. Тогда Посейдон наслал на Илион морского монстра пожрать всех людей. Тут появился Геракл и убил чудище, забравшись к нему во чрево и изрубив все его внутренности. За этот подвиг Лаомедонт посулил ему волшебных коней и вновь не сдержал обещание. Делать нечего — пришлось Гераклу разрушить город, умертвить Лаомедонта и перестрелять из лука всех его наследников, а царскую дочь Гесиону³⁶ отдать своему другу Теламону. При этом Гесионе разрешили освободить одного их пленников. Она выбрала маленького брата — Подарка и заплатила за него выкуп — покрывало с головы. С тех пор

³⁵ Гомер. Илиада. — С. 338-339.

³⁶ Этимологически имя «Гесиона» связывается со словом «Азия». «Гесиона» — «асийка», жительница Анатолии. (См. Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. — М.: Восточная литература, 1996. — С. 53).

Подарк стал зваться Приамом, то есть, «искупленным»³⁷. По всему видно, что легенда рассказывает о временах Трои VI, а землетрясение, которое разрушило город, интерпретируется как гнев Геракла.

Геракл спасает Гесиону. Средневековая миниатюра.

Кем же были основатели Трои VI, столь заметно отличавшейся от городов предшествующих периодов? Блеген убежден, что они были греками, однако относительно места, откуда они отправились в новые края, судить с уверенностью он не мог: «То ли они кочевали с севера к берегам Эгейского моря, то ли приплыли на кораблях с юга России через Черное море и проливы Босфор и Дарданеллы, то ли они пришли в Грецию морским путем с запада или востока — это установить не удалось. Ни керамика, ни артефакты, ни даже кости лошадей не дают нам никаких подсказок»³⁸.

³⁷ Став женой Теламона, Гесиона родила Тевкра, который стал таким образом единокровным братом Аякса Теламонида.

³⁸ Блеген К. Троя и троянцы. — С. 179.

Фортификационная стена и Восточные ворота Трои VI (XV—XIII вв. до н.э.)

Троя VII относится к периоду 1300—1100 гг. до н.э. Именно к этому периоду принято относить знаменитую Троянскую войну. Существует множество расчетов, основанных на самых разных методах, но большинство из них попадают в створ между 1220 и 1180 гг. до н.э.

Древние авторы вычисляли дату Троянской войны по догадкам — примерное количество поколений до первой Олимпиады, эпическая традиция и т.п. И результаты получались у них разные — от XIV до XII века до н.э. Существовали и другие методы, в том числе, изучение археологических артефактов, эпиграфики и др.

Оригинальная методика была использована в 2008 году профессором физико-математической кафедры американского университета Рокфеллера Марчело Магнаско, и астрономом Константино Байкузисом из аргентинской обсерватории в Ла-Плата³⁹. Они обратили внимание, что, по Гомеру, во время избиения Одиссеем женихов, сватавшихся к его жене Пенелопе,

... на солнце небесное... всходит

Страшная тень, и под ней вся земля покрывается мраком (Од. XX. 356—357)⁴⁰

и решили, что речь идет о солнечном затмении. Даты солнечных затмений, как прошлых, так и будущих, сегодня рассчитать довольно легко. Сопоставив эти даты с другими астрономическими данными, указанными в тексте, ученые пришли к выводу, что возвращение царя Одиссея в Итаку состоялось 16 апреля 1178 года до

³⁹ Baikouzis C., Magnasco M.O. Is an eclipse described in the Odyssey? // Proceedings of the National Academy of Sciences. — 2008. June 24. — URL: <http://www.pnas.org/content/105/26/8823.full>.

⁴⁰ Гомер. Одиссея. — С. 253.

н.э. Странствия Одиссея после Троянской войны, согласно Гомеру, заняли около десяти лет. Таким образом, Троянская война, по Магнаско и Байкузису, может быть ограничена хронологическими рамками 1188—1198 гг. до н.э.

Город после землетрясения был отстроен заново. В руинах Трои VI не было обнаружено останков людей, из чего Блеген сделал вывод, что население уцелело и сразу же после окончания землетрясения вернулось в город и занялось восстановлением своих жилищ. Со временем город стал более многолюдным, так как улицы стали теснее, и дома стали меньше. Однако импортные товары и следы богатства исчезли. В целом Троя VII совсем не походила на описанный Гомером величественный «златообильный» город.

Город, относящийся к первой фазе Трои VII, обозначаемой VIIa (1300—1260 гг. до н.э.), был уничтожен огнем. Территорию поселения вновь покрыла огромная масса камней, сырцового кирпича, различного сгоревшего и полусгоревшего мусора. Найденные в этом слое фрагменты человеческих тел имеют признаки насильственной смерти. Таким образом, по мнению Блегена, разрушение Трои VIIa было связано с захватом города и гибелью людей. «Скученность многочисленных маленьких домишек везде, где можно было найти свободный клочок, указывает на то, что стены крепости должны были укрыть значительно большее, чем раньше, количество жителей города. Установка под полом почти в каждом доме и комнате бесчисленных вместительных сосудов для хранения съестных припасов и воды говорит о необходимости запастись максимальным количеством продовольствия и воды на случай чрезвычайных ситуаций. Что это могли быть за ситуации, кроме вражеской осады?»⁴¹

Анализируя в соответствии с хронологией керамики Арне Фурумарка⁴² микенскую керамику, обнаруженную в культурном слое сожженного города, Блеген обнаружил, что большинство ее образцов относится к типу III Б,

⁴¹ Блеген К. Троя и троянцы. — С. 197—198.

⁴² Furumark A. Mycenaean Pottery I: Analysis and Classification. — Stockholm, 1941.

датируемому первой половиной XIII века до н.э. Более ранний тип, III А, представлен в этом слое слабо, а изделия более позднего типа — III В — в нем отсутствуют. Исходя из этого, Блеген пришел к выводу, что Троя VIIa была разрушена приблизительно в 1260 году, за два поколения до упадка микенской цивилизации. «Почти все крупные микенские города в материковой Греции (пожалуй, кроме городов Аттики) были разрушены ближе к концу или в конце периода производства микенской керамики типа III Б... Примерно к 1200 году до нашей эры могущество Микен пошатнулось; крупные города, о которых в «Каталоге кораблей» говорится, что их жители составляли костяк войска Агамемнона, выступившего в поход против Трои, лежали в развалинах, а сумевшим спастись остаткам населения предстояла трудная борьба за выживание. Период, когда изготавливалась и находилась в обиходе керамика типа III В, характеризовался обнищанием народа и упадком культуры, а от прежней славы Микен к тому времени остались только воспоминания. Микенские цари и князья уже не могли объединиться и отправиться в иные земли в завоевательный поход. Такое было возможно значительно раньше, когда микенская цивилизация находилась на пике своей политической, экономической и военной мощи, когда во всем своем величии стояли прекрасные царские дворцы, радушно встречавшие дорогих гостей. Крепость была взята и сожжена до того, как закончилась первая половина XIII века, то есть тогда, когда микенская керамика типа III Б входила в Трою VIIa в пору расцвета, а керамика типа III А уступала ей дорогу.

Карл Блеген утверждал, что Троя VIIa была захвачена и сожжена в середине XIII в. до н.э., аргументируя это преобладанием в ее культурном слое микенской керамики типа III Б.

Таким образом, получается, что мифологической Троей должна была быть Троя VIIa — эта крепость с печальной судьбой, осада и взятие которой привлекли внимание и разбудили воображение ее современников — поэтов и сказителей, чьи истории о героях этой войны передавались из уст в уста, из поколения в поколение. Нет сомнения, что со временем в их рассказах какие-то детали забывались и опускались, а что-то добавлялось от себя. Так происходило до тех пор, пока эти сказания не достигли ушей гениального поэта. Он собрал эти разрозненные истории и написал две эпические поэмы, дошедшие до наших дней»⁴³.

Гомеровским Илионом Карл Блеген назначил Трою VIIa, погибшую в результате ее захвата неприятелем после продолжительной осады. Однако нет оснований считать, что она была захвачена именно греками.

Результаты раскопок следующего культурного слоя, относящегося к фазе Троя VIIb (1260—1190 гг. до н.э.), показывают, что многим обитателям сожженного города удалось избежать гибели. Вскоре после ухода

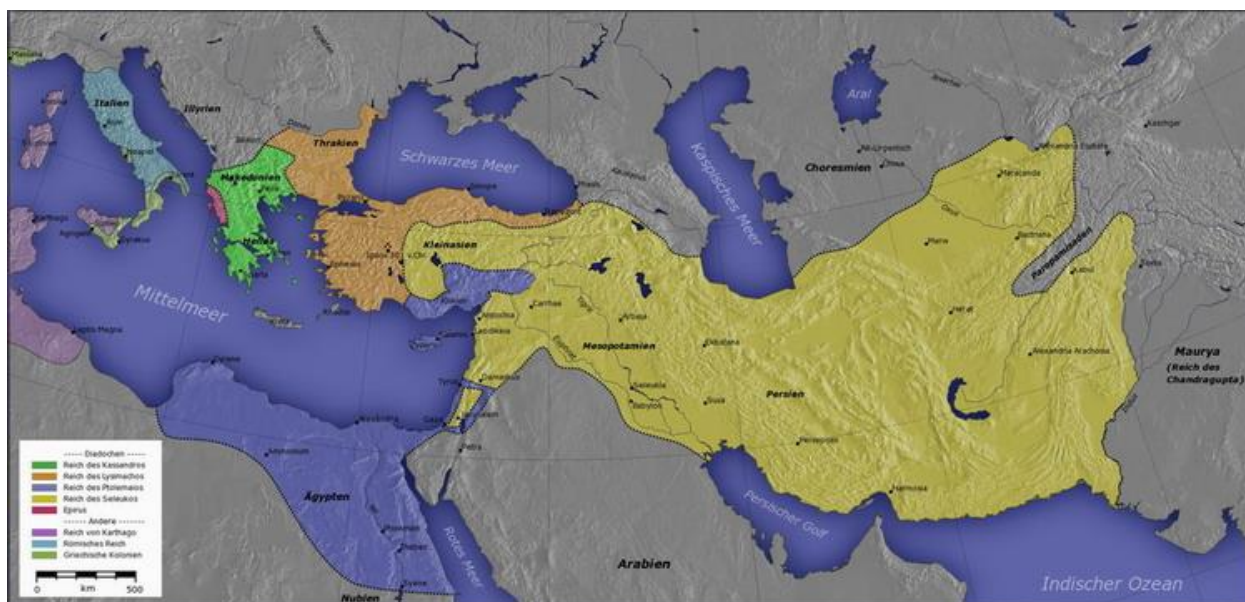
⁴³ Блеген К. Троя и троянцы. — С. 200—201.

завоевателей они вернулись и построили новые дома прямо на руинах старых, в результате чего город поднялся приблизительно на метр от прежнего уровня земли. Однако еще недавно великому городу уже не суждено будет вернуть былое величие. Население обнищает, а через какое-то время и вовсе покинет город. При этом крепостная стена не получит повреждений, как бывало прежде. «Создается впечатление, — пишет Блеген, — что все произошло достаточно спокойно: жителей просто прогнали из их домов, и туда сразу же въехали новые жильцы»⁴⁴. Поселившееся здесь племя принесло с собой грубую, изготовленную без гончарного круга керамику, ставшую своего рода визитной карточкой Трои VIIIb. Эта лепная «керамика с наростами», равно как и некоторые примитивные предметы обихода из бронзы, найденные в том же слое, по мнению некоторых исследователей, имеет явное родство с подобными изделиями, обнаруженными в отложениях позднего бронзового века в Венгрии.

Очередная гибель города в результате пожара знаменует завершение истории древней Трои. В течение четырех столетий город пустовал — возможно, его жители нашли себе более спокойное место для жизни. Новая Троя — Троя VIII (700—85 гг. до н.э.) — уже всецело принадлежала к греческому миру. Он известен под именем Илион, хотя его связь с гомеровским Илионом категорически отвергалась многими учеными античности⁴⁵. Этот город уже не так могуч, так как несколько раз переходил от одного государства к другому. Именно его посетил в 480 году до н.э. царь Ксеркс, а в 334 году до н.э. — Александр Македонский. После распада его империи город достался Лисимаху, проявившему, по словам Страбона, «особую заботу о городе».

⁴⁴ Блеген К. Троя и троянцы. — С. 205.

⁴⁵ Страбон. География. — С. 556—557.

Раздел империи Александра после битвы при Иссе (301 г. до н.э.) Оранжевым цветом обозначена держава Лисимаха. **ПЕРЕРИСОВАТЬ И ПЕРЕВЕСТИ НА РУССКИЙ.**

Потом Илион вошел в Римскую империю, в нем строились бани, храмы и театры. Однако в 85 году до н.э. из-за противоречий с Римом город был вновь разграблен и разрушен — на этот раз войсками римского наместника Гая Флавия Фимбрии, взявшими его после осады во время войны с Митридатом Евпатором.

Когда Фимбрия стал хвалиться, что он на одиннадцатый день захватил этот город, который Агамемнон взял лишь с трудом на десятый год, имея флот в тысячу кораблей, причем вся Греция помогала в походе, один из илионцев заметил: «Да, но у нас не было такого защитника, как Гектор»⁴⁶.

Троя IX, относящаяся к периоду 85 г. до н.э. — 500 г. н.э., была восстановлена разгромившим Фимбрию Суллой Счастливым, затем активно строилась и при Юлии Цезаре, и при Октавиане Августе. К 400 году город оказался заброшен, и все геостратегические выгоды перешли к Константинополю. Со временем Троя превратилась в холм, который через полторы тысячи лет исторического забвения и был раскопан Генрихом Шлиманом.

⁴⁶ Страбон. География. — С. 556.

Римский одеон времен Трои IX (85 г. до н.э. — 500 г. н.э.)

Глава 3. Война за Трою, век двадцатый

Экскурсионный маршрут по троянскому археологическому заповеднику начинается с Восточных ворот, относящихся к периоду Трои VI. Что, видимо, не случайно: входя на территорию великого города, сразу ощущаешь мощь его стен и невольно идентифицируешь себя с его защитниками. Путь, обнесенный цветными ленточками (мало ли чего можно ожидать от этих туристов!), проложен мимо Северного бастиона с чудесной видовой площадкой, храма Афины, обнаруженного еще в 1865 году Фрэнком Калвертом, древней цитадели из бурого сырцового кирпича и домов-мегаронов, сложенных за тысячу лет до Троянской войны, траншеи Шлимана, выглядящей рваной раной на теле седого холма...

Мегароны XXIII века до н.э. защищены крышей-парусом от непогоды и ленточками — от любопытных туристов.

Пройти всей туристической тропой, если не фотографироваться у каждого камня и надолго не останавливаться у информационных стендов — дело десяти-пятнадцати минут. Могучая крепость в поперечнике — всего двести метров.

Двести на двести — это четыре гектара, что примерно соответствует площади пяти футбольных полей или одного не самого крупного современного мегамолла. Как же могли разместиться здесь пятьдесят тысяч защитников Трои, о которых пишет Гомер? Допустим, что большинство из них находилось за пределами бастиона. Сотрудники экспедиции Манфреда Корфмана Хельмут Беккер и Йорг Фасбиндер в начале 1990-х установили с помощью магнитной разведки, что троянский кремль в XIII—XII веках до н.э. был окружен обширным нижним городом, который защищали два внешних кольца стен и вырубленный в скале ров, отстоящий от крепости на полкилометра. Таким образом, территория Трои расширялась примерно впятеро — теперь это уже примерно площадь Московского Кремля. И все-таки — пятьдесят тысяч человек, которым надо спать чуть более комфортно, чем стоя, да еще и держать скот, боевых лошадей, колесницы!.. На такой площади экономически обосновано, как выразилась бы Маргарет Тэтчер, проживание не более пяти тысяч человек. Корфман дает семь. Пусть так, но уж точно не больше!

Впрочем, цифры, приведенные Гомером, давно относят к поэтическим преувеличениям — 29 царств в ахейской коалиции, 1186 кораблей, туго набитых воинами (от 50 до 120 человек на каждом, то есть, в сумме — более ста тысяч!), 10 лет осады...

Но осталось немало вопросов, на которые до сих пор нет однозначных ответов. В том числе, и из-за ущерба, нанесенного Шлиманом. Кто такие троянцы, к какой народности они относились, на каком языке разговаривали, и почему почти все они носят греческие имена? Кому молились троянцы, и с чего это вдруг им помогали некоторые греческие боги? Если греки и в самом

деле взяли Илион, то отчего они не воспользовались плодами победы и не захватили страну или хотя бы не оставили здесь своего наместника? Была ли, наконец, в реальности великая Троянская война, или это поэтический образ, в который спрессовалось множество военных кампаний, набегов и осад, происходивших на протяжении десятков или даже сотен лет?

Подобные вопросы с особой остротой начали ставиться в то самое время, когда предание о Троянской войне было, казалось бы, полностью подтверждено находками Шлимана, Дёрпфельда и Блегена.

Сомнения в историчности Троянской войны возродились, когда предание о ней было, казалось бы, полностью подтверждено находками Шлимана, Дёрпфельда и Блегена.

В некотором роде произошел ренессанс воззрений конца XVIII — начала XIX века, когда были весьма распространены сомнения в исторической реальности как Троянской войны, так и самой Трои.

Если античные мыслители считали Гомера не только искуснейшим поэтом, но и величайшим ученым, а его поэмы — источником самой достоверной информации по истории и географии (по Страбону, «Гомер превзошел всех людей древнего и нового времени не только высоким достоинством своей поэзии, но... и знанием условий общественной жизни»⁴⁷), то наука Нового времени совершенно ниспровергла его авторитет. Ненадежной была признана не только информация о событиях, описанных в «Илиаде» и «Одиссее» — само существование Гомера было поставлено под вопрос. Скептицизм ученых дошел до такой степени, что одно время считалось безумием верить даже в самую возможность существования в Эгеиде до I тысячелетия до н.э. вообще сколько-нибудь значительной

⁴⁷ Страбон. География. — С. 8.

культуры⁴⁸. По их мнению, все эти «многозлатые Микены», «цветущие Коринфы» и «пышно устроенные Трои», вызывавшие зависть своим богатством даже у греков классической эпохи — всего лишь сказочные города, населенные такими же сказочными персонажами — потомками и родственниками олимпийских богов Агамемноном, Ахиллом, Диомедом, Приамом. Вместе с тем, всегда находились ученые, верившие в слово Гомера и готовые отстаивать свою точку зрения.

На рубеже XVIII—XIX веков по поводу Гомера разгорелись, пожалуй, наиболее яростные баталии. Среди сомневающихся были, в частности, англичане Джон Маклорин, выпустивший «Трактат в доказательство, что Троя не была взята греками» (1788), и Джекоб Брайант, издавший написал «Трактат касательно Троянской войны и экспедиции греков, как она описана Гомером; показывающий, что такая экспедиция не была когда-либо совершена, и что такой город Фригии не существовал» (1796). Последний вел ожесточенную полемику об историчности Трои с археологом Лешевалье, тем самым, что впервые локализовал Илион в районе Бунарбаши. «Кабинетные критики жарко спорили из-за пустяков — расположения греческих кораблей и даже вероятного числа детей, рожденных лагерными шлюхами»⁴⁹.

В самый разгар схоластических побоищ равнину у берегов Геллеспонта посетил великий романтик Байрон. Сама атмосфера этих мест уверила его в исторической правде гомеровских поэм. Через одиннадцать лет он внесет в свой дневник следующий пост: «В 1810 году я *ежедневно* в течение месяца с лишним бывал на этом поле [близ Гиссарлыка], и если что-нибудь отравляло мне удовольствие, так это негодяй Брайант, подвергший ее сомнению.... Я продолжаю чтить великий оригинал и считать, что он верен *истории* (в основных фактах) и *месту*. Иначе я не мог бы им наслаждаться. Когда я садился отдохнуть на огромный могильник, кто бы мог убедить меня, что под ним не покоится герой? — Сама огромность камня говорила об этом. Люди

⁴⁸ Гордезиани Р.В. Проблемы гомеровского эпоса. — Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1978. — С. 161.

⁴⁹ Вуд М. Троя: В поисках Троянской войны / Пер. В. Шарапова. — М.: Столица-Принт, 2007. — С. 63.

не сооружают памятников презренным и ничтожным мертвецам. И почему бы им не быть гомеровскими героями?»⁵⁰

Геллеспонт в районе г. Чанакале.

Несмотря на столь поэтичные доводы Байрона, убеждение в том, что Троянская война — всего только вымысел слепого аэда, было распространено среди ученых еще полвека, пока раскопки Шлимана не уверили научную общественность в исторической подлинности великих городов, описанных в «Илиаде» — Трои, Микен, Тиринфа, Орхомена. Некоторые находки археолога-любителя на первый взгляд в точности соответствовали предметам, описанным Гомером — на найденном в Микенах клинке бронзового кинжала был изображен знаменитый башенный щит, которым владел в «Илиаде» Аякс, там же были обнаружены остатки шлема из клыков вепря, описанного в десятой рапсодии поэмы, и т.д. Все это выглядело неоспоримым доказательством реальности и самой Троянской войны. А сам Гомер уже представлялся если не непосредственным свидетелем описываемых им событий, то, по крайней мере, младшим современником своих героев. «Сведения Гомера постепенно приобрели характер своего рода “путеводителя” в изучении эгейской культуры микенской эпохи»⁵¹.

⁵⁰ Байрон. Дневники и письма / Пер. З.Е. Александровой. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. — С. 202.

⁵¹ Гордизиани Р.В. Проблемы гомеровского эпоса. — С. 162.

Однако романтическая эпоха Шлимана быстро кончилась. Уже в конце XIX века стали появляться серьезные исследования, демонстрировавшие, что материальная культура и быт гомеровских героев не соответствуют культурной среде микенской цивилизации и должны быть отнесены к более позднему времени⁵². Вооружая своих персонажей железным оружием и метательными копьями, неизвестными в бронзовый век, Гомер обходил вниманием все характерные приметы микенской культуры, не упоминая ни мощные дороги с мостами, ни водопровод и канализацию во дворцах, ни фресковую живопись, ни даже письменность, существование которой до XII века до н.э. доказывали глиняные таблички, найденные Артуром Эвансом в начале XX века при раскопках Кносса на Крите. Таким образом, оказывалось, что к моменту написания «Илиады» и «Одиссеи» микенская цивилизация уже была забыта. Достоверность гомеровских свидетельств была вновь поставлена под сомнение.

Масла в огонь подлили гарвардские филологи Милмэн Пэрри и Альберт Лорд, в конце 1920-х — начале 1930-х годов исследовавшие особенности стиля гомеровского эпоса. Для выяснения техники создания, усваивания и передачи устных сказаний они предприняли несколько экспедиций на Балканы для изучения живой эпической традиции. Собрав и изучив огромный фольклорный материал, они выяснили, что жизнь эпоса в веках основывается на передаче не готовых текстов, а набора средств, используемых при порождении песни — сюжетов, канонических образов, стереотипных словесно-ритмических формул, которыми певцы пользовались как словами языка. В частности, это позволяло исполнителям воспроизводить (а точнее, создавать в процессе исполнения) поэмы в тысячи строк⁵³. Песня каждый раз импровизируется, но остается формой коллективного творчества.

⁵² Пожалуй, впервые догадку о разновременности мира Гомера и той эпохи, о которой повествует «Илиада», высказал в начале XVIII века итальянский философ Джамбаттиста Вико. (См. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций / Пер. А.А. Губера. — М.-К.: «REFL-book»-«ИСА», 1994. — С. 348—350).

⁵³ Во время своей экспедиции Пэрри записал поэму боснийца Авдо Меджедовича «Женитьба Смаилагича Мехо» длиной более 12 тысяч строк, то есть, равной по объему «Одиссее». (Лорд А.Б. Сказитель. — М.:

Таким образом был доказан фольклорный характер гомеровских поэм, для которых характерен именно такой формульный стиль (более 90 процентов текста «Илиады» собрано из подобного рода формул — количество поистине поразительное, особенно если учесть изысканность и замысловатость греческого гекзаметра⁵⁴). А требовать от фольклора точного отражения исторической реальности не приходится.

На этом настаивал и авторитетный историк Мозес Финли, утверждавший в своей книге «Мир Одиссея» (1954), что искать в гомеровских произведениях достоверные свидетельства относительно Троянской войны, ее причинах, исходе и даже составе коалиций — все равно, что изучать историю гуннов в V веке по «Песне о Нибелунгах» или обращаться к «Песне о Роланде» для реконструкции хода Ронсевальской битвы. Свои сомнения Финли основывал не только на данных сравнительной филологии, но и на результатах исследования экономической истории гомеровского общества с помощью модели, предложенной французским антропологом Марселем Моссом.

В своей знаменитой книге «Очерк о даре» (1925) Марсель Мосс исследовал механизм функционирования экономики традиционных обществ, основанный на принципе безвозмездной траты. Согласно Моссу, архаическая экономика не преследует выгоды. В ее основе лежит потlach — праздник, устраиваемый для раздачи всего имущества своего племени, однако, принимая подарки, другое племя тем самым обязуется учинить еще больший, еще более щедрый потlach. Отсюда возникает круговорот богатства, накапливаемого и расходуемого для престижа одних и наслаждения других⁵⁵.

Воссоздавая систему обменов в эллинском мире, Финли обнаружил, что в поэмах Гомера нашли отражение социально-экономические отношения,

Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. — С. 94). Таким образом была эмпирически доказана возможность появления произведений подобного объема в бесписьменной культуре.

⁵⁴ Лорд А.Б. Сказитель / Пер. Ю.А. Клейнера и Г.А. Левинтона. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. — С. 160.

⁵⁵ Мосс М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / Пер. А.Б. Гофмана. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996.

близкие к тем, что существовали в восточных деспотиях и совершенно не характерные для микенского общества времен Троянской войны (XIII—XII веков до н.э.) «Илиада» и «Одиссея», скорее, воспроизводили реалии X—IX веков до н.э., то есть, эпохи Темных веков. Исходя из этого, Финли прямо заявил, что Троянскую войну Гомера следует вычеркнуть из истории греческого бронзового века.

Американский историк Мозес Финли, призвавший «вычеркнуть» Троянскую войну Гомера из истории греческого бронзового века. [В ПОНЕДЕЛЬНИК БУДЕТ ДРУГАЯ ФОТКА.](#)

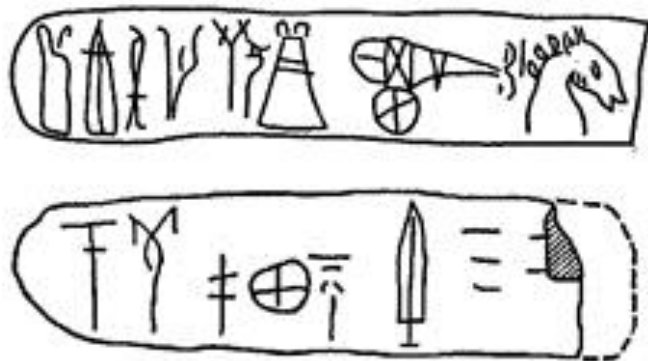
Книга Мозеса Финли была написана еще до публикации Майклом Вентрисом и Джоном Чедвиком результатов дешифровки так называемого линейного письма Б — древнейшего слогового письма, образцы которого были обнаружены на артефактах микенской Греции⁵⁶. Статья Вентриса и Чедвика «Данные о греческом диалекте в микенских архивах»⁵⁷ вызвала цепную реакцию в научном мире. Одно за другим появлялись исследования, реконструирующие крито-микенский период древней истории. По свидетельству Чедвика, только за период с 1953 по 1958 год появилось 432

⁵⁶ Дворец в Пилосе, где были найдены таблички с текстами, написанными этим типом письма, был открыт в начале 1950-х гг. Карлом Блегеном.

⁵⁷ Ventris M., Chadwick J. Evidence for Greek dialect in the Mycenaean archives // The Journal of Hellenic Studies. — 1953. Vol. 73. — PP. 84—103.

статьи, брошюры и книги, принадлежащие перу 152 авторов из 23 стран⁵⁸. Эти исследования доказывали, что линейное письмо Б было распространено во всех крупных центрах микенской Греции как официальное письмо, а стало быть, как фактор, объединяющий в едином культурном пространстве политически разрозненные общества, и — самое главное — что в Эгеиде II тысячелетия до н.э. существовала высокая культура и развитая политическая жизнь.

«Тексты, найденные в Кноссе, Пилосе, Микенах, Фивах и т.д., позволили, наконец, восстановить повседневную жизнь современников Троянской войны и даже нескольких поколений их предшественников начиная с XIII века до н.э., — утверждает влиятельный французский историк Поль Фор. — Благодаря им крестьяне, моряки, ремесленники, солдаты, чиновники вновь начали говорить и действовать. А золотые маски Афинского музея отныне уже не просто маски мертвых»⁵⁹.

Кносские таблички, записанные линейным письмом Б (XV в. до н.э.)

Результаты дешифровки древних письменных источников в сочетании с анализом археологических находок послужили дополнительным аргументом в пользу тезиса Финли и его предшественников, что автор

⁵⁸ Чэдуик Дж. Дешифровка линейного письма Б / Пер. Г.А. Бариновой // Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. М.: Прогресс, 1976. — С. 202.

⁵⁹ Чэдуик Дж. Дешифровка линейного письма Б. — С. 214; Фор П. Повседневная жизнь Греции во времена Троянской войны / Пер. М.В. Мальковой. — М.: Молодая гвардия, 2004. — С. 24.

«Илиады» совершенно не представлял себе обычаев и быта эллинов XIII—XII веков до н.э.

Результаты дешифровки микенской письменности в сочетании с анализом археологических находок доказывали, что автор «Илиады» совершенно не представлял себе обычаев и быта эллинов XIII—XII веков до н.э.

В греческих теократических монархиях времен Троянской войны цари — это живые боги, недоступные для простых смертных и управляющие своими царствами при помощи хорошо развитого бюрократического аппарата⁶⁰. — У Гомера цари весьма близки к народу и не чужды демократических методов правления⁶¹.

Микенцы поклонялись небольшого размера идолам, помещенным в маленькие часовенки или домовые алтари⁶². — Герои «Илиады» молились в величественных храмах⁶³, где стоят ростовые статуи богов.

Аристократов греческих полисов XIII—XII веков до н.э. хоронили в шахтных гробницах украшенными золотом и драгоценностями вместе с посудой и гардеробом⁶⁴. — Павших гомеровских героев сжигали на ритуальных кострах, а урны с прахом погребали под курганами⁶⁵.

Микенцы пользовались бронзовым оружием и практически не знали железа⁶⁶ — в заметных количествах греки начнут выплавлять его лишь в X в. до н.э., то есть, в эпоху Темных веков. — Герои «Илиады» бьются

⁶⁰ Фор П. Повседневная жизнь Греции во времена Троянской войны / Пер. М.В. Мальковой. — М.: Молодая гвардия, 2004. — С. 110—111.

⁶¹ Вожьд ахеян Агамемнон принимает ключевые решения не авторитарно, но на военном совете. См. напр. начало 2-й песни «Илиады» (Гомер. Илиада. — С. 31—40).

⁶² Фор П. Повседневная жизнь Греции... — С. 119—123.

⁶³ Чего стоит только описываемый Гомером храм Афины в Трое!

⁶⁴ Фор П. Повседневная жизнь Греции... — С. 77, 99.

⁶⁵ См. сцену погребения Патрокла в 23-й песни «Илиады» (Гомер. Илиада. — С. 357—362).

⁶⁶ Чэдуик Дж. Дешифровка линейного письма Б. — С. 218.

железными палицами и секирами, оснащают стрелы железными наконечниками.

«Гомер и археология быстро расходятся, — отмечает Мозес Финли. — В целом ему было известно, где именно процветала микенская цивилизация, и его герои жили в больших дворцах Бронзового века, неизвестных во времена самого Гомера. И это, в сущности, все, что он знал о микенской эпохе, тогда как список его ошибок чрезвычайно велик»⁶⁷.

Помимо многочисленных анахронизмов в гомеровских поэмах сомнения в достоверности имеющихся сведений о Троянской войне давали и результаты более детального анализа археологических данных, полученных Карлом Блегеном.

Как мы видели, одним из главных аргументом для Блегена в пользу того, что Троя была захвачена и сожжена греками в середине XIII века до н.э., являлось преобладание в культурном слое Трои VIIa — единственного города на холме Гиссарлык, погибшего в результате вражеского нападения — образцов микенской керамики типа III B. Этот аргумент был оспорен участником экспедиции Корфмана профессором ядерной физики из Бонна Хансом Моммзенем. Используя метод нейтронной активации, он установил, что «микенская» керамика имела местное происхождение.

«Каждое месторождение содержит характерную комбинацию микроэлементов. Чтобы идентифицировать их, исследуемый объект помещают в ядерный реактор и облучают нейтронами. В этих условиях любой химический элемент испускает гамма-лучи, энергию которых можно измерить с помощью детектора. Таким образом обнаруживают микроскопические концентрации элементов: например, один примесный атом, характерный лишь для данного месторождения, на миллиард обычных»⁶⁸.

⁶⁷ Finley M.I. *The World of Odysseus*. — N.Y.: The Viking Press, 1954. — P. 39.

⁶⁸ Рябцев В. Троя. Крушение мифа? // *Техника — молодежи*. — 1998. №8. — С. 27.

Слухи о широкомасштабном экспорте в Малую Азию керамики из Микен оказались сильно преувеличены. Наоборот, это троянцы экспортировали свою посуду в Микены.

Таким образом, собранные Карлом Блегеном и его предшественниками археологические данные уже не могли служить убедительным доказательством взятия Трои греками в эпоху поздней бронзы.

Собранные Блегеном и его предшественниками археологические данные уже не могли свидетельствовать о взятия Трои греками в эпоху поздней бронзы.

Но, может быть, они взяли какой-то другой город?

В свое время тот же Блеген находил весьма странным тот факт, что город Приама носит в поэмах Гомера сразу два имени — то он Троя, то вдруг Илион. Существует версия, что собственно город имел название «Илион», а под «Троей» следует понимать находящуюся в его юрисдикции и лежащую окрест местность. «Однако, — отмечает Блеген, — в поэмах Гомера такое различие не прослеживается, и оба названия употребляются для обозначения одного и того же города»⁶⁹. Ученый приводит следующие факты: в «Илиаде» название Илион встречается 106 раз, Троя — только 50 раз. В «Одиссее» соотношение иное: Троя — 25 раз, Илион — 19 раз⁷⁰. Сильно разнятся и эпитеты, определяющие у Гомера тот или иной город. «Троя — это «широко раскинувшийся город», «с просторными улицами»; окружен крепостными стенами, над которыми возвышаются «красивые башни», в стенах — «большие ворота»; это «великий город», «город Приама», «город троянцев». Кроме того, в городе «хорошая плодородная земля». Илион — это

⁶⁹ Блеген К. Троя и троянцы. — С. 11.

⁷⁰ Интересно связать изменение этого соотношения с тем фактом, что «Одиссея» написана значительно позднее «Илиады». Тенденция вытеснения «Илион» «Троей» продолжится и у более поздних авторов. В «Энеиде» Вергилия (I в. до н.э.) город называется 20 раз Троей и только дважды — «Илионом». А в «Постгомерике» Иоанна Цецеса (XII в.) термин «Илион» уже не употребляется вовсе.

«священный»; «неповторимый» и «неподражаемый»; «наводящий ужас»; но в то же время «хорошо построенный» город, в котором «удобно жить», хотя там и «дуют сильные ветры». Он тоже «красивый» и славится «хорошими жеребятами»⁷¹. Лишь одно устойчивое определение используется по отношению к обоим городам — *euteicheos* (за мощной крепостной стеной). «Это единственное исключение, а в остальных случаях описания одного города никогда не применяются при характеристике другого — и это несмотря на близость описаний по своей сути»⁷².

Блеген не делает из сравнений никаких выводов, но выводы напрашиваются. Что если в поэмах Гомера объединились рассказы о долгой осаде и захвате двух разных городов? И случаен ли тот факт, что лишь во времена расцвета Византии война стала называться Троянской, в то время как в античных источниках она носит название Илионской? По мнению российского гомеролога Льва Клейна, взаимоисключающие друг друга определения Илиона и Трои и прочие несуразицы можно объяснить тем, что «хотя для Гомера (как условного автора окончательного текста «Илиады») это был один город, в фольклорных источниках Гомера, в тех сказаниях, которые он использовал и перерабатывал, это были разные города. То есть что налицо контаминация разных сказаний — об Илионе и о Трое, а сказания эти принадлежали разным этнокультурным традициям греческого мира и, может быть, разным эпохам»⁷³.

⁷¹ Блеген К. Троя и троянцы. — С. 11.

⁷² Блеген К. Троя и троянцы. — С. 11.

⁷³ Клейн Л.С. Анатомия Илиады. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1998. — С. 32.

Российский историк Лев Клейн настаивает, что Илион и Троя — два разных города-государства, и им никогда не сойтись.

Фото Д. Гибадуллин-Клейн. klejn.archaeology.ru/photo/LSK4a.jpg

Эта гипотеза находит подтверждение и в хеттских источниках.

Открытие хеттской цивилизации стало одной из величайших научных сенсаций XX века. Как оказалось, легендарный библейский народ не просто существовал в истории, но и создал одну из могущественнейших держав своего времени, чья территория простиралась от долины Евфрата до Эгейского моря. Хетты говорили на древнейшем из ныне известных индоевропейских языков, они первыми начали использовать железные орудия и конные колесницы, составили первую в истории конституцию⁷⁴ и заключили первый мирный договор⁷⁵. Благодаря дешифровке клинописных табличек, найденных в Богазкёе⁷⁶, удалось установить, что хеттская империя имела тесные связи с Египтом, Вавилоном, Ассирией, а также с неким царством, известным ей под названием «Аххиява».

⁷⁴ «Конституцией хеттов» называют указ царя Телепину (XV в. до н.э.), который реформировал систему передачи трона и разграничил полномочия между ветвями власти: царем, тулией (советом старейшин) и панкусом (вечем воинов).

⁷⁵ Заключен все тем же Телепину с царством Киццуватна (Киликия). Новый инструмент международной политики оказался весьма эффективным; остановив «войну всех против всех», он послужил толчком к постепенному возвышению хеттского царства.

⁷⁶ Из тех же табличек следовало, что турецкий город Богазкёй — не что иное как древняя Хаттуса, столица хеттской империи.

Более того, согласно хронике хеттского царя Тудхалии IV (1250—1220 гг. до н.э.), Аххиява уже к этому времени является активным субъектом малоазиатской политики, проводя военные операции в западной Анатолии:

- 1) «(.....) страна реки *Seha* вновь нарушает (границу).
- 2) (Народ страны реки *Seha* говорил): «Дед его величества не покорял (нас) мечом.
- 3) (когда) он покорял страны Арцева, нас
- 4) (он не покорил) мечом, мы..... ему»
- 5) (Так страна реки *Seha*...) развязал войну и царь Аххиявы отступил.
- 6) (Сейчас, когда он) отступил, я, великий царь, атаковал...»⁷⁷

Из данного отрывка можно заметить, что столкновение интересов хеттов и Аххиявы не привели к войне между ними — хетты атаковали страну реки *Seha* лишь после исхода из нее царя Аххиявы.

В 1924 году швейцарский востоковед Эмиль Форрер отождествил Аххияву со страной ахейцев (гомеровских «ахайой»)⁷⁸, положив начало дискуссии, продлившейся несколько десятилетий. Уже в 1932 г. Форреру ответили из тяжелой артиллерии — в свет вышел фундаментальный труд Фердинанда Зоммера «Документы Аххиявы» (*Die Ahhijava Urkunden*), посвященный опровержению микенской гипотезы⁷⁹. Зоммер и его сторонники настаивали на том, что сходство имен «Аххиява» и «ахайой» случайным совпадением, апеллируя к неоднозначности фонетических сближений и прочей филологии. Poleмика продолжалась с переменным успехом до 1980-х годов, пока исследования Ганса Гютербока и Маргариты Финкельберг окончательно не склонили чашу весов в пользу концепции Форрера⁸⁰.

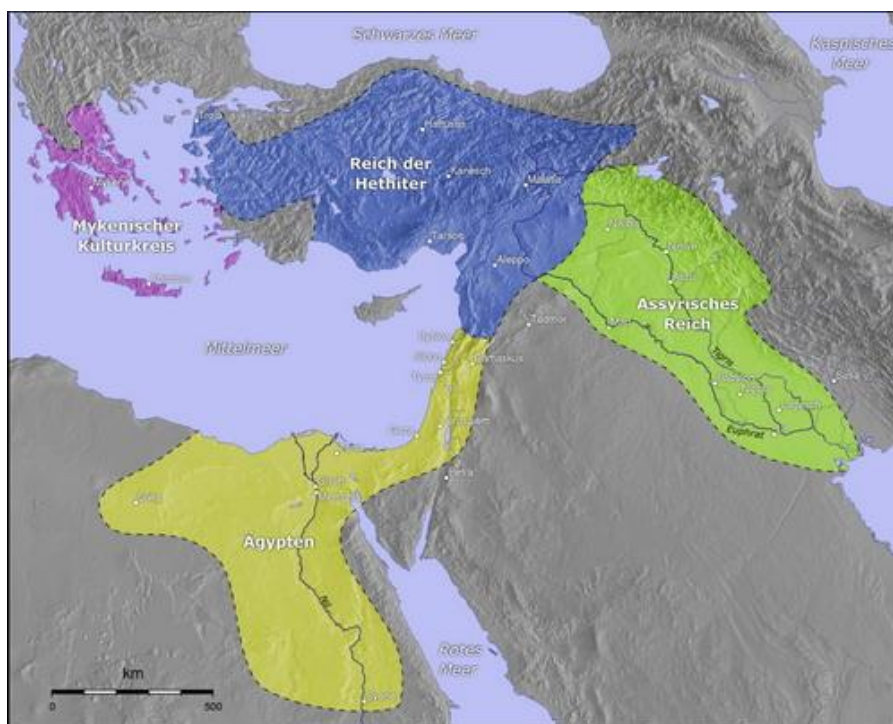
⁷⁷ Цит. по: Гордезиани Р.В. Проблемы гомеровского эпоса. — С. 181.

⁷⁸ Forrer E. Vorhomerische Griechen in den Keilschrifttexten von Bogazköi // *Mitteilungen der Deutschen Orientgesellschaft (MDMG)*. — 1924. Bd. 63. — S. 1—22.

⁷⁹ Зоммер считал, что хеттскую Аххияву следует искать не в Греции, а в пределах Малой Азии, в частности Киликии.

⁸⁰ Güterbock H. G. Hittites and Achaeans: A New Look // *Proceedings of the American Philosophical Society*. — 1984, №128. — PP. 114—122; Finkelberg M. From Ahhijawa to *Aχαιοί* // *Glotta*. — 1988. №66. — PP. 127—134.

Сопоставление данных о войнах, торговых и дипломатических контактах ведущих держав того времени красноречиво доказывает правомерность идентификации Аххиявы с ахейским царством. Да и было бы удивительным, если бы хетты не заметили у своих западных границ активности греков, еще с середины XV века до н.э. начавших колонизацию побережья Малой Азии (первыми малоазиатскими колониями ахеев стали Крит и Милет). Документы показывают, что в XIII веке до н.э. хетты видели в Аххияве реальную силу, с которой необходимо считаться. Отсюда, в частности, обращение «брат мой» в знаменитом письме императора Хаттусили к ахейскому царю, датированном примерно 1260 годом до н.э.⁸¹ — подобным обращением он не удостаивал даже правителя могущественной Ассирии.

Политическая карта региона конца XV в. до н.э. ПЕРЕРИСОВАТЬ И ПЕРЕВЕСТИ НА РУССКИЙ.

Узнав в хеттской Аххияве микенскую Грецию, Форрер пошел дальше и объявил, что в архивах Хаттусы он обнаружил упоминания о Трое.

⁸¹ Согласно легендарной хронологии, адресатом Хаттусили мог быть либо Агамемнон, либо его отец Атрей.

Одновременно с Форрером о выявлении троянских следов в хеттских табличках заявил австрийский филолог Пауль Кречмер⁸². Сохранился документ начала XIII века до н.э. — договор, в котором царь Муваталли обязывал правителя Вилусы Алаксандуса оказать ему помощь «пехотой и колесничными войсками» в случае, не дай Бог, войны или мятежа. Таким образом Алаксандус вернет Муваталли долг — в трудное время хеттский царь приютил его у себя, а впоследствии помог вернуть власть. По мнению Кречмера, Алаксандус — не кто иной как троянский принц Александр (Парис), а Вилуса — страна Вила (Ила), или гомеровский Илион. Это подкрепляется легендой, приведенной историком VI века Стефаном Византийским в географическом лексиконе «Этника». Согласно этой легенде, на пути из Спарты в Илион Парис и Елена посетили малоазиатский город Самилию⁸³, где были приняты тамошним владыкой по имени Мотил. В Мотиле Кречмер опознал Муваталли, давшего кров Алаксандусу.

Название «Вилуса» фигурирует в целом ряде документов хеттского «МИДа», в том числе, в хронике Тудхалии IV, где оно упоминается в составе Ашшува (Ассува) — союза малоазиатских государств, выступивших против хеттов, и, что интересно, по соседству с некой Таруйсой, или, в другом прочтении, Труйей. Независимо друг от друга Форрер и Кречмер признали в ней гомеровскую Трою.

Таким образом, в хеттских источниках зафиксированы и Троя, и Илион. И названия эти явно относятся к разным географическим объектам. Приамов град чудесным образом раздвоился!

В хеттских источниках по именами Вилуса и Таруйса зафиксированы и Троя, и Илион. И названия эти явно относятся к разным географическим объектам.

⁸² Kretschmer P. Alaksandus, König von Vilusa // Glotta. — 1924. Bd. XIII. — PP. 205—213.

⁸³ В «Илиаде» упоминается посещение Парисом и Еленой Сидона (Гомер. Илиада. — С. 106).

Этот феномен исследователи пытались объяснить самыми разными способами. Дэнис Пейдж, соглашаясь с тождеством Таруйсы и Трои, отвергал совпадение Вилусы и Илиона. Джон Гарстанг и Оливер Гёрни предложили считать Вилуса страной, а Таруйсу — городом... «Странно, — удивляется Клейн, — что никто не попытался исходить из очевидного факта и, признав отождествления, принять указание Хроники по прямому смыслу его формулировки: во второй трети XIII в. до н.э. Вилусия (Вилуса) и Таруиса (или Троя) — разные государства. Первое известно хеттам с XVII в., второе (вероятно, новообразование) — только с XIII, и эти разные государства — Илион и Троя. В греческий героический эпос они входили (вероятно, позже) в том же порядке: сначала Илион, потом Троя. К VIII—VII вв. (времени формирования «Илиады») сказания о войнах с ними слились в одно. Образы городов совместились, имена стали равнозначными, а сросшиеся с ними эпитеты сохранились в качестве рудиментов далекого прошлого. Слияние произошло на базе знакомства певцов с реальным Илионом, когда место настоящей Трои и ее самостоятельность были уже забыты»⁸⁴.

На холме Гиссарлык, и в этом нет никаких сомнений, был найден Илион — об этом свидетельствуют и надписи на фрагментах зданий, и нумизматические данные, и сама историческая память. Илион разрушался в результате землетрясений, он осаждался и был взят неприятелем — хотя и нет никаких указаний на то, что взят он был именно греками. Именно об этом городе повествует и «Илиада».

Но где же, в таком случае, Троя? По расчетам историка Льва Клейна Троя-Труйя-Таруйса могла находиться в непосредственном соседстве с Илионским царством — Троядой, на южном побережье Мраморного моря, в районе Кизика, Афнитского озера и реки Тарсий⁸⁵.

⁸⁴ Клейн Л.С. Анатомия Илиады. — С. 47—48.

⁸⁵ Клейн Л.С. Анатомия Илиады. — С. 49.

Возникает резонный вопрос: почему археологи до сих пор не обнаружили в этих краях руины древнего города? Так ведь и Илион был раскопан по историческим меркам сравнительно недавно. Да и открытие великой хеттской цивилизации случилось всего только сто лет назад. Дух просвещения готовит ученым будущего множество чудных открытий. Много холмов безымянных в пределах седой Пропонтиды. В каждом из них обнаружиться может великая Троя.

Но вернемся к нашим хеттам. Как мы уже отмечали, из богазкёйских надписей ученые почерпнули подробнейшие сведения о дипломатической, политической и военной деятельности империи. И Троя, и Илион находились в сфере влияния Хаттусы, и до вхождения в коалицию Ашшува были союзниками хеттов. Естественно предположить, что десятилетняя война между любым из этих городов и микенской Грецией не осталась бы незамеченным хеттскими летописцами. Однако внятных упоминаний об этом событии в хеттских анналах нет. «Хеттские источники не дают никаких сообщений о значительных военных действиях в этих пределах к 1300 г. до н.э., — утверждает выдающийся советский гомеролог Рисмаг Гордезиани. — Это вызывает удивление, тем более что хетты к этому времени пользовались большим влиянием во всей западной Анатолии, а племена, населяющие эти территории, были даже союзниками хеттов в войне с Египтом к 1300 г. до н.э. В подобной ситуации, естественно, хетты не могли быть равнодушными к Троянской войне»⁸⁶.

Более поздние хеттские источники также не описывают крупных военных кампаний в районе Троады. Несмотря на это, Гордезиани все же сделал попытку доказать историчность Троянской войны. По его мнению, она могла произойти в промежутке между походом Тудхалии IV на государства Ашшуву (середина XIII в. до н.э.) и битвой при Пер-Ире между ливийцами и египетским царем Мернептахом (1230—1220 гг. до н.э.), к моменту которой Ашшува уже перестала существовать. Сопоставляя состав

⁸⁶ Гордезиани Р.В. Проблемы гомеровского эпоса. — С. 191—192.

военного альянса Ашшува и список союзников Ливии в их войне с Египтом, Гордезиани приходит к выводу, что разгром Ашшувы мог стать результатом большой войны, охватившей северо-западные и западные районы Анатолии. «Вероятно, — предполагает ученый, — это и была Троянская война»⁸⁷.

По мнению советского гомеролога Рисмага Гордезиани, троянский цикл мог отражать события большой войны, охватившей запад Анатолии между 1260 и 1220 гг. до н.э. Однако летописи не донесли до нас никаких сведений ни об участниках этой войны, ни об ее основных битвах, в том числе, об осаде и взятии Трои.

www.tsu.edu.ge/data/image_db_innova/PR/rismag%20gordeziani%201.jpg

Примечательно, что состав Ашшувы — антихеттской коалиции малоазиатских государств — в целом совпадает с перечнем союзников Трои в «Илиаде» Гомера. В связи с этим интересна версия, разделяемая многими учеными, что от названия «Ашшува» могло произойти будущее название континента — «Азия»⁸⁸. Таким образом — и тут нам, увы, не избежать ненаучных аллегорий — гипотетическая война союза ахейских государств с Ашшувой представляется войной микенской Европы с нарождающейся Азией.

⁸⁷ Гордезиани Р.В. Проблемы гомеровского эпоса. — С. 194.

⁸⁸ См. напр. Georgacas D.J. The name “Asia” for the continent: its history and origin. — Names. — 1969. 17 (1).

Согласно каталогу «Илиады», в союз троянцев входили: 1) племена, населяющие Троаду — жители собственно Трои, дарданцы, троянцы из Зелии — города у подножья Иды, адрастийцы, перкозийцы и др.; 2) пеласги из анатолийской Лариссы; 3) фракийцы; 4) киконы; 5) пеоны; 6) пафлагоны; 7) гализоны; 8) мисийцы; 9) фригийцы; 10) меоны; 11) кары, населявшие Милет; 12) ликийцы, населявшие современную Анталию. (Ил. II.816—877)⁸⁹. Помимо них, на стороне троянцев сражались лелеги и кавконы (Ил. X. 429)⁹⁰.

Здесь самое время вернуться к вопросу: на каком же языке говорили троянцы, и к какому народу они принадлежали? Если следовать букве Гомера, можно увидеть в троянцах тех же греков. Они поклоняются эллинским богам, носят греческие имена и не испытывают никаких трудностей в общении с оккупантами. Тот же Пауль Кречмер, опознав в хеттском Алаксандусе гомеровского Александра, считал это свидетельством ахейского присутствия в Трое и, возможно, династических связей с микенской Грецией. Однако Фердинанд Зоммер опроверг своего коллегу, указав, что первичным является как раз таки имя Алаксандус, имеющее хеттское происхождение. И именно греки подладили его под свое произношение, снабдив новой этимологией. В связи с этим известные российские эллинисты Леонид Гиндин и Вадим Цымбурский обращают внимание на один важный нюанс: «После Троянской войны это имя на 800 лет практически выпадает из живой греческой антропонимики и возвращается в нее в эпоху расцвета Македонии. Самый ранний Александр, известный в греческой истории, — царь Македонии, правивший в 498—454 гг. до н.э. Лишь в IV в. до н.э. данное имя выходит за пределы Македонии и появляется в соседних с ней греческих государствах — Эпире и фессалийских Ферах. После походов Александра Македонского, в окружении которого был ряд одноименных македонцев, оно становится одним из

⁸⁹ Гомер. Илиада. — С. 49—50.

⁹⁰ Гомер. Илиада. — С. 165.

популярнейших в греческом мире, но в эпоху «Илиады» греки могли узнать его только из традиции»⁹¹.

Убеждение в том, что гомеровскую Троию населяли этнические греки, господствовала в исторической науке на протяжении долгого времени. Как мы видели ранее, этой точки зрения придерживался и Карл Блеген, утверждавший, исходя из факта появления в соответствующем археологическом слое определенного вида керамики, что основателями Трои VI были именно греки⁹². Некоторые ученые, в том числе, Альбрехт Гётце, не обинуясь, называли Троию VI греческой колонией. Несколько иной была концепция Джеймса Меллаарта, предположившего, что греки поселились на землях Трояды еще в III тысячелетии до н.э., придя сюда по Юго-Восточным Балканам и далее через Геллеспонт и вытеснив из Трои II лувийцев⁹³. Эту гипотезу разделяли и российские ученые Гиндин и Цымбурский⁹⁴.

В бронзовом веке Троя была частью центральноанатолийской, а вовсе не микенской цивилизации, своего рода аванпостом Азии, нависшим над Европой.

Версия об «азиатской» природе троянцев считалась маргинальной до начала исследования холма Гиссарлык Манфредом Корфманом, доказавшим, что и планировка города (наличие акрополя, в котором проживает семья правителя, и нижнего города, где обитают остальные горожане), и архитектура крепостных стен, расширяющихся книзу и украшенных зубцами и башенками, и стоящие у городских ворот культовые стеллы характерны не для греческой, но для хеттской культуры. По словам ученого, «в бронзовом веке Троя была частью центральноанатолийской — вовсе не крито-

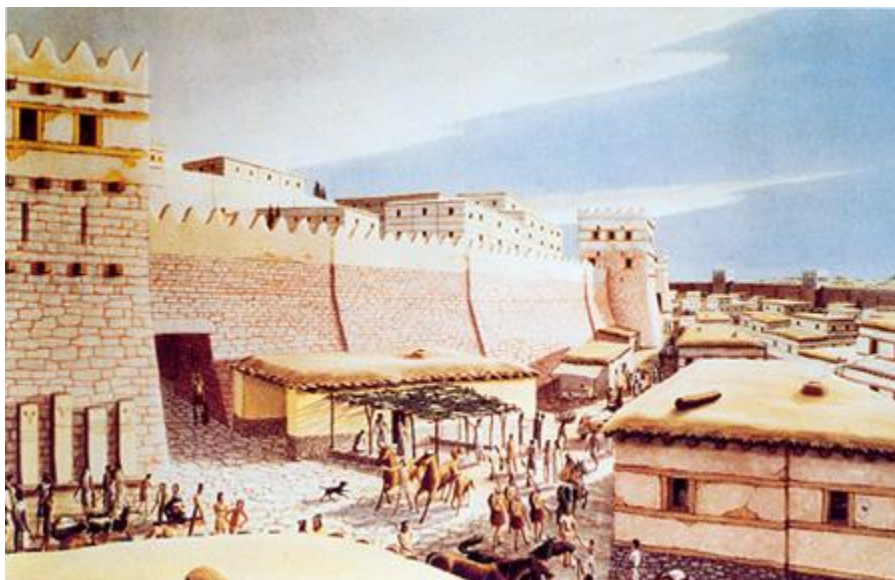
⁹¹ Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Прагреки в Трое (Междисциплинарный аспект) // Вестник древней истории. — 1994. № 4. — С. 30.

⁹² Блеген К. Троя и троянцы. — С. 179.

⁹³ Mellaart J. The End of the Early Bronze Age in Anatolia and the Aegean // AJA — 1958. V. 62. № 1.

⁹⁴ Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Прагреки в Трое (Междисциплинарный аспект) // Вестник древней истории. — 1994. № 4.

микенской цивилизации. Троя была аванпостом Азии, нависшим над Европой, а не крупным европейским городом бронзового века»⁹⁵.

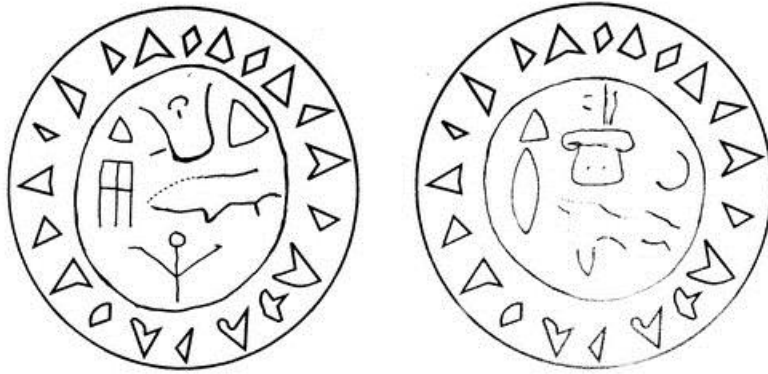
Реконструкция Трои VI в районе южных ворот. Рис. Кристофа Хауснера.

В октябре 1995 года во время раскопок, возглавляемых Корфманом, в слоях Трои VIIb2 была обнаружена бронзовая печать с анатолийскими иероглифами — единственный письменный документ гомеровской Трои. Эти иероглифы использовались в Хеттской империи наряду с клинописью, в частности, на печатях и монументальных надписях, но относились к лувийскому языку. Родственный хеттскому, он был древнейшим языком Лидии.

Изучение печати позволило сделать вывод, что именно лувийский язык был официальным языком гомеровской Трои⁹⁶. Возможно, на нем же троянцы говорили и в повседневной жизни.

⁹⁵ Цит. по: Рябцев В. Троя. Крушение мифа? — С. 24—25.

⁹⁶ Latacz J. Troy and Homer. — Oxford UP, 2004.

Надписи на бронзовой печати XII века до н.э., найденной в слоях Трои VII, сделаны на лувийском языке.

Другой интересной находкой экспедиции Корфмана стал рукотворный грот, вырезанный в скале для подачи в город воды из источника. Видимо, об этом каменном водоеме шла, в том числе, речь у Гомера:

*Там близ ключей водоемы широкие, оба из камней,
 Были красиво устроены; к ним свои белые ризы
 Жены троян и прекрасные дочери их мыть выходили
 В прежние, мирные дни, до нашествия рати ахейской.*

Ил. XXII. 153—156⁹⁷.

Радиоактивный анализ сталактитов позволил определить возраст грота — около пяти тысяч лет. Таким образом, ко времени Трои VIIа он существовал уже тысячу лет. В хеттских документах этот водоем упоминается как культовая пещера бога Каскала Кура — властителя воды и всея преисподней. Этот же бог был упомянут в договоре царя Алаксандуса и Мутавалли — наряду с богом Апалиунасом, отождествленным с греческим Аполлоном и, судя по всему, являвшимся его прообразом (среди богов микенского пантеона Аполлона не было)⁹⁸. Вот и еще одна интересная параллель! Как известно, Аполлон в «Илиаде» был покровителем Париса. А

⁹⁷ Гомер. Илиада. — С. 347.

⁹⁸ Ульрих фон Виламовиц-Мёллендорф настаивал на малоазиатском происхождении Аполлона еще до расшифровки хеттских табличек.

согласно киклической поэме «Эфиопида», именно он направит стрелу троянского принца в пяту Ахилла.

Искусственный грот, построенный в III тысячелетии до н.э. жителями Илиона, упоминается в хеттских летописях как святилище бога Каскала Кура.

Были ли жители Илиона лувийцами или же даже хеттами — об этом судить пока рано. Улик, как говорится, недостаточно. Ясно лишь, что к греческой культуре они не принадлежали, хотя и многое из нее заимствовали. Каких масштабов достигало их военное противостояние с ахейцами — тоже сказать трудно. Но к месту будет здесь упомянуть еще одну умозрительную, хотя и не лишнюю изящества гипотезу относительно Троянской войны, высказанную российскими хеттологами Александром Волковым и Николаем Непомнящим. По их мнению, описанная Гомером Троянская война вполне могла быть греко-хеттской войной.

В XV веке до н.э. греки начали активную колонизацию Малой Азии, завоевав сначала Крит, а затем и Милет, превратив его в плацдарм для дальнейшей экспансии. Ахейская колония не без оснований воспринималась хеттами как источник угрозы их западным границам, и во второй половине XIII века до н.э. царь Тудхалия IV решил искоренить этот очаг опасности. Археологические находки доказывают, что именно в это время в Милете произошла смена власти: город захватили ставленники хеттов. Потеряв свой форпост в Малой Азии, Аххиява предприняла попытку завоевать плацдарм в другой части полуострова, а именно — в Трое. «Этот богатый, цветущий

город давно привлекал их внимание. Они устремились в поход. Навстречу им, возможно, двинулась армия хеттов»⁹⁹.

Историки приводят несколько строф «Одиссеи», где царь Итаки рассказывает Ахиллу о сражении его сына Неоптолема с Эврипиллом. Удивительно, но это единственное место у Гомера, где упоминаются хетты — главная политическая сила в Анатолии в эпоху Бронзового века.

*Так Еврипила, Телефова сына, губительной медью
Он ниспроверг, и кругом молодого вождя все кетейцы
Пали его.*

Од. XI. 519—521¹⁰⁰.

«В этих стихах «кетейцы» — хетты, — утверждают Волков и Непомнящий, — а их вождь Эврипил, сын Телепину («Телефа»), чье имя было распространено среди хеттов, и Астиохи, сестры троянского царя Приама. Итак, эти строки означают, что племянник царя Трои командовал армией хеттов и погиб, защищая город. Кому ж доверить эту армию, как не хетту? Кто ж тогда его дядя, Приам? Хетт или местный царек, породнившийся с хеттами через сестру. Среди «кетейцев» больше всего грекам знакомы были жители Вилусы-Трои. Поэтому они могли всех хеттов звать «троянцами» — как в наши дни всех выходцев из бывшего СССР американцы зовут “русскими”»¹⁰¹.

Итак, если результаты археологических раскопок не смогли дать нам убедительного подтверждения историчности Троянской войны, то древневосточные документы убедительно доказывают ее возможность. Ахейцы, действительно, предпринимали военные походы в Малую Азию, колонизировали ее побережье, воевали с хеттами и даже египтянами. И на

⁹⁹ Волков А.В., Непомнящий Н.Н. Хетты. Неизвестная империя Малой Азии. — М.: Вече, 2004. — С. 262—263.

¹⁰⁰ Гомер. Одиссея. — С. 146.

¹⁰¹ Волков А.В., Непомнящий Н.Н. Хетты. — С. 263.

ближних рубежах центральноанатолийской цивилизации их пассионарный напор вполне могли сдерживать две твердыни — Вилуса и Таруйса.

Глава 4. И с позором вернулись...

Современная Троя богата аттракционами. Тем, кому скучно изучать руины, поминутно сверяясь с информационными стендами и путеводителем Корфмана, могут получить массу незабываемых впечатлений, поучаствовав в костюмированных шоу или забравшись в брюхо двухэтажного деревянного коня. Последней возможностью, впрочем, не пренебрегает почти никто. Кому не хочется почувствовать себя отважным воителем, готовым обрушить на спящего противника всю ярость своего меча?

Деревянный конь — любимый аттракцион гостей троянского археологического заповедника.

Деревянный конь — пожалуй, самый популярный символ ахейской виктории. О том, что именно он помог грекам захватить неприступную Трою, знают даже те, кто путает Одиссея с Ясоном¹⁰². Это же азбучные истины: Солнце встает на востоке, Волга впадает в Каспийское море, «Илиада» Гомера воспевает славную победу эллинского оружия. Но все ли так просто?

¹⁰² В крымских магазинах можно купить фильм о Балаклаве, в которой «останавливался Одиссей со своими аргонавтами по пути в Колхиду».

Начнем с того, что «Илиада» не описывает ни взятия, ни разгрома Илиона. Поэма заканчивается на похоронах Гектора. О грядущей победе греков в ней упоминается лишь вскользь — в песни шестой, где Гектор делится с женой Андромахой своим предчувствием:

*Твердо я ведаю сам, убеждаясь и мыслью и сердцем,
Будет некогда день, и погибнет священная Троя.*

Ил. VI. 448—449¹⁰³;

в песни двенадцатой, где Посейдон и Аполлон принимают решение уничтожить оборонительную стену, возведенную ахейцами вокруг своего лагеря:

*И когда, Илион на десятое лето разрушив,
В черных судах аргивяне отплыли к отчизне любезной,
В оное время совет Посейдаон и Феб сотворили
Стену разрушить, могущество рек на нее устремивши
Всех, что с Идейских гор изливаются в бурное море.*

Ил. XII. 15—19¹⁰⁴;

и — косвенно — в песни пятнадцатой, где Зевс уверяет Геру:

*... доколе ахейцы
Трои святой не возьмут, по советам премудрой Афины.
Так не свершившемусь, гнева ни сам не смягчу, ни другому
Богу бессмертному я аргивян защищать не позволю
Прежде, пока не исполнится все упованье Пелида*

Ил. XV. 70—74¹⁰⁵.

¹⁰³ Гомер. Илиада. — С. 109.

¹⁰⁴ Гомер. Илиада. — С. 190.

¹⁰⁵ Гомер. Илиада. — С. 236.

В качестве доказательства, что трагическая судьба Илиона была predetermined, часто приводят толкование прорицателем Калхасом знамения с участием дракона, пожравшего воробьев:

*Сколько пернатых птенцов поглотил дракон сей кровавый
(Восемь их было в гнезде и девятая мать пернатых),
Столько, ахейцы, годов воевать мы под Троею будем;
Но в десятый разрушим обширную стогнами Трою*

Ил. II. 326—329¹⁰⁶;

и эпизод «Илиады», где властитель Олимпа узнает результат схватки греков и троянцев, взвешивая соответствующие жребии на золотых весах:

*Зевс распростер, промыслитель, весы золотые; на них он
Бросил два жребия Смерти, в сон погружающей долгий:
Жребий троян конеборных и меднооружных данаев;
Взял посредине и поднял: данайских сынов преклонился
День роковой, данайских сынов до земли многоплодной
Жребий спустился, троян же до звездного неба вознесся.*

Ил. VIII. 69—74¹⁰⁷.

Однако в поэмах Гомера слишком многое происходит «судьбе вопреки», чтобы ожидать, что события непременно пойдут в соответствии с итогами этих взвешиваний и исчислений.

На частое использование Гомером этого выражения обратил внимание выдающийся русский философ Алексей Лосев, и, по его мнению, эта формула «есть отражение вполне определенной ступени исторического развития человека, когда он начинает гордо поднимать голову и уже не падает так ниц перед судьбой,

¹⁰⁶ Гомер. Илиада. — С. 38.

¹⁰⁷ Гомер. Илиада. — С. 126.

как это он делал раньше в первобытные времена и в периоды своей полной беспомощности»¹⁰⁸.

Как уже свершившийся факт победу греков над Илионом констатирует другая великая поэма Гомера — «Одиссея», повествующая о долгом возвращении героя войны Одиссея, сына Лаэрта, в родную Итаку. В песни третьей престарелый царь Пилоса Нестор излагает отпрыску Одиссея Телемаху, беспокоящемуся о судьбе отца, события, непосредственно следовавшие за падением Трои:

*Но когда, ниспровергнувши город Приама великий,
Мы к кораблям возвратились, бог разлучил нас...*

Од. III. 130—131¹⁰⁹.

Практически слово в слово, как это и полагается в фольклоре, этот эпизод пересказывает своему верному слуге Евмею Одиссей, и склоняет внимание к нему «свинопас богоравный»:

*Девять там лет воевали упорно мы, чада ахейн;
Но на десятый, когда, ниспровергнув Приамов великий
Град, мы к своим кораблям возвратились, бог разлучил нас.*

Од. XIV. 240—242¹¹⁰.

В песни восьмой Гомер вновь обращается к этой теме. На играх, устроенных царем Алкиноем в честь приблудшего незнакомца, коим, между нами, является Одиссей, слепой аэд Демодок поет о военных подвигах царя Итаки.

*После воспел он, как мужи ахейские в град ворвались,
Чрево коня отворив и из темного выбежав склепа...*

Од. VIII. 514—515¹¹¹.

¹⁰⁸ Лосев А.Ф. Гомер. — М.: Молодая гвардия, 2006. — С. 388.

¹⁰⁹ Гомер. Одиссея. — С. 38.

¹¹⁰ Гомер. Одиссея. — С. 176.

И, наконец, в песни двадцать второй Афина, переоблачившаяся в Ментора, напоминает не решающемуся вступить в схватку с женихами Пенелопы престарелому Одиссею о его былых подвигах:

Много погибло врагов от тебя в истребительной битве;

Хитрость твоя наконец и Приамов разрушила город.

Од. XXII. 229—230¹¹².

Подробный рассказ о событиях Троянской войны содержится в поэмах так называемого троянского эпического цикла (кикла), от которого к настоящему времени остались лишь отрывки и краткие переложения, вошедшие в «Хрестоматию» Прокла и «Мифологическую библиотеку» Аполлодора¹¹³. Эти поэмы аккуратно обхватывают «Илиаду» и «Одиссею», не вторгаясь на их территорию, что можно объяснить непререкаемым авторитетом Гомера и нежеланием древних рапсодов преумножать сущности. Зачем петь о том, о чем кто-то уже спел лучше тебя?

Причины и начало войны описаны в «Кипрских песнях» («Киприях»), названных так по имени их легендарного автора Стасина Кипрского¹¹⁴. Учинить ее решил Зевс, желая спасти Землю от перенаселения. Поэма описывает суд Париса, его посольство в Лакедемон и похищение Елены, а в придачу и несметных сокровищ Менелая. Вместе с братом Менелай планирует поход против Трои.

Интересный момент: согласно «Киприям», ахейцы сбились с пути и по ошибке начали войну в Тевфрании (Мизии), приняв ее за Илион. Однако под напором мизийских войск, возглавляемых сыном Геракла Телефом, им

¹¹¹ Гомер. Одиссея. — С. 106.

¹¹² Гомер. Одиссея. — С. 270.

¹¹³ См. на рус. яз. Киклические поэмы / Пер. О.П. Цыбенко // Эллинские поэты. VIII—III вв. до н.э. Эпос, элегия, ямбы, мелика. — М.: Ладомир, 1999; Аполлодор. Мифологическая библиотека. — С. 109—116.

¹¹⁴ Античная традиция назначала Стасина зятем Гомера. Согласно Элиану, Гомер по бедности дал поэму «Киприи» за своей дочерью в качестве приданого. (Элиан. Пестрые рассказы / Пер. С.В. Поляковой. — М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. — С. 70).

пришлось отступить. По Аполлодору, «Телеф... вооружил мисийцев и преследовал эллинов до самой стоянки их кораблей»¹¹⁵.

Напомним, что имя царя Мизии Телефа, по А. Волкову и Н. Непомнящему, соответствует хеттскому имени Телепину. Если связать этот факт с упомянутой нами войной между хеттами и альянсом Ашшува, можно найти объяснение, почему древние авторы отделяли малоазиатскую Тевфранию (Мизию) от, собственно, Азии, которой они относили всех ее соседей. Так, Софокл в «Мисийцах» сообщает: «Всю землю, гость, мы Азией зовем, / А эту область — Мисией»¹¹⁶.

На сокрушение греков в Мизии указывают и другие источники. Так, в приписываемом Гесиоду «Каталоге женщин, или Эои» сообщается:

*Сам же Телеф поворачивал меднодоспешным ахейцам
Рати воспясть, что во оные дни на судах чернобоких
... приблизились к мужепитающей тверди...¹¹⁷*

Пиндар в «Олимпийских песнях» утверждает без обиняков:

*... мощных данаев поворотил и бросил Телеф
К соленым корабельным бокам¹¹⁸.*

О том же повествует и Страбон: «Агамемнон со своим флотом опустошил Мисию, приняв ее за Троянскую область, и с позором вернулся назад»¹¹⁹.

Вызывает особый интерес тот факт, что главным городом Тевфрании в более поздние времена был Пергам. Это еще одно название, довольно часто используемое Гомером для легендарного города, помимо Илиона и Трои.

¹¹⁵ Аполлодор. Мифологическая библиотека. — С. 83.

¹¹⁶ Софокл. Мисийцы // Софокл. Драмы / Пер. Ф.Ф. Зелинского, О.В. Смыки и В.Н. Ярхо. — М.: Наука, 1990. — С. 427. Ср. в переводе Г.А. Стратановского: «Страна зовется вся, о странник, Асией. / Мисийцев град один лишь назван Мисией» (Цит. по: Страбон. География. — С. 339).

¹¹⁷ [Гесиод] Каталог женщин, или Эои / Пер. О. П. Цыбенко // Эллинские поэты. VIII—III вв. до н.э. ... — С. 96.

¹¹⁸ Пиндар. Олимпийские песни // Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты / Пер. М.Л. Гаспарова. — М.: Наука, 1980. — С. 43.

¹¹⁹ Страбон. География. — С. 16.

Американский историк Рис Карпентер¹²⁰, заинтересовавшись причиной тройного именованя одного и того же географического объекта, обнаружил в историях Мизийской и Троянской войн множество параллелей и подозрительных совпадений¹²¹:

1. В обоих случаях все начинается со сборов на полуострове Авлида.
2. Оба раза долго не могли отплыть из-за плохой погоды. В том и другом случаях прорицатель Калхас прибег к гаданию.
3. При высадке в обоих случаях местный вождь (в Тевфрании — Телеф, под Троей — Гектор) убивает ахейского героя.
4. Затем в обоих случаях ахейцы опустошают окрестности.
5. Битва там и тут разыгрывается в долине реки (в Тевфрании — на Каике, в Троеде — на Скамандре).
6. В обоих случаях за первыми успехами следует поражение, и ахейцы бегут к кораблям.
7. В обоих случаях Патрокл пытается предотвратить поражение, но неудачно: в Тевфрании его ранят, в Троеде — убивают.
8. В отместку «быстроногий» Ахилл нападает на предводителя врагов (там Телефа, тут Гектора) и гонится за ним, но догнать не может.
9. Беглеца останавливает лишь уловка божества, помогающего Ахиллу. В Тевфрании это Дионис, в Троеде Афина.
10. Как тут, так и там Ахилл поражает предводителя местных сил: Телефа он тяжело ранит, Гектора — убивает.
11. На обратном пути буря разметала суда — в обоих случаях.
12. По окончании всего предприятия оба раза у Агамемнона в Арголиде оказывается особа царского рода из стана врагов: в первом случае — Телеф, во втором — Кассандра, дочь Приама.

«Карпентер делает вполне логичный вывод: тут не два рассказа, а две версии одного рассказа. Не уловив этого, но увидев действия одних и тех же

¹²⁰ Carpenter R. Folk tale: Fiction and saga in the Homeric epics. — Berkeley: University of California Press, 1946.

¹²¹ Приводятся в изложении Льва Клейна.

героев в разных местностях, древний автор «Киприй» решил, что это два разных эпизода Троянской войны, и расставил их последовательно, троянский за тевтранским (ведь в Трое некоторые герои погибли), а объяснение подыскал сам: «сбились с пути»¹²².

Таким образом, согласно Карпентеру, Троянская война — это полный близнец войны в Тевфрании, завершившейся, как передают античные источники, позорным бегством греков. Могло ли произойти такое, что в течение исторически ничтожного отрезка времени примерно в одной и той же местности отгремели две абсолютно идентичные войны — вплоть до мельчайших эпизодов? Или следует, вооружившись «бритвой Оккама», отсесть у этого сюжета исторические наросты в пользу более достоверной версии? Поступив так, мы придем к выводу, что и «Киприи», и «Илиада» рассказывают об одной и той же военной кампании, окончившейся поражением ахейцев¹²³. Несколько позже мы увидим, что в пользу этой версии есть немало других чрезвычайно веских аргументов.

Описанная в «Киприях» военная кампания в Тевфрании, окончившаяся поражением ахейцев, до мельчайших эпизодов схожа с Троянской войной.

Спешно эвакуировав греков из Тевфрании, автор «Киприй» на восемь лет оставляет их без присмотра, после чего вновь снаряжает их в поход. Наточив свои среброгвоздные мечи и отдраив палубы многовеслых судов, ахейцы вдруг обнаруживают, что у них нет вождя, способного указать им верный морской путь в Троаду. Быть проводником вызывается... мизийский царь Телеф, излеченный Ахиллом от им же нанесенной раны. По дороге греки посещают остров Тенедос, где Ахилл убивает местного царя Тенеса, и

¹²² Клейн Л. Найдена ли Троя? // Знание — сила. — 1985. №3. — С.42.

¹²³ Занятно в этой связи вернуться к гипотезе Волкова-Непомнящего о Троянской войне как столкновении греков с хеттами. А не были ли ахейцы обращены в бегство отрядами хеттов под предводительством Телефа-Телепину?

остров Лемнос, где высаживают дурно пахнущего вследствие полученного ранения великого лучника, аргонавта и личного друга Геракла Филоктета.

Таким образом, мы, наконец, узнаем, куда подевались те десять лет, что прошли между похищением Елены и началом осады Трои, и чем вызвано несоответствие между двадцатилетним пребыванием жены Менелая в чертогах Париса, о котором она говорит в конце «Илиады», и десятилетней осадой города.

Примечательно, что наученные мизийским опытом ахейцы не набросились на Трою с налету, попытавшись разрешить вопрос мирным путем. Встав на рейде у берегов Трояды, они направили Менелая и Одиссея послами к троянцам с предложением выдать Елену и похищенные с ней богатства без боя, и лишь получив отказ, высадились с судов и начали войну.

*Гибли у Трои воители: Зевсова воля свершалась*¹²⁴.

«Киприи» доводят изложение событий войны до места, с которого начинается «Илиада» — до дележа живой добычи, в результате которого Ахиллу достается Брисеида, а Агамемнон забирает Хрисеиду. Далее вступает Гомер...

С западной крепостной стены троянская равнина, где происходили основные события войны, просматривается на много километров.

¹²⁴ Кипрские песни / Пер. О.П. Цыбенко // Эллинские поэты. VIII—III вв. до н.э. ... — С. 111.

Давно замечено, что на протяжении всех 15700 гекзаметров «Илиады» ее герои практически никогда не улыбаются. Они почти все время печальны и сосредоточены, поскольку каждый знает свою судьбу, и судьба эта часто трагична и несправедлива. Гибель носится и над Ахиллом, и над Гектором, и над самой Троей — и для нас, знающих, чем окончится история, это не удивительно. Странно то, что в поэме не раз встречаются фразы, указывающие на грядущее поражение греков! Вот лишь некоторые из них.

В песни восьмой Зевс на собрании богов перед тем, как бросить жребии на золотые весы, предостерегает присутствующих от помощи участникам греко-троянского противостояния. От лица всего пантеона Афина заверяет владыку:

Все мы... от брани воздержимся, если велишь ты;

однако, замечая:

*Но милосердуем мы об ахеянах, доблестных воях,
Кои, судьбу их жестокою скоро исполнив, погибнут.
Мы лишь советы внушим аргивянам, да храбрые мужи
В Трое погибнут не все под твоим сокрушительным гневом.*

Ил. VIII. 33—37¹²⁵.

Те же самые слова произносит за Афиной и Гера¹²⁶.

В песни девятой Агамемнон решает испытать настроение ахейских воинов, предложив им вернуться домой. Он возглашает:

*Други, возжди и властители мудрые храбрых данаев,
Зевс-Громовержец меня уловил в неизбежную гибель!
Пагубный! прежде обетом и знаменьем сам предназначил
Мне возвратиться рушителем Трои высокотвердынной;*

¹²⁵ Гомер. Илиада. — С. 125.

¹²⁶ Гомер. Илиада. — С. 135.

*Ныне же злое прельщение он совершил и велит мне
В Аргос бесславным бежать, погубившему столько народа!
Так, без сомнения, богу, всемогущему Зевсу, угодно...
Нам не разрушить Трои, с широкими стогнами града!*

Ил. IX. 17—23, 28¹²⁷.

Агамемнону возражает благородный Диомед, собирающийся бороться с Троей до победного конца, хоть бы даже с поля боя бежали все прочие воины. Однако Ахилл, обиженный Агамемноном и не желающий более сражаться за интересы Атридов, заявляет:

*Я и другим воеводам ахейским советую то же:
В дома отсюда отплыть; никогда вы конца не дождетесь
Трои высокой: над нею перунов метатель Кронион
Руку свою распростер, и возвысилась дерзость народа.*

Ил. IX. 417—420¹²⁸.

По словам Льва Клейна, все это трактуется обычно «как художественные приемы, предназначенные оттенить бесстрашие Диомеда, спорящего с Агамемноном, и значение Ахилла. Резонное толкование, и оно было бы единственным и достаточным, если бы отблески грядущего поражения не были так многочисленны и не складывались в систему, охватывающую помыслы всех в «Илиаде» — героев, богов и судьбы. Эта глубинная система проступает сквозь славословие ахейским героям и перечни их побед»¹²⁹.

Таким образом, встречающиеся в «Илиаде» предчувствия разгрома ахейцев, возможно, являются следами древнейших рапсодий, более близких к исторической правде.

¹²⁷ Гомер. Илиада. — С. 139.

¹²⁸ Гомер. Илиада. — С. 148.

¹²⁹ Клейн Л.С. Кто победил в Илиаде? // Знание — сила. — 1986. №7. — С. 43.

В «Илиаде» не раз встречаются фразы, указывающие на грядущее поражение греков. Возможно, они являются следами древнейших рапсодий, более близких к исторической правде.

«Илиада» завершается сценой погребения Гектора. С этой же сцены начинается следующая поэма цикла — «Эфиопида», названной так по местности, откуда на помощь троянцам прибыло подкрепление под предводительством Мемнона. Мемнон убил многих из эллинов, но и сам пал, сраженный Ахиллом. В свою очередь и Ахилл погибает от стрелы Париса, направленной его покровителем Аполлоном. Аякс Теламонид и Одиссей в жарком бою отбивают тело павшего товарища. Ахилла хоронят на Белом острове (о-в Левка) вместе с Патроклom, смешав их кости согласно завещанию. А оружие героя троянцы передают самому доблестному, на их взгляд, из оставшихся ахейян — Одиссею.

Также рассчитывавший на подобную почесть Аякс обиделся, поссорился с Одиссеем и пошел резать троянский скот и пастухов, а затем прибег к суициду. Агамемнон запретил предавать тело самоубийцы огню, и Аякс единственным из всех, кто погиб под Илионом, был похоронен в гробу. Но это уже другая история, и здесь мы переходим к синопсису очередной киклической поэмы — «Малой Илиады». В этом произведении вновь появляется Филоктет, три поэмы назад высаженный ахейцами на обитаемом острове Лемнос. Филоктет доказывает свою незаменимость, убивая Париса, и вдовая Елена тотчас же выходит за следующего по старшинству сына Приама Деифоба.

Тем временем под Трою прибывают свежие силы: команда ахейцев укрепляется сыном Ахилла Неоптолемом, а команда троянцев — сыном Телефа и племянником Приама Эврипилom, приведшим с собой целое войско из Тевфрании. Эврипил убивает сына Асклепия Махаона, славного рати

врача¹³⁰, но сам гибнет от блистательного меча Неоптолема, и, как мы уже отмечали, кругом молодого вождя все кетейцы пали его. Одиссей переодевается в бродягу, пробирается в Трою¹³¹ и там открывается Елене. Та дает советы некогда женихавшемуся в ней царю Итаки как получше захватить город и помогает ему выкрасть Палладий — священное изображение Афины, в свое время сброшенное Зевсом с неба на Землю в качестве знамени для легендарного основателя Трои Ила. Ил воздвиг для Палладия храм, и волшебная статуэтка стала залогом могущества и неприступности города.

Лишившись Палладия, Троя потеряла все шансы. Тем более что в дело вступил Эпей, бывший не только знатным кулачным бойцом, но и великолепным строителем. По проекту Одиссея он соорудил огромного деревянного коня вместительностью от пятидесяти до трех тысяч человек. Что было дальше, всем известно.

Джованни Доменико Тьеполо. Шествие троянского коня в Трою (1773).

Или нет?

¹³⁰ Широко известная бабочка семейства парусников была названа шведским естествоиспытателем Карлом Линнеем в честь именно этого гомеровского героя.

¹³¹ По Софоклу, Одиссей и Диомед пробираются в Трою через «канал подземный тесный и зловонный» (Софокл. *Лаконянки* / Пер. Ф.Ф. Зелинского, О.В. Смыки и В.Н. Ярхо // Софокл. *Драмы*. — М.: Наука, 1990. — С. 416). По нашим наблюдениям, данное описание вполне подходит тому самому искусственному гроту, который обнаружила экспедиция Корфмана.

Со стороны история выглядит так же, как представлялась она и жителям Трои, нашедшим у своих ворот «дар» данайцев. Измотанные десятилетней бесплодной войной, потерявшие лучших бойцов и не видящие никаких перспектив ахеяне собирают свои пожитки и уплывают восвояси. Но прежде, как и полагается, они приносят жертву богам¹³². В данном случае эта жертва символическая. Найти коня, чьи размеры соответствовали бы масштабу события, они не могут, и потому строят громадное обетное животное то ли из клена¹³³, то ли из кизилового дерева¹³⁴ и вырезают на нем следующую надпись: «Благополучно возвратившись домой, эллины посвятили это благодарственное приношение богине Афине»¹³⁵.

Интересно, кто именно из лагеря ахеян мог начертать на коне эту надпись? Читая Гомера, можно составить впечатление, что прибывшие под Трои греческие воины были сплошь неграмотными. Все, кроме царя Тиринфа Прета. Его жена оклеветала молодого красавца Беллерофонта, и Прет послал его к своему тестю Иобату, сопроводив его своеобразным рекомендательным письмом, в котором просил ликийского царя убить Беллерофонта.

В Ликию выслал его и вручил злосоветные знаки,

Много на дщице складной начертав их, ему на погибель;

Дщицу же тестю велел показать, да от тестя погибнет.

Ил. VI. 168—170¹³⁶.

Это единственное упоминание в «Илиаде» об использовании эллинами письменности, но оно показывает, что во времена Гомера греки знали о существовании в Арголиде идеографического или слогового письма задолго до распространения финикийского алфавита.

¹³² По словам Полибия, «чуть не все варварские народы, во всяком случае, большинство их, убивают и приносят в жертву лошадь или в самом начале войны, или же перед решительной битвой, чтобы в падении животного открыть знамение о ближайшем будущем». (Полибий. Всеобщая история. В 2 т. Т. 2. / Пер. Ф. Мищенко. — М.: АСТ, Мидгард, 2004. — С. 39).

¹³³ Овидий, Публий Назон. Ибис // Овидий, Публий Назон. Скорбные элегии. Письма с Понта. — М.: Наука, 1978. — С. 175.

¹³⁴ Павсаний. Описание Эллады. В 2 т. Т. 1 / Пер. С.П. Кондратьева. — М.: АСТ, Ладомир, 2002. — С. 230.

¹³⁵ Аполлодор. Мифологическая библиотека. — С. 88.

¹³⁶ Гомер. Илиада. — С. 103.

Измотанные бесплодной войной, потерявшие лучших бойцов и не видящие никаких перспектив ахейне снимают осаду и приносят жертву богам, выстроив из дерева громадное обетное животное.

На этом история могла бы быть закончена. И, возможно, так она и завершалась на самом деле. Однако автор «Одиссеи», из которой и переключался в «Малую Илиаду» сюжет о деревянном коне, — за греков, и, кроме того, как выдающийся поэт, он недоволен невнятной концовкой грандиозного полотна. И Гомер изобретает потрясающий сюжетный ход — только он один мог бы прославить в веках! Строительство Троянского коня он представляет как коварный замысел греков, военную хитрость, стратегию. Циничный расчет состоял в том, чтобы заставить противника пустить в свой дом беду таким способом, чтобы он еще и испытал при этом радость.

Не так ли поступали всю вторую половину XX века американцы, запуская в нашу страну «тroyанских коней» своего образа жизни? Григорий Чхартишвили писал по этому поводу: «Самый надежный и мощный способ распространить свое влияние на чужеземные края — это «завоевание любовью», то есть культурная экспансия. Когда жители других стран начинают интересоваться твоей культурой больше, чем своей, влюбляются в нее, у них возникает желание жить так же, как ты — стать частью тебя... Именно этим способом Запад одержал победу над социалистическим лагерем в холодной войне — не при помощи ракет, а благодаря Голливуду, «Битлз», джинсам»¹³⁷.

Так и вышло. Троянцы волокли рокового коня в свой город, ликуя — именно с этого места начинается поэма «Разрушение Илиона». Лишь Приамова дочь Кассандра да жрец Аполлона Лаокоон не разделял всеобщего счастья. В историю вошла фраза прорицателя, переданная Вергилием: «Чем

¹³⁷ Акунин Б. Эксгумация книги // Блог Бориса Акунина. — URL: <http://borisakunin.livejournal.com/32209.html>.

бы он ни был, страшусь и дары приносящих данайцев!»¹³⁸ и, очевидно, восходящая к максиме, содержащейся в гораздо более древней киклической поэме «Возвращения»:

*«Вводят дары в заблужденье и разум людской, и деянье»*¹³⁹.

За свою пронизательность (самый умный!) Лаокоон жестоко поплатился: вместе со своими сыновьями он был загублен змеями, посланными Аполлоном.

Не нашедший отражения ни в «Илиаде», ни в «Одиссее», сюжет с Лаокооном стал чрезвычайно популярным у художников. Наиболее известное творение на эту тему работы родосских ваятелей Агесандра, Полидора и Афинодора вдохновило Готхольда Эфраима Лессинга написание знаменитого труда «Лаокоон, или О границах живописи и поэзии», в котором немецкий мыслитель разъясняет, почему уважаемый священнослужитель и потомок дарданских царей изображен без одежды и не на пике страданий¹⁴⁰.

¹³⁸Вергилий. Энеида / Пер. С. Ошерова // Вергилий. Энеида. Сервий. Комментарии к «Энеиде» Вергилия. — М.: Лабиринт, 2001. — С. 25. Для любителей латинского приводим эту фразу в оригинале (мама, привет!): «Quidquid id est, timeo Danaos et dona ferentes!»

¹³⁹Возвращения / Пер. О.П. Цыбенко // Эллинские поэты. VIII—III вв. до н.э. ... — С. 116.

¹⁴⁰Лессинг Г.Э. Лаокоон, или О границах живописи и поэзии / Пер. Е. Эдельсона // Лессинг Г.Э. Избранное. — М.: Художественная литература, 1980. — С. 379—501.

Весьма неточная копия скульптуры Агесандра, Полидора и Афинодора «Лаокоон и его сыновья», изготовленная в XIX в. по заказу одесского городского головы Григория Маразли. В 1971 г. установлена напротив Археологического музея г. Одессы¹⁴¹.

Относительно того, как именно был доставлен в город Троянский конь, древние авторы расходятся. Большинство из них не видят никакой проблемы в том, что набитый многочисленным войском артефакт мог просто не пройти в не Бог весть какие высокие Скейские ворота. Эвгемеристическая традиция решает этот вопрос допущением, что троянцам пришлось разобрать часть стены¹⁴². Но в таком случае не нужно было бы и оснащать коня десантом — вернувшиеся с острова Тенедос греки без труда попали бы в крепость сквозь пролом в стене. Не исключено, что здесь вновь сливаются два разных сюжета о двух разных городах, взятых двумя разными способами.

Впрочем, существуют и иные версии. По мысли некоторых историков, встречающейся уже с Павсания, Троянский конь был на самом деле деревянным или медным тараном — «это может понять всякий, который не приписывает фригийцам полной глупости»¹⁴³. По Дарету Фригийскому, ворота ахейцам открыли троянские заговорщики во главе с Антенором и Энеем, а история с конем восходит к якобы изваянной на Скейских воротах лошадиной голове¹⁴⁴. Современные авторы вспоминают о том, что конь в Микенской Греции служил символом Посейдона, который почитался как повелитель землетрясений. Австрийский историк Фриц Шахермайр связал этот факт со страшным землетрясением, в XIII веке до н.э. разрушившим Трою VI. По его мнению, память об этом событии вполне могла сохраниться к гомеровским временам и аллегорически отобразиться в легенде о Троянском коне¹⁴⁵. А английский хеттолог Оливер Гёрни предположил, что

¹⁴¹ Установке этого памятника в центре Одессы времен развитого социализма посвящено немало количество песен, литературных сюжетов и анекдотов, а на 16-й странице «Литературной газеты» даже проводился конкурс на лучшую подпись к данной скульптурной композиции. Читатели соревновались в юморе, изобретая подписи типа: «В гостях у тещи», «Змей сообразил троих», «Шлангокоон».

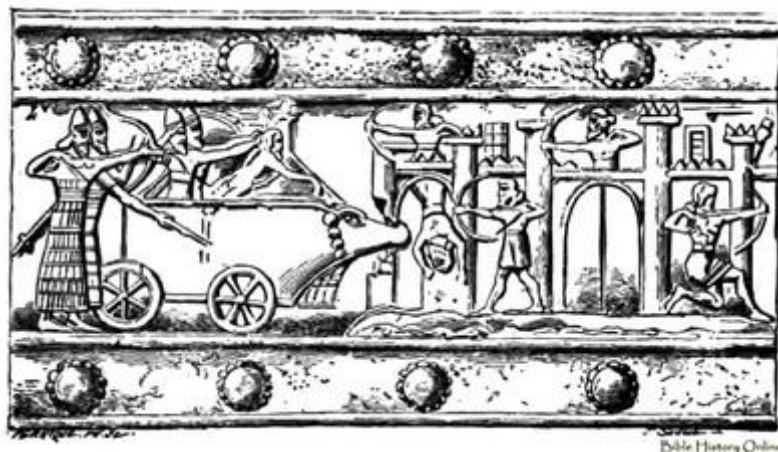
¹⁴² Палефат. О невероятном / Пер. В.Н. Ярхо // Вестник древней истории. — 1988. № 3. — С. 236.

¹⁴³ Павсаний. Описание Эллады. В 2 т. Т. 1. — С. 63.

¹⁴⁴ Дарет Фригийский. История о разрушении Трои / Пер. А.Б. Захаровой. — СПб.: Алетейя, 1997. — С. 187.

¹⁴⁵ Schachermeyr F. Poseydon und die Entstehung des griechischen Gotterglaubens. — Bonn, Salzburg, 1950.

исполинская скульптура — это такое греческое «спасибо» Посейдону-Землеколебателю за стихийное бедствие, поспособствовавшее взятию ахейцами Трои¹⁴⁶.

Прообразом Троянского коня могло стать осадное орудие в виде лошади, встречающееся уже на ассирийских рисунках догомеровских времен.

www.bible-history.com

Так или иначе, достоверных сведений о природе Троянского коня нет и, видимо, не будет — во всяком случае, до тех пор, пока очередной Шлиман не откапает какую-нибудь горстку золы и не объявит ее остатками легендарного дара данайцев.

Разорив Трои и поделив добычу, греки засобирались «к отчизне любезной». Их отплытию и дальнейшей судьбе посвящена поэма «Возвращения», автором которой считался Гегий Трезенский, и ряд реминисценций в «Одиссее». Поэма «Возвращения» была также у Стесихора¹⁴⁷.

Дошедший до нас синопсис поэмы начинается с лютой ссоры между Агамемноном и Менелаем по поводу того, как возвращаться из-под Трои. Гомер доводит в «Одиссее» детали этой ссоры устами Нестора:

Требовал царь Менелай, чтоб аргивские мужи в обратный

¹⁴⁶ Гарни О.Р. Хетты. Разрушители Вавилона / Пер. А.И. Блейз. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. — С. 78.

¹⁴⁷ Стесихор. Возвращения / Пер. Н. Казанского, В. Ярхо // Эллинистические поэты. VIII—III вв. до н.э. ... — С. 321—322.

*Путь по широкому моря хребту устремились немедля;
То Агамемнон отвергнул: ахейцев еще удержатъ он
Мыслил затем, чтоб они, совершив гекатомбу святую...
Так, обращая друг к другу обидные речи, там оба
Брата стояли; собрание светлообутых ахеян
Воплем наполнилось яростным, на два разрознившись мненья.*

Од. III. 141—144, 148—150¹⁴⁸.

Наутро часть греков во главе с Агамемноном остается, чтобы успокоить гнев Афины. Нестор и Диомед прибывают домой по морю практически без приключений. Отплывший чуть позже Менелай попадает в бурю и лишается почти всего флота. Всего с пятью кораблями он пришвартовывается в Египте. В родной Лакедемон светловласый Атрид вернется лишь через восемь лет, изрядно разбогатев за время скитаний по африканским странам. Это богатство он позднее будет с удовольствием демонстрировать своему гостю Телемаху, странствующему в поисках вестей о своем отце Одиссее¹⁴⁹.

Большинство прочих ахейцев, отплывших позже, попадают кто в бурю у Теноса (именно там, в частности, погиб Аякс Локрийский), кто в кораблекрушение у Каферейских скал. Неоптолем, предупрежденный Фетидой о возможных природных катаклизмах, добирается до Фракии по суше, похоронив умершего по дороге старика Феникса. Прочие выжившие эллины после долгих блужданий высаживаются и селятся в разных землях: «Одни поселились в Ливии, другие — в Италии, некоторые же — в Сицилии и на островах, расположенных вблизи Иберии. Эллины поселились также на берегах реки Сангария; были и такие, с которые поселились на Кипре. Что же касается тех, которые потерпели кораблекрушение у горы Каферей, то их раскидало по разным направлениям. Гуней попал в Ливию, Антиф, сын Фессала, прибыл к пеласгам, и, овладев этой страной, назвал ее Фессалией, а

¹⁴⁸ Гомер. Одиссея. — С. 38.

¹⁴⁹ Гомер. Одиссея. Песнь четвертая.

Филоктет прибыл к жителям Кампании в Италию. Фидипп вместе с жителями Коса поселился на Андросе, Агапенор на Кипре, другие же в иных местах»¹⁵⁰.

Агамемнону, захватившему в Трое в качестве почетной добычи Кассандру, удалось добраться до Микен. Но там владыку ожидало предательство его жены Клитеместры, вступившей в преступный сговор со своим любовником Эгисфом. Устроив пир в честь возвращения царя, она дала ему хитон без рукавов и ворота. «Надевая его, Агамемнон был умерщвлен, и в Микенах воцарился Эгист. Убили также Кассандру»¹⁵¹. Спустя известный срок уже мертвый Агамемнон советует спустившемуся в царство Аида Одиссею вынести урок из его истории:

*Слишком доверчивым быть, Одиссей, берегися с женою;
Ей открывать простодушно всего, что ты знаешь, не должно;
Вверх ей одно, про себя сохрани осторожно другое.*

*Од. XI. 441—443*¹⁵².

Фраза, достойная быть выученной наизусть!..

Целых семь лет процарствовал Эгисф в Микенах, пока не подрос сын Агамемнона Орест и не отомстил за своего отца, без жалости умертвив и Эгисфа, и мать свою.

Кстати,

*В самый тот день и Атрид Менелай, вызыватель в сраженье,
Прибыл, богатства собрав, сколь могло в кораблях уместиться.*

*Од. III. 311—312*¹⁵³.

Поистине сказочное совпадение!

¹⁵⁰ Аполлодор. Мифологическая библиотека. — С. 90.

¹⁵¹ Аполлодор. Мифологическая библиотека. — С. 92.

¹⁵² Гомер. Одиссея. — С. 145.

¹⁵³ Гомер. Одиссея. — С. 42.

Отдельного рассказа заслуживает судьба Одиссея, собственно, и заслужившая отдельного рассказа: злключениям царя Итаки Гомер посвящает поэму, лишь немногим уступающую в объеме «Илиаде». Но пересказывать ее мы здесь не станем, отослав любопытствующих к одноименному мультфильму и популярной киноленте Андрона Кончаловского.

Спешный, беспорядочный отъезд греческих царей, более похожий на бегство, и их дальнейшая, в большинстве случаев, бесславная доля внушали большие сомнения в правдивом отображении истории Гомером еще достаточно древним авторам. Римский философ-киник, уроженец находившегося близ берегов Пропонтиды городка Пруса, (ныне — турецкая Бурса), Дион Хрисостом в своей знаменитой «Троянской речи в защиту того, что Илион взят не был» видит в этом верную примету военного фиаско: «Разве не понятно, что при успехе все единодушны и не прекословя подчиняются царю, да и Менелай не ссорится с братом, едва тот его облагодетельствовал? Нет, — все это признаки именно беды и поражения. Добавим к этому, что войско, бегущее в страхе, покидает вражескую землю как можно скорее, не смея задерживаться, тогда как победители, имея при себе множество пленников и горы добра, напротив, поджидают самую для плавания благоприятную пору, ибо земля в их власти, и они ни в чем не имеют недостатка, а вовсе не гибнут чуть ли не поголовно, и это после десяти-то лет ожидания! И несчастья, постигшие вернувшихся домой, не в последнюю очередь свидетельствуют об их поражении и слабости. В самом деле, едва ли было в обычае нападать на тех, кто пришел с победой, или на тех, кому сопутствует удача, — ими скорее восхищаются и побаиваются их, тогда как неудачников презирают и чужие, и кое-кто из своих»¹⁵⁴.

В самом деле, как вернулся домой «победитель троянцев» царь Агамемнон? Его погубила его собственная жена Клитемнестра, а ее

¹⁵⁴ Дион Хрисостом. Троянская речь в защиту того, что Илион взят не был / Пер. Н. Брагинской // Ораторы Греции. — М.: Художественная литература, 1985. — С. 331—332.

любовник Эгисф был принят микенцами как царь! Можно ли такое помыслить, если воротился с победой законный царь в силе и славе? Никто бы не посмел на него покушаться — люди боятся гнева богов, которые покровительствуют герою. А разве бы приняли микенцы узурпатора, который убил великого победителя? Абсурд.

Спешный, беспорядочный отъезд греческих царей, более похожий на бегство, их дальнейшая, в большинстве случаев, бесславная доля — все это признаки не великой победы, но беды и поражения.

Не слишком удачно складывается судьба и других «победителей». Сын Ахилла Неоптолем, наследник Теламона Тевкр, глава всея мэфонцев, тавмакийцев, мелибейцев и олизонийцев Филоктет, царь Кифа Гуней, вожди жителей Коса Фидипп и Антиф, афинский царь Менесфей и владыка Аркадии Агапенор не возвращаются со славой в свои вотчины, а либо поселяются в чужих землях, либо и вовсе основывают новые города. Аргивянин Диомед, прославленный герой, единственный из греков дерзнувший сражаться с олимпийскими богами, прибыв домой, обнаруживает, что его трон захвачен, и, чудом избежав гибели, отправляется в итальянское изгнание¹⁵⁵. Некогда мощный союз ахейских государств рассыпается на элементы и рассеивается в истории.

На первый взгляд все более-менее благополучно у Менелая — он возвращает свою беспутную жену, то ли забирая ее из Трои, то ли обретая ее уже в Египте (в «Одиссее» Елена как ни в чем не бывало живет во дворце Менелая, однако о том, как она туда вернулась, Гомер умалчивает), путешествует по курортам Средиземноморья, попутно наживая невероятное богатство и, вернувшись в Спарту, без труда возвращает власть. Но почему же он не вернулся раньше? Восемь лет добираться из Египта в Грецию — это

¹⁵⁵ Диодор Сицилийский. Греческая мифология. (Историческая библиотека) / Пер. О.П. Цыбенко. — М.: Лабиринт, 2000. — С. 139.

слишком долго даже для беспароходных микенских времен! Все ли тут чисто? И не придумал ли Гомер ту злополучную бурю, чтобы позволить Менелая, трусившего вернуться на родину после позорного разгрома у Трои, сохранить лицо перед потомками?

И, кстати, тот же Одиссей — не по той же ли самой причине он десять лет по окончании войны не появлялся в родных пенатах? Говорите, боги мешали? Ну, бывает. Но что происходит тем временем на его родной Итаке? Женихи бессовестно сватают его жену Пенелопу, издеваются над светлооком отроком Телемахом, разворовывают казну, и никто из друзей Одиссея не вступает за обиженных. Стали бы поступать так женихи, если бы не знали, что царь унижен поражением¹⁵⁶? Нет, победитель внушает трепет.

Теперь посмотрим, как изменилась политическая карта региона после этой «победы греков»? Оказывается, Троя отнюдь не была разрушена до самых основ, в чем уверяет нас Гомер. В Трое воцарился Антенор, затем он был вытеснен из Трои Энеем, вернувшимся из земель фригийцев и основавшим новую династию троянских властителей. Судьбу править в Трое после ненавидимых Зевсом Приамидов предрекала Энею еще «Илиада»:

Будет отныне Эней над троянами царствовать мощно,

Он, и сыны от сынов, имущие поздно родиться

Ил. XX. 307-308¹⁵⁷.

На том, что власть в Троаде после окончания Троянской войны перешла к Энею, настаивала практически вся эллинская традиция, начиная с Арктина и Гомера и заканчивая Страбоном¹⁵⁸ и Диктисом Критским¹⁵⁹, кем бы он ни был¹⁶⁰, а также малоазиатские авторы, в том числе, уроженец

¹⁵⁶ А женихи Пенелопы знали о «печальном ахейя из Трои возврате» (Од. I. 322) доподлинно — им Фемий напел. (Гомер. Одиссея. — С.22).

¹⁵⁷ Гомер. Илиада. — С. 323.

¹⁵⁸ Страбон. География. — С. 570.

¹⁵⁹ Диктис Критский. Дневник Троянской войны / Пер. В.Н. Ярхо // Вестник древней истории. — 2003. № 4. — С. 255.

¹⁶⁰ Диктис Критский — вымышленный автор «Дневника Троянской войны», греческий оригинал которого принято относить к концу I — II в. н.э. Несмотря на то, что «Дневник» дает очень спорную, чуть ли не

Троады Деметрий Скепсийский. Напротив, латинская традиция повествует о экспедиции Энея в Италию и возводит к нему род Юлиев¹⁶¹. Более того, отдельные авторы стоят на том, что троянские герои даже устроили небольшую экспансию: брат Гектора Гелен заполучил часть то ли Эпирского¹⁶², то ли Македонского царства¹⁶³, Антенор стал править над венетами в Адриатике¹⁶⁴ и основал город Потавий (современная Падуя)¹⁶⁵, Капис завладел Кампанией¹⁶⁶ и заложил Капую.

Гробница Антенора в Падуе. [НАЙТИ ФОТО ЛУЧШЕГО КАЧЕСТВА](#)

Допустим, что все эти завоевания троянцев — лишь плод воображения троянофильствующих римлян. Но то, что троянцы после Троянской войны оказались в лучшем положении, чем греки — бесспорно. Правда, сил на удержание позиций у них не хватило — ослабленной страной овладели фригийцы, которые, по свидетельству Страбона, «переправились из Фракии, умертвили владыку Трои и соседней страны и поселились здесь»¹⁶⁷. Кстати сказать, во время войны с греками фригийцы выступали на стороне Трои.

пародийную трактовку событий героического века, текст пользовался известной популярностью и только с 1471 по 1702 г. выдержал 11 печатных изданий.

¹⁶¹ Вергилий. Энеида. — С. 5, 178, 239.

¹⁶² Вергилий. Энеида. — С. 57-58; Дион Хрисостом. Троянская речь... — С. 333.

¹⁶³ Сервий. Комментарии к «Энеиде» Вергилия / Пер. Н. Федорова // Вергилий. Энеида. Сервий. Комментарии к «Энеиде» Вергилия. — М.: Лабиринт, 2001. — С. 273.

¹⁶⁴ Дион Хрисостом. Троянская речь... — С. 333.

¹⁶⁵ Вергилий. Энеида. — С. 11.

¹⁶⁶ Сервий. Комментарии к «Энеиде» Вергилия. — С. 273.

¹⁶⁷ Страбон. География. — С. 536.

Очевидно, что это и был тот самый народ, который населил Илион после войны — выше уже было сказано, что в археологическом слое Троя VIIb были найдены следы более примитивной, негреческой, но европейской по происхождению культуры. А вскоре фригийцы покоряют и Хеттское царство. С X по VIII век до н.э. Фригия была самым могущественным царством, подчинившим себе всю Эгеиду. Столица ее была в городе Гордион, названном по имени царя Гордия, того самого, который, по легенде, завязал узел, который никто не мог распутать, и лишь спустя столетия его разрубил Александр Македонский. Царем Фригии был и легендарный Мидас, который, якобы превращал в золото все, к чему прикасался. Не правда ли красноречивый образ, много говорящий о могуществе Фригии?

Закат Фригии начался лишь спустя пятьсот лет после Троянской войны. Сначала во Фригию вторгаются племена вифинов и мисийцев, затем идут войны с Ассирией, потом вторжение киммерийцев... И только в VI веке до н.э. Фригия теряет суверенитет и подпадает под власть Лидийского царства, при этом сохраняя автономию. Лидия перехватывает у Фригии и славу самого богатого государства, и теперь уже лидийский правитель Крез — легендарный богач. Это продлилось недолго, вскоре и сама Лидия была захвачена Киром. Персидское господство длилось менее двухсот лет, саму Персию в IV веке до н.э. покорил Александр Македонский. Затем Фригия досталась диадохам, собственно, Лисимаху, потом была разделена между галатами и Пергамом, а на рубеже тысячелетий часть ее вошла в римскую провинцию Галатия, а часть — в провинцию Азия.

Итак, истинным победителем из войны между греками и троянцами вышла Фригия.

Что же до Греции... Грецию надолго охватили Темные века. И в этом также нетрудно увидеть признак тяжелого поражения греков в Троянской войне. Что обычно бывает после великих побед? Победители захватывают страну, превращают ее в свою колонию, а за счет отобранных у неприятеля сокровищ обеспечивают процветание своих государств. После утраты Милета эллины могли бы воспользоваться новым плацдармом на Эгейском

море для возобновления колонизации Малой Азии. Но греки бросают Илион, даже не оставив в нем своего наместника.

По мнению Поля Фора, не разделяющего гипотезы о малоазиатском плацдарме, «ограничив Трою, в том числе храмы, ахейцы вовсе не собирались там поселиться или основывать колонию по соседству, хотя и заключали союзы со многими местными царьками. Их честолюбие не простиралось даже до того, чтобы контролировать Дарданеллы, а учитывая ненадежность ахейских судов, сомнительно, что они могли торговать в Черном море. Воины жаждали только сокровищ, пленников, породистых лошадей, дерева для строительства новых судов и доступа к массиву Иды в Троаде, ибо он был в десять раз богаче ресурсами, чем Ида на Крите. Ну и, конечно, каждый мечтал после окончания войны спокойно вернуться домой, но не без того, чтобы на обратном пути прихватить кое-какую добычу на берегах Фракии»¹⁶⁸. На то, что Гомер не знал земельных захватов (город берется «копьем» и после грабежа оставляется победителями), указывал и военный историк А.Л. Коржинский¹⁶⁹.

Однако даже Менелай прибывает в Египет гол как сокол, не говоря уж о прочих ахейских царях. Похоже, одному лишь Одиссею повезло в Трое «много сокровищ от разных собрать добыч» (Од. X. 40—41)¹⁷⁰ — но на то он и хитроумный. Другие же воины горько сетуют, что «в дом свой должны возвратиться с пустыми руками (Од. X. 42)¹⁷¹.

Плоды победы, если допустить, что она была, оказались растрочены втуне. Взрывного роста греческой цивилизации, который мы были бы вправе ожидать, не случилось. Напротив, «посттроянские» времена характеризуются полным прекращением эллинской колонизации, крушением прежде могущественных Микен, Спарты, Пилоса, Тиринфа, упадком предшествующей культуры, деградацией искусства, утратой письменности и

¹⁶⁸ Фор П. Повседневная жизнь Греции... — С. 131.

¹⁶⁹ Коржинский А.Л. Война в поэмах Гомера // Античный мир и археология. Вып. 4. — Саратов, 1979. — С. 70—82.

¹⁷⁰ Гомер. Одиссея. — С. 123.

¹⁷¹ Гомер. Одиссея. — С. 123.

потерей самой исторической памяти. За счет сокращения торговых связей практически прекратились поставки в Грецию олова, вследствие чего стало невозможным производство бронзы. Резко сократилась численность населения. Были заброшены до 90 процентов поселений на Пелопоннесе, а их жители вернулись к полукочевому и кочевому образу жизни. Такое случается не после великих побед, а после великих поражений!

После троянской войны Греция погрузилась во мрак Темных веков. Обезлюдели города, пали дворцы, на несколько столетий греки утратили письменность и саму историческую память.

Эти времена, охватывающие период с конца XII по начало VIII века до н.э., называется историками Темными веками. Катастрофа бронзового века носила глобальный характер, охватив не только Грецию, но и весь регион Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья, от Египта до Хеттского царства.

Многие ученые считают основной причиной системного коллапса в регионе начало «великого переселения народов» — Фриц Шахермайр относит к «ордам разрушителей» народы фригийско-фракийской группы; записанные линейным письмом Б таблички Микенского царства говорят о росте пиратства и набегов для захвата рабов, а египетские источники — о нашествии «народов моря». Однако большинство современных исследователей отказываются объяснять крах микенской цивилизации внешними факторами. Среди других возможных причин называются многолетняя засуха (Рис Карпенгер, Харви Вайс, Брайан Фейган), коллапс экономики (Филип Бетанкур и др.), внутренние смуты и мятежи (Манолис Андроникос), появление маневренной пехоты, вооруженной копьями и способной отражать массированные атаки колесниц, на применении которых основывалась военная доктрина царей микенского периода (Роберт Дрюс)¹⁷².

¹⁷² Исчерпывающая классификация гипотез относительно причин катастрофы бронзового века приводится историком Олегом Рубиным (Рубин О.С. Причины постмикенского регресса (историографический обзор) // Новый век: история глазами молодых. Вып. 2. Ч. 2. — Саратов, 2003. — С. 10—24).

Весьма интересна и поучительна гипотеза российского историка Юрия Андреева. По его мнению, наступление Темных веков стало следствием духовной деградации микенского общества, о чем свидетельствуют культурные артефакты, дошедшие до нашего времени — стандартизированные жилища, святилища, погребения, домашняя утварь, бухгалтерские записи микенских архивов. «Возникшая на этой старательно выровненной почве «массовая культура» постепенно охватила все слои общества, достигая даже и самых верхних его «этажей»¹⁷³. Можно видеть, что практически все перечисленные факторы — изменение климата, глобальный экономический кризис, антивластные настроения и культурная деградация — характерны и для нашего времени. Не пора ли провести очевидные исторические параллели и сделать необходимые выводы?..

Так или иначе, объяснить наступление Темных веков какой-либо единственной причиной не представляется возможным. Но то, что одним из решающих факторов падения Греции стал провал троянской кампании — несомненно.

Эпоха Темных веков продлилась три с половиной столетия. Лишь спустя этот долгий срок распавшаяся Греция начинает объединяться. Сначала Лакония объединяется под властью Спарты, в IX веке до н.э. приняты законы Ликурга. В 776 году до н.э. проводятся первые Олимпийские игры, еще через сто лет появляются поэмы Гесиода, повествующие о происхождении мира, богов и людей. Чуть позже — великие философы: Фалес, Анаксимандр, Анаксимен, далее Гераклит и Парменид, потом великие победы Греции над персами, потом Сократ, Платон и Аристотель. То есть, классическая прекрасная Греция «случилась» аж через восемьсот лет после «победы» над Троей! И в ее основании лежали великие поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея».

¹⁷³ Андреев Ю.В. От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III — начало I тыс. до н.э.) — СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2002. — С. 640.

Глава 5. Поэт, сложивший Грецию

Муза! О песнеобильном поведай аэде Гомере! А к кому еще обращаться, если сведений об этом певце история почти не сохранила? Невозможно даже с уверенностью сказать, в каком веке он жил, не говоря уж о том, низенький он был или высокий, холостой или женатый, и вино какой страны предпочитал в то или иное время суток.

Из древнегреческих авторов Гелланик относит Гомера к началу XII в. до н.э., Кратес, заведующий Пергамской библиотекой — к концу XII в., Эратосфен, Аристотель и Аристарх — к XI в., Аполлодор — к X в., Геродот — к VIII в., Ксенофан. Гераклид Понтийский и Филострат — к VII в.¹⁷⁴ Большинство современных авторов в качестве наиболее вероятного времени жизни Гомера называют VIII век до н.э.

За право считаться родиной Гомера в древности, согласно известной эпиграмме из Палатинской антологии, спорило семь городов:

Семь городов, пререкаясь, зовутся отчизной Гомера:

Смирна, Хиос, Колофон, Пилос, Аргос, Итака, Афины¹⁷⁵.

Хотя на поверку их было даже больше, поскольку состав этой семерки постоянно менялся. По косвенным признакам можно, однако, заключить, что он был уроженцем одной из малоазиатских колоний (скорее всего, Смирны или острова Хиос) и очень хорошо знал топографию Трояды, что позволило ему довольно точно описать географические особенности Илиона и его окрестностей, ко времени его жизни уже находившихся под греческим влиянием.

Удивляться подобной «безродности» Гомера, впрочем, не стоит. В Зальцбурге экскурсоводы и сегодня показывают самые произвольные – на их личный вкус – дома, где якобы родился Моцарт – тоже, кстати, по одному из своих имен Хрисостом. На Украине жители не семи, а куда большего количества деревень

¹⁷⁴ Лосев А.Ф. Гомер. — С. 46.

¹⁷⁵ Античная лирика. — М.: Художественная литература, 1968. — С. 337.

уверяют, что именно у них снималась кинокомедия «Свадьба в Малиновке». В село Васильевка Одесской области даже экскурсии возят из соседних республик посмотреть на «ту самую графскую усадьбу». Хотя настоящим любителям кино известно, что на самом деле популярнейшая советская комедия снималась в селах Полтавской области, за семьсот километров от Одессы.

О Гомере принято знать, что он был слепым. Однако среди ученых бытуют большие сомнения даже в этом. Чтобы укрепиться в них, достаточно лишь повнимательнее прочитать тексты поэм: певец использует яркие визуальные эпитеты, которые трудно подобрать, не увидев своими глазами ни великого моря, что зыбью немою чернеет (Ил. XIV. 16)¹⁷⁶, ни рыб и угрей, толпой закипающих в мутных волнах (Ил. XXI. 202—203)¹⁷⁷, ни белых камней, ярко сияющих, будто помазанных маслом (Од. III. 408)¹⁷⁸. Все эти богатые художественные эпитеты можно было бы списать на формульный стиль устной поэзии — Гомер вполне мог использовать их по традиции. Однако то, что он мог это сделать, еще не доказывает его слепоты.

Современная (2000 г.) греческая монета в 50 драхм с изображением зрячего певца Гомера.

¹⁷⁶ Гомер. Илиада. — С. 222.

¹⁷⁷ Гомер. Илиада. — С. 333.

¹⁷⁸ Гомер. Одиссея. — С. 44.

Гомера изображали зрячим, с широко раскрытыми глазами вплоть до IV века до н.э., то есть, до эпохи эллинизма, начало которой положил Александр Македонский. Согласно Плутарху, Александр был верным поклонником Гомера и всюду возил с собой «Илиаду», которую полагал самой большой своей драгоценностью. Захватив Египет, юный царь решил основать там многолюдный греческий город и дать ему свое имя. И место для него уже было найдено и огорожено, но тут во сне Александру явился седовласый старик и, встав во фронт, прочел стихи:

На море шумно-широком находится остров, лежащий

Против Египта; его именуют нам жители Фарос.

Од. IV. 354—355¹⁷⁹.

«Тотчас поднявшись, Александр отправился на Фарос, расположенный несколько выше Канобского устья; в ту пору он был еще островом, а теперь соединен с материком насыпью. Александр увидел местность, удивительно выгодно расположенную. То была полоса земли, подобная довольно широкому перешейку; она отделяла обширное озеро от моря, которое как раз в этом (месте образует большую и удобную гавань. Царь воскликнул, что Гомер, достойный восхищения во всех отношениях, вдобавок ко всему — мудрейший зодчий»¹⁸⁰.

Так зимой 332—331 годов до н.э. Александр основал Александрию. По понятным причинам, в центре города был построен храм Гомера, а сам певец обожествлен. Именно здесь впервые и начали изображать Гомера слепым. По словам профессора Александра Портнова «интеллектуалам и многочисленным философам Александрии старые изображения Гомера показались как бы... недостаточно интересными. Бог-поэт, вероятно, по их мнению, должен был выглядеть не как обычный смертный, а как-то иначе. Но как? Изошренные в спорах и дискуссиях философы эпохи эллинизма,

¹⁷⁹ Гомер. Одиссея. — С. 55.

¹⁸⁰ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 3 т. Т.2. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. — С. 414.

воспитанные на Платоне и Аристотеле, любили подчеркивать превосходство «зрячести слепоты» избранных над «слепотой зрячести» малограмотной и бескультурной массы. Для элитарного восприятия образ слепого основоположника мировой литературы оказался очень привлекательным. И Гомер в храме был изображен... слепым»¹⁸¹.

Впрочем, возможны и другие объяснения. Так, по мнению именитого филолога Александра Зайцева, представление о слепом Гомере легко могло возникнуть по аналогии со слепым аэдом феаков Демодокосом в «Одиссее» (VIII, 62 слл.), которого, как и аэда Фемию («Одиссея», I, 151 слл. и др.), Гомер, по-видимому, наделил идеализированными чертами аэда — своего современника, а может быть, и действительно какими-то собственными»¹⁸². Свою роль в возникновении легенды о слепоте Гомера могли сыграть и слова автора гимна «К Аполлону Делосскому», назвавшего себя «слепым мужем с Хиоса»:

*Если какой-либо вас посетит человек земнородный,
Странник, в скитаньях своих повидавший немало, и спросит:
«Девы, скажите мне, кто здесь у вас из певцов наилучший?
Кто доставляет из них наибольшее вам наслаждение?»
Страннику словом хорошим немедленно все вы ответьте:
«Муж слепой. Обитает на Хиосе он каменистом.
Лучшими песни его и в потомстве останутся дальнем»¹⁸³,*

поскольку долгое время, начиная еще с Фукидида, автором этого гимна считался сам Гомер.

Существует также версия, высказанная в IV веке до н.э. учеником Исократа Эфором Кимским и поддержанная в XVII веке основателем гомеровской критики аббатом д'Обиньяком, а позже и советским историком

¹⁸¹ Портнов А. Гомер был зорче нас // Наука и жизнь. — 1999. №6. — С. 100.

¹⁸² Зайцев А.И. Древнегреческий героический эпос... — С. 400.

¹⁸³ Гомеровские гимны / Пер. В. Вересаева // Эллинические поэты. VIII—III вв. до н.э. ... — С. 129.

Николаем Марром¹⁸⁴, более известным как персонаж книги Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», что слово «гомер» вообще не имя собственное. В древних языках оно и означало — «слепец», причем не всякий, а именно побирающийся и промышляющий искусством. Для д'Обиньяка этот факт свидетельствует о том, что никакого Гомера на самом деле не было, а та же «Илиада» называлась «поэмой гомера» именно потому, что обычно исполнялась слепыми гомерами при дворах знати.

Но можно посмотреть на этот вопрос и иначе. В конце концов, и сам Гомер вполне мог быть гомером. Или, наоборот, певец мог взять себе этот звучный древний псевдоним из имиджевых соображений. Это как если бы кто-нибудь бы сегодня сложил эпическую поэму и подписал бы ее «Пророк» или «Медиум». А ведь слово «гомер» означало то же самое и имело налет древности и мистики.

Что же написал Гомер? Вопрос выглядит странным, но лишь на первый взгляд. Гомеру приписывали не только «Илиаду» и «Одиссею», но и все поэмы эпического кикла, а также 16 эпиграмм, 33 гимнов, до сих пор именуемых «гомеровскими»¹⁸⁵, и две пародии на троянский эпос — «Маргит» и «Война мышей и лягушек». Эсхил (525—456 гг. до н.э.) именовал свои трагедии «крохами с пиршества Гомерова»¹⁸⁶, однако в них развиваются сюжеты в основном киклических поэм. Это говорит о том, что Эсхил считал Гомера их автором. Но уже Геродот (ок. 484 — ок. 425 до н.э.) начинает сомневаться в принадлежности Гомеру «Кипрских песен»¹⁸⁷. Сочинителя «Илиады» и «Одиссеи» и авторов «Киприй» и «Малой Илиады» разводит и Аристотель (384—322 до н.э.)¹⁸⁸. Окончательно же признали за Гомером авторство лишь двух главных поэм троянского цикла александрийские

¹⁸⁴ Марр Н.Я. К толкованию имени Гомера // Доклады Академии наук. — Л., 1924, январь—март. — С. 2—5.

¹⁸⁵ Гомеровские гимны / Пер. В. Вересаева // Эллинистические поэты. VIII—III вв. до н.э. ... — С. 125—177.

¹⁸⁶ Иванов Вяч. Дионис и прадионисийство. Фрагменты книги // Эсхил. Трагедии. — М.: Наука, 1989. — С. 362.

¹⁸⁷ Геродот. История. — С. 114—115.

¹⁸⁸ Аристотель. Поэтика / Пер. М.Л. Гаспарова // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т.4. — М.: Мысль, 1984. — С. 673.

грамматики (III—II вв. до н.э.), скрупулезно проанализировав содержание, язык и композиционные особенности древних рапсодий.

«Илиада» и «Одиссея» и в самом деле стоят в эпическом цикле особняком, будучи сконцентрированы вокруг единого сюжета (в первом случае это уход и возвращение к своим войскам Ахилла, во втором — странствия и возвращение домой царя Итаки), в то время как все другие киклические поэмы построены на хронологическом принципе, представляя собой последовательную цепь эпизодов. Литературное новаторство Гомера было высоко оценено Аристотелем, учившим, что законченность и целостность сказанию может придать лишь единство действия: «Думается, что заблуждаются все поэты, которые сочиняли «Герacleиду», «Тесеиду» и тому подобные поэмы, — они думают, что раз Геракл был один, то и сказание [о нем] должно быть едино. А Гомер, как и в прочем [пред другими] отличается, так и тут, как видно, посмотрел на дело правильно, по дарованию ли своему или по искусству: сочиняя «Одиссею», он не взял всего, что с [героем] случилось, — и как он был ранен на Парнасе, и как он притворялся безумным во время сборов на войну, — потому что во всем этом нет никакой необходимости или вероятности, чтобы за одним следовало другое; [нет] он сложил «Одиссею», равно как и «Илиаду» вокруг одного действия»¹⁸⁹.

Вряд ли мы уже когда-нибудь узнаем о том, кто впервые исполнил песни о Троянской войне, и о чем именно в них пелось. С уверенностью можно сказать лишь о том, что появились они задолго до Гомера. Вероятно, они сильно уступали в художественном отношении гомеровским творениям, как уступают им прочие киклические поэмы, но вместе с тем, были более близки исторической правде. «Илиада» и «Одиссея» рождались в течение многих столетий, всякий раз приобретая что-то новое от очередного исполнителя, да и сам Гомер, наверняка, исполнял их не раз, и всякий раз — по-новому, пока они не были записаны со слов Гомера алфавитным письмом, заимствованным греками у финикийцев приблизительно в IX веке до н.э.

¹⁸⁹ Аристотель. Поэтика. — С. 654—655.

«Илиада» и «Одиссея» рождались в течение многих столетий, всякий раз приобретая что-то новое от очередного исполнителя, пока не были записаны со слов Гомера заимствованным у финикийцев алфавитным письмом.

Кому пришла идея сохранить их в виде записанного текста — неизвестно, как доподлинно неизвестна и цель, которую преследовал древний грамотей. Но вполне вероятно, что инициатором записи был сам Гомер, и, возможно, он даже овладел для этого новомодной письменной техникой.

Высококласный рапсод, Гомер не нуждался в записанном тексте как во вспомогательном мнемоническом средстве. Не могла прийти в его голову и мысль о том, что песни, которые он поет и которые уже усвоили от него другие поэты, могут исчезнуть¹⁹⁰, ведь они жили, воссоздаваясь при каждом исполнении, уже не один век. Однако как человек, возможно, и слепой, но, наверняка, дальновидный, Гомер не мог не оценить потенциал возникшей на Востоке передовой гуманитарной технологии — алфавитного письма.

На Востоке письмо использовалось уже не только для хозяйственных записей, но и для нужд эпической литературы. К тому времени были записаны вавилоно-аккадские, шумерские и древнееврейские произведения, близкие по характеру к «Илиаде» и «Одиссее». А именно, «Энума Элиш», сказания о Гильгамеше и древнейшие источники Пятикнижия «Яхвист» и «Элогист». Возможно, Гомер знал об этих записях, но не исключено также, что он самостоятельно пришел к идее поставить на благо возрождающейся Греции всю силу письменного слова.

Высококласный рапсод, Гомер не нуждался в записанном тексте как в мнемоническом средстве.

¹⁹⁰ Лорд А.Б. Сказитель. — С. 172.

Однако как человек дальновидный, Гомер не мог не оценить потенциал возникшей на Востоке передовой гуманитарной технологии.

Введение фонетической письменности интенсифицировало социальные процессы, упростив делопроизводство и ускорив «обмен веществу» в культуре. Списки гомеровских поэм снискали колоссальную популярность и разлетелись по всему эллинскому миру. Стихотворные аллюзии на песни Гомера встречаются уже на артефактах VIII—VII веков до н.э., найденных за тысячи километров от предполагаемого места написания поэм — Хиоса или Смирны. К тому же времени относятся и первые росписи сосудов на сюжеты «Илиады» и «Одиссеи».

«Слава Гомера, в конечном счете, вылилась в его обожествление. Начиная с Аристофана, Гомер постоянно именуется θεῖος — «божественный». В Смирне существовал храм Гомера, и одна из медных монет, чеканившихся городом, называлась гомерик. В Смирне рассказывали, что Гомер родился от некоего божества, танцевавшего с Музами. Аргивяне приглашали Гомера, наряду с Аполлоном, на каждое государственное жертвоприношение. Птолемей Филопатор соорудил для Гомера храм, где его статуя была окружена изображениями семи городов, споривших за честь быть его родиной. «Апофеоз Гомера» был темой знаменитого рельефа Архелая из Приены. Гомер изображался как символ бессмертия наряду с Дионисом и Гераклом на саркофагах римской эпохи»¹⁹¹.

По указаниям древних писателей, распространение гомеровского эпоса началось еще при древнеспартанском законодателе Ликурге (IX в. до н.э.) Согласно Плутарху, Ликург познакомился с поэмами Гомера в Ионии (Малая Азия), где они сохранялись у потомков Креофила — то ли ученика, то ли нежного друга великого аэда. «Найдя, что в них, кроме рассказов, доставляющих удовольствие и развлечение, заключено много чрезвычайно ценного для воспитателя и государственного мужа, [он] тщательно их

¹⁹¹ Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII-V вв. до н. э. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. — С. 196.

переписал и собрал, чтобы увезти с собою. Какая-то смутная молва об этих произведениях уже распространилась среди греков, а немногие даже владели разрозненными их частями, занесенными в Грецию случайно, но полное знакомство с ними впервые произошло благодаря Ликургу»¹⁹².

Упорядочил публичное исполнение рапсодами гомеровских поэм в Афинах, по свидетельству Диогена Лаэртского, афинский архонт Солон (ок. 640 — ок. 559 до н.э.), один из знаменитых Семи мудрецов: «Песни Гомера он предписал читать перед народом по порядку: где остановился один чтец, там начинать другому; и этим Солон больше прояснил Гомера, чем Писистрат»¹⁹³.

Семь мудрецов — особо чтимые древнегреческие философы и политики VII—VI веков до н.э., выразивших свою жизненную мудрость в виде кратких изречений, таких как «Всему свое время» (Питтак); «Познай себя» (Фалес); «Ничего сверх меры» (Солон). Список семи мудрецов не был постоянным, варьируясь от источника к источнику. Первый из известных списков приведен в диалоге Платона «Протагор»: Фалес Милетский, Питтак Митиленский, Биант Приенский, Солон Афинский, Клеобул Линдский, Мисон Хенейский, Хилон Спартанский¹⁹⁴.

Прогрессивный афинский тиран Писистрат (ок. 602—527 до н.э.), обеспечивший расцвет экономики Афин и рост их влияния¹⁹⁵ во всей Элладе (правление Писистрата называли «веком Кроноса»¹⁹⁶, т.е., «золотым веком»), более известен сегодня, пожалуй, тем, что создал специальную ученую комиссию по записи и редактированию «Илиады» и «Одиссеи». Усилиями ее участников — Ономакрита, Зопира Гераклеяского и Орфея Кротонского — поэмы и приняли устойчивый облик.

Первые сведения об этой комиссии донесли до нас сравнительно поздние авторы — Цицерон («Писистрат... первый, говорят, привел дотоле

¹⁹² Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 3 т. Т.1. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. — С. 56.

¹⁹³ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. — М.: Мысль, 1979. — С. 80.

¹⁹⁴ Платон. Протагор / Пер. В.С. Соловьева // Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т.1. — М.: Мысль, 1990. — С. 455.

¹⁹⁵ Несмотря на то, что слово «Афины» женского рода, написать «ее влияния» рука так и не повернулась.

¹⁹⁶ Аристотель. Афинская полития / Пер. С.И. Радцига // Аристотель. Политика. Афинская полития. — М.: Мысль, 1997. — С. 284.

разрозненные поэмы Гомера в тот порядок, в каком мы читаем их теперь»)¹⁹⁷, Павсаний («Писистрат собирал поэмы Гомера, рассеянные по разным местам и сохранившиеся то там, то здесь в устном предании»)¹⁹⁸ и Элиан («Ликург первый привез в Элладу все песни Гомера; он вывез их из Ионии, когда был там. Потом Писистрат соединил песни между собой и создал «Илиаду» и «Одиссею»)¹⁹⁹.

Тезис о фактическом «создании» комиссией Писистрата гомеровских поэм через много веков примет на вооружение профессор университета Галле Фридрих Август Вольф. В своем «Введении к Гомеру» (1795) он будет отстаивать идею о том, что «Илиада» и «Одиссея» были образованы механическим сшиванием разрозненных песен, и тем самым положит начало дискуссии по так называемому «гомеровскому вопросу» между «аналитиками», утверждающими составной характер поэм, и «унитариями», доказывавших их изначальное единство.

Думается, что речь в данном случае должна идти не о «создании» гомеровских поэм писистратовской комиссией, а об унификации их различных вариантов²⁰⁰. Причем, об ее полной беспристрастности в этом деле говорить сложно: в окончательную редакцию комиссией были введены строки, возвеличивающие Афины и их древнего царя Тесея, «бессмертным подобного» (Ил. I. 265)²⁰¹, провозглашающие исторические права Афин на остров Саламин за счет отнесения к единому флоту афинских и саламинских кораблей:

*Мощный Аякс Теламонид двенадцать судов саламинских
Вывел и с оными стал, где стояли афинян фаланги.*

¹⁹⁷ Цицерон. Об ораторе / Пер. Ф.А. Петровского // Цицерон. Эстетика: Трактаты. Речи. Письма. — М.: Искусство, 1994. — С. 347.

¹⁹⁸ Павсаний. Описание Эллады. В 2 т. Т. 2 / Пер. С.П. Кондратьева. — М.: АСТ, Ладомир, 2002. — С. 68.

¹⁹⁹ Элиан. Пестрые рассказы / Пер. С.В. Поляковой. — М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. — С. 104.

²⁰⁰ Подобным образом можно говорить, например, об истории посмертных публикаций романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», претерпевшего с 1966 года целый ряд изменений. После публикации его сокращенного варианта в 1966 году в журнале «Москва» и выхода в полном виде в издании 1973 года он продолжал год от года дополняться и редактироваться. Окончательный текст был опубликован лишь в 1990 году (Булгаков М. Мастер и Маргарита // Булгаков М. Собрание сочинений в 5 томах. Т.5 — М.: Художественная литература, 1990).

²⁰¹ Гомер. Илиада. — С. 21.

восхваляющие «воев афинских отборных» (Ил. XIII. 689)²⁰³ и т.п. Таким образом, уже при Писистрате, поставившем целью своего правления возвышение Афин, поэмы Гомера стали инструментом идеологии.

К тому же времени относится и начало их внедрения в систему греческого образования. С VI века до н.э. «Илиада» и «Одиссея» становятся обязательными для изучения. Из них юные эллины черпали идеалы и знакомились с мифологией. Именно у Гомера оформляется процесс «очеловечивания» божеств, наделения их антропоморфическими признаками, окончательно завершившийся уже в «Теогонии» Гесиода. Зевсу, Гере, Посейдону, Гермесу, Афине, Артемиде и другим богам, почитавшимся в классический период, греки поклонялись еще до эпохи Темных веков, о чем свидетельствует дешифровка табличек, найденных в Кноссе и Пилосе²⁰⁴, однако сам характер культа был иным. Микенские боги выступали в одной-единственной функции — как объекты жертвоприношений (не кровавых!) и служили олицетворением различных стихий. У Гомера же они в прямом смысле спускаются с небес на землю и приобретают человеческие черты и повадки. Более того, даже многие смертные выглядят на фоне богов образцами порядочности и благородства.

Рационалистическая критика антропоморфизма Гомера и Гесиода встречается уже у Ксенофана (ок. 570 — ок. 475 г. до н.э.), негодовавшего в своих «Силлах» («Сатирах»):

Все на богов возвели Гомер с Гесиодом, что только

У людей позором считается или пороком:

Красть, прелюбы творить и друг друга обманывать [тайно].

и далее:

Если бы руки имели быки и львы или [кони],

Чтоб рисовать руками, творить изваянья, как люди,

²⁰² Гомер. Илиада. — С. 43.

²⁰³ Гомер. Илиада. — С. 217.

²⁰⁴ Чэдуик Дж. Дешифровка линейного письма Б. — С. 223—225.

*Кони б тогда на коней, а быки на быков бы похожих
Образы рисовали богов и тела их ваяли,
Точно такими, каков у каждого собственный облик*²⁰⁵.

Неверно, однако, было бы представить роль гомеровского эпоса в образовании греков лишь в качестве каталога жизненных ситуаций и примеров для подражания. По словам знаменитого немецкого историка Вернера Йегера, «миф сам по себе обладает нормативной значимостью, для этого не нужно подчеркнуто выставлять его в качестве образца или примера. Он является таковым в силу собственной природы, а не в силу сходства определенной жизненной ситуации с соответствующим мифологическим событием. Миф — это слава, весть о великом и возвышенном, донесенная преданием древнейших времен, а не безразличный материал. Необычное обязывает уже только в силу признания его факта. Но певец не только повествует о подвигах, он восхваляет и превозносит то, что в этом мире достойно похвал и превознесения»²⁰⁶.

Чрезвычайно важной была и консолидирующая функция мифологии, приобретенная ею в результате систематизации, получившей окончательное оформление в поэмах Гомера и, в особенности, Гесиода. Началась же эта систематизация, по всей вероятности, во времена Ликурга, полупоэтического законодателя, давшего Спарте законы, на которых в течение нескольких веков зиждилось ее политическое устройство. Евномия (благозаконие) Ликурга превращала спартанское общество в военизированную «общину равных», управляемую герусией (советом старейшин из 28 геронтов и двух царей), вводила особый тип воспитания юношей, регулировала быт и обычаи сограждан (выражение «спартанский образ жизни» вошло в поговорку еще в древности). Принятие законов Ликурга превратило Спарту в мощное военное государство, которое со временем установило гегемонию над всем

²⁰⁵ Ксенофан // Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I / Ред. А.В. Лебедев. — М.: Наука, 1989. — С. 171.

²⁰⁶ Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. Т.1. — М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2001. — С. 72.

Пелопоннесом и стало основой Пелопоннесского союза, объединившего в середине VI века до н.э. греческие полисы. Объединение греков под властью Спарты происходило не столько за счет удачных военных кампаний, сколько благодаря «гуманитарной экспансии», распространению идей, формирующих общественное согласие. Таким образом, уже в истории доклассической Греции мы видим подтверждения тезиса, много позднее предложенного Николо Макиавелли и развитого Антонио Грамши и Мишелем Фуко, о том, что власть, держащаяся на согласии, власть, предлагающая позитивную программу, новый проект мира, более устойчива, чем власть, основанная на насилии.

Важнейшим условием достижения общественного согласия стало внесение единообразия в пеструю картину религиозных верований, существовавших в эллинском мире. В самом деле, если при заключении договора каждый клянется каждый своими богами и ни во что не ставит богов контрагента, то о каком согласии, о каком доверии можно говорить?

Но по какому основанию возможно упорядочивание богов, чтобы быть принятым всеми эллинами? Может быть, по распределению сфер компетенции, когда одному богу предписывается отвечать, допустим, за врачевание, другому — покровительствовать морякам и т.д.? Однако такой порядок вряд ли мог стать основой общественного консенсуса. В каждом городе развиты свои ремесла, везде — свой уклад жизни, моряки склонны более других богов чтить Посейдона, виноделы — Диониса. Единственный порядок, который знаком и понятен всем — это система родства. Мать, отец, сын, дочь, брат, сестра — эти понятия универсальны. Даже в самых примитивных обществах, и это убедительно продемонстрировал в свое время французский антрополог Клод Леви-Стросс, система родства является социообразующей матрицей, на ее основе устанавливается социальная иерархия. То же справедливо и для эпохи Темных веков, на исходе которой и жил, согласно преданию, Ликург. Если в микенской Греции с ее сложной социальной структурой, согласно табличкам из Пилоса, единственным

родственником (сыном) Зевса слыл некий загадочный Дримий, а сам Зевс еще не почитался главным из богов, то в конце Темных веков, характеризующихся разрушением прежних социальных связей и возвратом к родовому строю, Зевс возглавляет пантеон и обрастает кучей родственников. «Зевс — отец богов означает: Зевс — глава богов, и это представление отражает земную реальность Греции «темных веков», когда после гибели микенских государств носителем реальной власти был прежде всего глава семьи и старший в роде»²⁰⁷.

Зевс в кругу родни (Питер Пауль Рубенс. Собрание олимпийских богов (1605)).

Систематизация богов по семейному принципу, назначение каждому из них своего места в едином генеалогическом древе были осуществлены, так сказать, волюнтаристски. Для претворения подобной программы необходима единая воля, подобный процесс не может быть плодом многовекового спонтанного коллективного творчества, порождением «народного духа», как это преподносили романтики начала XIX века. И если трудно утверждать категорически, что инициатором систематизации богов на основе кровного родства был именно Ликург (документальных источников того времени просто не существует), то с большой достоверностью можно предположить, что в этой роли мог выступить кто-то из его современников, чье имя затерялось в глубинах истории. Тем более что даже сам Ликург, по мнению многих ученых, — личность мифологическая. Вернее сказать, деяния

²⁰⁷ Зайцев А.И. Греческая религия и мифология. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Академия, 2005. — С. 80.

реально существовавшего спартанского законодателя могли быть приписаны — в силу их исключительной значимости для дальнейшей истории — одному из наиболее почитаемых в древности богов по имени Ликург. Как приписывались другим богам основание городов и династий, а также важнейшие изобретения.

Классификация богов на основе родственных связей была не просто усвоена массами, но и породила (и вот здесь мы уже можем говорить о «творчестве народного духа») в качестве обратной реакции традицию наделения богов человеческими качествами. Если все семьи похожи друг на друга и лишь несчастливы по-своему, то и у богов должно быть то же самое. И в народном эпосе боги начинают скандалить, устанавливать домашнюю тиранию, изменять супругам, завидовать соседям и драться сковородками, что мы сплошь и рядом видим у крупнейшего представителя эпической поэзии Гомера.

По историческим меркам антропоморфизация богов произошла стремительно, и еще в VI—V веках до н.э. свежа была память о временах, когда боги выступали в качестве неких трансцендентальных категорий — таких, как бытие, время, истина, вражда, необходимость. Отсюда и негодование Ксенофана, Пиндара и ряда других мыслителей, протестовавших против профанации старых богов и снижения трансцендентного до уровня земного. Объектом их критики выступали Гомер и Гесиод, и, надо сказать, незаслуженно. И тот, и другой инсталлировали в свои поэмы уже существовавшую к их времени духовную матрицу, получившую в них окончательное оформление. Совершенно неправдоподобным представляется нам предположение о том, что именно Гомер и Гесиод и были теми культурными героями, что создали эту матрицу. Во-первых, само содержание их поэм (наиболее отчетливо это прослеживается у Гомера) предполагает осведомленную аудиторию, которой уже не нужно вскрывать подоплеку взаимоотношений богов в тех или иных ситуациях — она мгновенно, буквально с полупамятки воссоздает картину во

всей ее полноте, поскольку крепко удерживает в памяти мифы, изложенные в сказаниях других поэтов. Таким образом, Гомер работает в парадигме, к его времени уже сложившейся и принятой всеми слушателями. А во-вторых, задачи поэзии вообще с трудом совместимы с миссией классификатора, выполняющего известный социальный заказ. Но так или иначе, о грандиозной классификационной работе идеологов ликурговской эпохи мы можем судить именно по записям поэм Гомера. Здесь прежде разрозненный и запутанный олимпийский пантеон приобрел законченные формы. Теперь легенды о возникновении мира, великих битвах и взаимосвязи между богами и героями могли быть легко усвоены и положены в основу мировоззренческой матрицы. Благодаря этому создавалось единое культурное пространство эллинского мира. Отныне Греция — это то, где поклоняются греческим богам.

Веками позже подобным принципом, скрепляющим пространства, станет римское право — *ratio scripta* («писанный разум»), как именовали его современники. Создание развитой системы права, создание обязательных для всех юридических норм было жизненно необходимо для стремительно растущего государства, нуждающегося во всё больших ресурсах: территории, плодородной земле, рабочей силе (рабах), полезных ископаемых, продовольствии, предметах роскоши для высшего класса. Если у разрозненных греческих полисов сил хватило на масштабную колонизацию, образование новых городов, торговлю с варварами, то у римлян достало могущества на их завоевание. Главное — и для греков, и для римлян — было дать сигнал внешнему «варварскому» окружению, что существует «правильный» мир с устоявшимися, четкими гармоничными формами и канонами религии и искусства, с ясной правовой системой, с действующим по тем же «лекалам» войском, не знающим поражения.

Прежде разрозненная и запутанная, греческая мифология была систематизирована и легла в основу мировоззренческой матрицы. Благодаря этому

создавалось единое культурное пространство эллинского мира.

Гомер — «поэт, воспитавший Элладу»; Платон фиксирует всегреческое согласие с этой максимой²⁰⁸, хотя и считает чтение поэм о склоках, драках и прелюбодеяниях среди богов недопустимым в своем идеальном государстве как занятие, вредящее неокрепшим умам: «Ребенок не в состоянии судить, где содержится иносказание, а где нет, и мнения, воспринятые им в таком раннем возрасте, обычно становятся неизгладимыми и неизменными. Вот почему, пожалуй, более всего надо добиваться, чтобы первые мифы, услышанные детьми, самым заботливым образом были направлены к добродетели»²⁰⁹.

У Ксенофонта Афинского можно обнаружить любопытный эпизод, демонстрирующий отношение к произведениям Гомера в сократовские времена (V век до н.э.). На одном из пиров с участием Сократа и самого Ксенофонта, каждый из присутствующих рассказывает, чем он более всего гордится. Когда очередь доходит до одного из гостей, Никерата, тот признается, что больше всего гордится тем, что знает наизусть все гомеровские поэмы: «Отец мой, — сказал Никерат, — заботься о том, чтоб из меня вышел хороший человек, заставил меня выучить все сочинения Гомера, и теперь я мог бы сказать наизусть всю «Илиаду» и «Одиссею»²¹⁰. И, надо заметить, таких добродетельных людей было в то время немало. Дион Хрисостом обнаружил их даже в отдаленной греческой колонии в устье Днепра, Борисфене: «И хотя сами они говорят по-гречески не совсем правильно, поскольку они живут среди варваров, но «Илиаду» почти все знают наизусть»²¹¹.

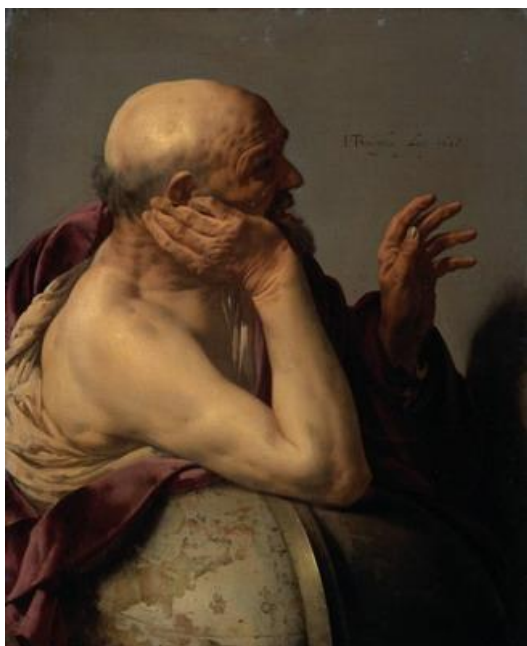
²⁰⁸ Платон. Государство / Пер. А.Н. Егунова // Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т.3. — М.: Мысль, 1994. — С. 404.

²⁰⁹ Платон. Государство. — С. 442.

²¹⁰ Ксенофонт. Пир / Пер. С.И. Соболевского // Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. — М.: Наука, 1993. — С. 169.

²¹¹ Дион Хрисостом. Борисфенитская речь, произнесенная Дионом на его родине / Пер. М. Грабарь-Пассек // Поздняя греческая проза. — М.: ГИХЛ. 1960. — С. 94.

Греки верили в реальность всего, о чем повествовал Гомер, верили буквально каждому слову, даже несмотря на множество противоречий в его текстах. Для Геродота, Фукидида, Аристотеля, Платона Гомер — самый достоверный исторический источник, а победа греков в Троянской войне — бесспорный исторический факт, хотя Фукидид все же осмеливается заметить, что Троянский поход представляется ему не столь замечательным, как утверждает сохраненное поэтами предание²¹². Для Эсхила, Софокла, Еврипида Гомер — источник вечного вдохновения. Похоже, из серьезных мыслителей того времени одному лишь Гераклиту приходило в голову ругать великого аэда — да не за что-нибудь, а за непонимание принципов диалектики (по Симпликию, «Гераклит и бранит Гомера за то, что тот сказал: «Да сгинет вражда как меж богами, так и меж людьми»; в таком случае, говорит он, сгинет всё»²¹³), но Гераклит всегда слыл большим мизантропом²¹⁴.

Хендрик Тербрюгген. Гераклит Эфесский (1628).

²¹² Фукидид. История / Пер. Г.А. Стратановского. — Л.: Наука, 1981. — С. 10.

²¹³ Гераклит // Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. — С. 202.

²¹⁴ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. — М.: Мысль, 1979. — С. 359.

Был еще, правда, в конце IV века до н.э. один Зоил, прозванный «бичом Гомера» за настойчивые поиски и высмеивание неувязок в гомеровских текстах. Но так Зоил — и есть зоил, не зря его имя стало нарицательным для обозначения недоброжелательного и мелочного критика. Вот, что пишет о нем, например, Элиан: «Зоил всегда злословил о людях, только и делал, что наживал себе врагов, и был удивительно придирчив. Однажды кто-то из философов спросил его, почему он всех хулит. «Потому, — был ответ, — что не могу, как мне того хочется, причинить им зло»²¹⁵. По рассказам Витрувия, однажды Зоил приехал в Александрию и там прочел свои пасквили царю Птолемею, но тот не удостоил его ответом. Когда же, проведя долгий срок в царстве и изрядно поиздержавшись, Зоил обратился к Птолемею за вспомоществованием, тот сказал, что «раз Гомер, скончавшийся тысячу лет тому назад, непрерывно питает многие тысячи людей, то и тот, кто считает себя одаренным выше него, должен уметь кормить не только одного себя, но и большое количество народа»²¹⁶.

Зоил был осужден за отцеубийство и предан смерти — то ли распят на кресте, то ли побит камнями, то ли заживо сожжен на костре, мнения древних здесь расходятся. Как бы то ни было, по словам Витрувия, «он получил заслуженное наказание. Ибо ничего другого не заслуживает человек, вызывающий в суд тех, которые не могут перед лицом всех быть ответчиками за смысл ими написанного»²¹⁷.

В III веке до н.э. в александрийской школе началась нешуточная борьба между так называемыми энстатиками, подобно Зоилу выискивающими различные противоречия в поэмах Гомера, и литиками, занимающимися разрешением подобных вопросов. К числу литиков принадлежали, в частности, Зенодот Эфесский, Эратосфен Киренский, Аристофан Византийский и Аристарх Самофракийский, именно в таком порядке перечисления возглавлявшие знаменитую Александрийскую библиотеку. В

²¹⁵ Элиан. Пестрые рассказы. — С. 82.

²¹⁶ Витрувий. Десять книг об архитектуре / Пер. Ф.А. Петровского. — М.: Изд-во Академии архитектуры, 1936. — С. 129.

²¹⁷ Витрувий. Десять книг об архитектуре. — С. 129.

библиотеке находилось внушительное количество изданий Гомера, различавшихся в тех или иных эпизодах. «Таковы были издания городские, именно — массильское, хиосское, аргосское, синопское, кипрское и аттическое (афинское), Это последнее... считалось александрийцами «вульгатой»²¹⁸. Были и издания, выпущенные отдельными лицами, например издание Антимаха Колофонского, который и сам был эпическим поэтом, или издание «из ларца», приготовленное Аристотелем для его ученика, Александра Великого, и сопровождавшее последнего в его походах»²¹⁹. Эти рукописи стекались в Александрию со всех концов эллинского мира, и служители библиотеки скрупулезно сличали их буква за буквой, пытаясь восстановить первоначальный текст и истолковывая, насколько это позволяло тогдашнее состояние лингвистической науки, трудные места уже в ту пору старинного эпоса.

Попутно александрийским грамматикам приходилось улаживать различные недоразумения, сплошь и рядом встречающиеся в гомеровских поэмах. Вот, скажем, та же Геба — жена ли она Геракла, как об этом пишется в «Одиссее», или все-таки не жена, на что недвусмысленно указывается в «Илиаде»? Девять или все-таки двенадцать дней уговаривали боги Гермеса в XXIV рапсодии «Илиады» похитить тело Гектора, над которым без устали глумился Ахилл? И откуда у Аполлона эгида, которой он прикрывает труп Гектора, влачимый Ахиллом вокруг могилы Патрокла? Ведь эгида принадлежит Зевсу, это его персональный щит для вздымания грозных бурь! Аристарх решал эти проблемы, помечая как сомнительные (или, на научном языке, атетируя) те или иные строки²²⁰, а иногда даже вычеркивая их из своего издания «Илиады». Но в большинстве сомнительных случаев он был

²¹⁸ Речь, как мы понимаем, идет о писистратовской редакции.

²¹⁹ История греческой литературы. Т.1. Эпос, лирика, драма классического периода. — М.—Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1946. — С. 111.

²²⁰ Зенодот ввел для обозначения сомнительности того или иного места у Гомера символ ÷ (обелюс), используемый сегодня на микрокалькуляторах в качестве знака деления.

склонен «объяснять Гомера из Гомера же»²²¹, обращаясь в поисках аналогий к другим частям поэм.

Совсем иные выводы сделали из изобилия неувязок между «Илиадой» и «Одиссеей» александрийские ученые Ксенон и Гелланик²²², жившие в III веке до н.э. Обнаружив, что жену Гефеста звать, по «Илиаде», Харита, а по «Одиссее» — Афродита, что у Нестора, по «Илиаде», было одиннадцать братьев, а по «Одиссее» — только два, они пришли к заключению, что Гомер попросту не мог быть автором обоих творений. За это Ксенона и Гелланика так и прозвали: «горизонты», то есть «разъединители». Однако их критические взгляды не укрепились в традиции, и еще многие века более никто не смел отрицать единство авторства поэм.

В многократно воспроизведенной в интернете статье профессора Богаевского, написанной для советской Литературной энциклопедии 1930 года, ошибочно указывается, что Аристарх Самофракийский объяснял многочисленные противоречия в текстах поэм тем, что, по его мнению, «Илиада» была написана Гомером в молодые годы, а «Одиссея» — в старости²²³. В действительности эта мысль принадлежит псевдо-Лонгину (ок. I в. н.э.) Вот, что он пишет в своем трактате «О возвышенном»: «Илиада», созданная поэтом в расцвете творческого вдохновения, представляет собой всецело действие и борьбу, а «Одиссея», почти полностью повествовательная, так типична для старости. В «Одиссее» Гомера можно сравнить с заходящим солнцем, утратившим свою прежнюю мощь, но еще сохранившим былое величие. У поэта нет уже той силы, которая поражала в илионских сказаниях; возвышенное здесь уже не столь равномерно, чтобы отказываться от опоры; нет у него ни безудержного потока чередующихся страстей, ни быстрой смены настроений, ни общественного звучания, ни богатства разнообразных образов, заимствованных из действительности. Подобно тому как после прилива отступает Океан, утрачивая былые размеры, так и в «Одиссее» наш

²²¹ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. — Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. — С. 470.

²²² Не путать с Геллаником Милитинским, современником Геродота.

²²³ Богаевский Б.Л. Гомер // Литературная энциклопедия. Т. 2. — [б.м.]: Изд-во Ком. Акад., 1930. — С. 599—603.

взор замечает в сказочных и неправдоподобных отступлениях постоянные отливы возвышенного»²²⁴.

Александрийские ученые до предела формализовали изучение Гомера, придали ему характер «тонкого докторства», методичной и кропотливой процедуры. Стало нарицательным и само имя «Аристарх», но в смысле, противоположном «Зоилу». Как символ строгого и дотошного критика его употребляет, например, Александр Пушкин в юношеском стихотворении 1815 года «Моему Аристарху». По словам Лосева, «александрийцы... превратили греческую поэзию в музей, в инвентарную книгу, в горы цитат, резюме, каталогов и компиляций. Всем хотелось быть очень учеными, очень осведомленными. Эстетика стала инвентарем, преискурантом, энциклопедией, и притом исключительно технологически-формалистической энциклопедией. Если раньше античность превращала объективизм в космологию, то теперь она превращает субъективизм в научность, в компиляторство, в энциклопедию»²²⁵.

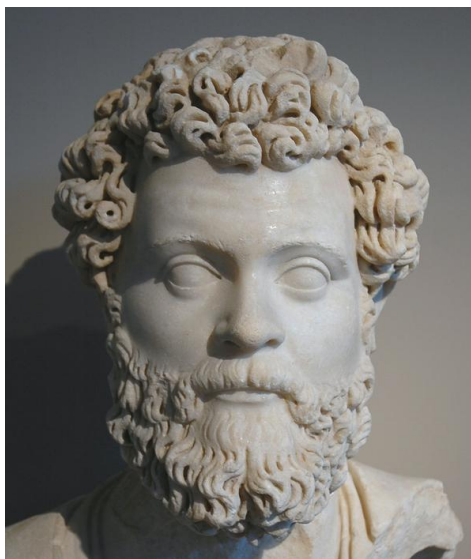
Аристарховы издания Гомера и схолии к поэмам имели историческое значение для всей мировой культуры. Вплоть до византийских времен рукописи Аристарха тщательно переписывались, в III—IV вв. н.э. перейдя из папирусных свитков в пергаменные кодексы. «Сравнивая найденные в большом количестве в Египте папирусы Гомера III в. до н.э. с гомеровскими текстами послеаристарховского времени, мы видим, какую грандиозную работу проделал Аристарх. И если в интерпретации гомеровских поэм Аристарх был во многом наивен, представляя себе, в частности, гомеровское общество по образу и подобию царского двора эллинистической монархии, сам текст обеих поэм, судя по всему, лишь в редких случаях отклоняется от аутентичного гомеровского текста VIII в. до н.э.»²²⁶ Именно в редакции Аристарха тексты «Илиады» и «Одиссеи» были впервые напечатаны во Флоренции в 1488 году, вскоре после изобретения книгопечатания.

²²⁴ О возвышенном / Пер. Н.А. Чистяковой. — М.—Л.: Наука, 1966. — С. 21—22.

²²⁵ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. — С. 470.

²²⁶ Зайцев А.И. Древнегреческий героический эпос... — С. 413.

Авторитет Гомера начал понемногу блекнуть лишь к концу первого века Римской империи. Автор, известный под именем Диктис Критский (конец I—II в.) позволяет себе выворачивать наизнанку смысл и содержание произведений великого поэта; Птолемей Хенн (1-я половина II в.) изощряется в остроумии, рассказывая небывлицы о троянских героях и «для убедительности» сопровождая их пародийным лженаучным аппаратом. Дион Хрисостом (ок. 40 — ок. 120 гг.) и вовсе в одной из своих речей называет Гомера «самым отчаянным вралем»²²⁷, оговариваясь, впрочем, в другом своем выступлении, что «все, что написано Гомером, благотворно и полезно», а сам поэт «до такой степени... велик, что порой не помнилось, что поэмы написаны им, а казалось, что они созданы оракулом богов, прозвучавшим некогда из тайных и недоступных глубин»²²⁸.

Дион Хрисостом, утверждавший, что Гомер скрыл правду о поражении ахейн под Троей.

В «Троянской речи» Дион в парадоксальной манере обвиняет Гомера в том, что он сознательно обжулил греков, рассказав им о победе, одержанной над троянцами, которой, как выясняется, никогда не было. Об этом Диону якобы поведал некий жрец из египетского Онуфиса, а сам он, в свою очередь,

²²⁷ Дион Хрисостом. Троянская речь... — С. 308.

²²⁸ Дион Хрисостом. О Гомере. / Пер. О. Смыки. // Античность в контексте современности. — М., Изд-во МГУ, 1990. — С. 184.

узнал это из надписи на стеле, составленной по рассказу побывавшего здесь Менелая.

По его мнению, на самом деле все было так. Жил да был в Лакедемоне царь Тиндарей, и было у него две дочери — Клитемнестра и Елена, и два сына-близнеца, два прекрасных великана Кастор и Полидевк. Пришло время Елену замуж выдавать, но вот за кого? Не за худородного же Менелая! Среди женихов Елены значился сын могущественного правителя Трои Парис. С ним-то и сыграли свадьбу. Обиделся Менелай, раздосадовался и брат его Агамемнон, и стали они прочих женихов-неудачников подначивать: давайте, мол, все вместе сядем на чернобокие свои корабли и поплывем с войной в Илион. Надо ж отмстить неразумным троянцам за обиду, а заодно и разграбить богатейший на свете город. Греки приплыли под Трою, разбили лагерь и стали осаждать троянцев, а потерпев удачу, убралась восвояси.

Вот так, типа, получается складно. У Гомера же — сплошной ералаш! У него Елена стала женой Менелая, родила дочь²²⁹, а потом ее похитил никогда ее ранее не видевший Парис, бежал с ней черт знает откуда через всю Элладу, и их не догнали. Но как Елена могла поддаться на уговоры Париса, которого совершенно не знала, и вообще как она могла с ним даже встретиться? Чтобы все это объяснить, Гомер придумал сказку о том, что эту нелепую любовь устроила Афродита. Десять лет собирается войско в поход. Копуши какие-то, а не воины! При этом троянцы — нет, чтобы сразу, не дожидаясь кровопролития, выпинать Елену за ворота! Отнюдь — они предпочитают несколько лет терпеть осаду и гибнуть в сражениях, пока один из сыновей царя тешит свои прихоти! Кроме того, в троянском походе у Гомера почему-то не участвуют братья Елены Кастор и Полидевк, прежде всегда вызволявшие ее из переделок. Во время смотра со стены Елена не находит их в стане ахейцев и очень этому удивляется, Гомер же оправдывает их отсутствие тем, что к тому времени они уже умерли. Но само удивление Елены дает нам понять, что к моменту ее похищения они были еще живы и

²²⁹ Так у Диона.

не ринулись сразу на ее спасение, как, допустим, в случае с Тесеем! Очевидно, заключает Дион, правда и справедливость были на стороне троянцев, и Елена была законной женой Париса, тогда как греки выступали как захватчики.

Но захватчиками, по Диону, они были неудачливыми, и сражений за все время войны было немного. Сыновей Приама Троила и Местора Ахилл, например, убил не в бою, а во время их вылазок за пределы крепостных стен. Очевидно, что троянцы могли выезжать из Трои, только если к ним хорошо относились окрестные жители; греки же тем временем промышляли засадами, грабили побережье и даже... занимались земледелием на Троаде²³⁰. Война длилась несколько лет, и греки должны были чем-то питаться, и если вначале они еще могли рассчитывать на поддержку местных жителей, для которых могли выступать в качестве неких «освободителей от ига троянцев», то потом, наверняка, отношение к этим непрошеным гостям переменялось. Время работало против эллинов, и если они не смогли взять Трою сразу, то после осады в несколько лет это тем более было бы трудно. Дион сообщает, что Гомер против своей воли проговаривается о реальном положении дел в стане греков, еще в самом начале «Илиады» поведав, что Ахилл находится в ссоре с Агамемноном, а воинов терзают голод и болезни, а ведь распри всегда сопутствуют неудачам, а мор возникает там, где нет нормального питания и воды.

Далее гомеровский сюжет развивается в изложении Диона следующим образом: троянцы нападают на лагерь греков и фактически их громят. Патрокл надевает доспехи своего друга Ахилла и ведет в бой его отряд. Он отбрасывает троянцев, но его убивает Гектор. Надев доспехи Ахилла, славный витязь Илиона одерживает ряд побед, и лишь ночь мешает ему спалить все корабли греков. После похорон Патрокла боги дают Ахиллу новое оружие, он вызывает на поединок Гектора, убивает его, а потом уже

²³⁰ Здесь Дион транслирует версию Фукидида, объяснявшего успешное сопротивление троянцев в течение десяти лет раздробленностью боевых сил ахейцев и трудностями снабжения, которые «заставили их заняться обработкой земли на Херсонесе и грабежом». (Фукидид. История. — С. 10).

Парис случайно убивает Ахилла, которого хоронят в одной могиле с Патроком, тело же Гектора возвращают Приаму.

Хрисостому все это кажется нереальным. Как Ахилл мог не вступать в бой и ждать разгрома греков? С чего бы вдруг отряд Ахилла, ведомый невеликим воителем Патроком, вдруг отбрасывает силы всех троянцев, и почему греки не могли этого сделать ранее? Почему Ахиллес решается на бой с Гектором лишь спустя несколько лет осады? Версия Диона проста: «Патрокл — это двойник, которым Гомер, стараясь скрыть, что произошло с Ахиллом, подменил его самого»²³¹. То есть, на самом деле именно Ахилл и участвовал в бою, а Гектор его убил и забрал его доспехи.

Чтобы никому не пришло в голову разыскивать могилу Патрокла, Гомер придумал, что тот похоронен в одной могиле с Ахиллом, тогда как «даже Нестор, привезший на родину прах Антилоха, павшего за него, не просил похоронить их вместе, — так кто же посмел бы перемешать останки Ахилла с прахом Патрокла?»²³²

Окончание войны, по Диону, выглядело следующим образом. Греки были фактически разгромлены, погиб Ахилл, Аякс и другие герои, свирепствует мор, вожди в ссоре, простые воины бегут на корабли, чтобы плыть домой, троянцам на помощь пришли союзники в виде амазонок и царя Мемнона, прослышав, что троянцам сопутствует удача, и желая поделить плоды победы. В то же время цари греков — Агамемнон, Менелай и Одиссей — еще живы и держатся на расстоянии от берега. Им даже удалось убить Париса, из-за которого началась война. Если они убегут, то троянцы и их союзники непременно построят флот и придут поработать Грецию. Грекам нужен мир на условиях, что троянцы не придут в Элладу, и они даже готовы «потерять лицо», то есть публично признать поражение и, более того, закрепить свое фиаско каким-либо символом унижения.

²³¹ Дион Хрисостом. Троянская речь... — С. 325.

²³² Дион Хрисостом. Троянская речь... — С. 325.

Троянцев такой вариант устраивал, сил на захват Греции у них все равно уже не было, а дальнейшая война могла бы привести к потерям, и так уже Приам потерял нескольких сыновей. И главное, дальнейшая война ничего бы не дала, в то время как символ победы — это лучше, чем ничего. На том и порешили. Греки выстроили громадного деревянного коня с надписью: «Милости ради ахейцы Афине Илионской», то есть греки просят милости у покровительницы Трои, милости просят побежденные у победителей! «Трояне подвели его к городу, а поскольку в ворота он не проходил, снесли часть стены. Вот откуда смехотворный рассказ о взятии города конем»²³³.

По Диону, о поражении греков свидетельствовали и все последующие события — фактическое бегство греков по окончании военных действий, гибель флота возле Эвбеи, воцарение троянских царей над некоторыми малыми районами Эллады, передача Елены в жены Деифобу, бегство Менелая в Египет. При этом Хрисостом не верит, что его слова хоть кого-то переубедят. Он говорит, обращаясь к жителям Илиона, перед которыми читает свою речь: «Хотя дело было именно так, я отлично знаю, что никто с этим не согласится, и все, за исключением людей глубокомысленных, будут твердить, что это ложь, причем не только эллины, но и вы сами. Конечно, нелегко справиться с наветом, особенно если в заблуждении пребывают долгие годы»²³⁴.

Наградив Гомера в ходе его разоблачения множеством нелестных эпитетов, Дион, однако находит ему и оправдание, указав на то, что его творения «были опорой тогдашним эллинам и не дали бы им прийти в смятение, если бы между ними и народами Азии, как то ожидалось, началась война. Можно простить человеку, который, будучи эллином, всеми силами помогал своим соотечественникам»²³⁵. Но времена те, по Хрисостому, давно прошли, и из Азии в Элладу теперь вряд ли может двинуться какой-нибудь

²³³ Дион Хрисостом. Троянская речь... — С. 330.

²³⁴ Дион Хрисостом. Троянская речь... — С. 330.

²³⁵ Дион Хрисостом. Троянская речь... — С. 335.

народ, тем более что и та, и другая равно под иною державой — Римской империей. А значит, самое время сказать правду...

Если подходить к речи Диона с «устрашающей серьезностью», как сказал бы Ницше, то можно разбить всю аргументацию риторика, указав и на постоянное передергивание фактов, и на приписывание Гомеру сюжетов, не относящихся ни к «Илиаде», ни к «Одиссее», и на апелляцию к весьма подозрительному источнику — безымянному египетскому жрецу. Можно, однако, поступить и иначе и, оставив упражнения в казуистике высоколобым ученым, просто наслаждаться красивой интерпретацией Хрисостомом всем известных фактов и наблюдать за выворачиванием наизнанку непреложных на ту пору истин. Тем более что, как нетрудно заметить, рациональное зерно в рассуждениях Диона было, и вряд ли его речь можно считать только шуткой, как это было принято на протяжении многих столетий.

Впрочем, к эпохе эллинизма понятие «непреложных истин» подходит мало. Это было то самое время, когда рушились «большие идеологии», а философствование превратилось в игру созданными веками ранее методологиями и жанрами, жонглирование цитатами, ироничным ниспровержением кумиров.

В известной степени это стало следствием многовековой гегемонии поэта в греческом образовании, сравнимой разве что с засильем Ленина в советских учебниках. «Гомер наскучил эллинскому читателю, как ни один другой писатель, и его «домысливание» — особенно для аудитории с не самым высоким образовательным уровнем (то есть такой, чье образование на Гомере и закончилось) — часто производилось таким образом, чтобы гомеровская информация обернулась чем-то неожиданным или даже скандальным. Помня об этой ситуации, можно понять возникновение многочисленных рассказов о некой «правильной “Илиаде”», об «“Илиаде”, написанной до Гомера», об «Илиаде», рассказывавшей о том, что же было на Троянской войне «на самом деле» — то есть без постоянного вмешательства богов и без бросания героями камней, которые не под силу поднять десятку

простых смертных. Подобное исключение фантастических деталей было самым простым и распространенным путем ревизии Гомера — однако не нужно думать, будто при этом кого-то на самом деле интересовала реконструкция исторической правды; интересно было просто перевернуть общеизвестного Гомера, поставить его “с головы на ноги”»²³⁶.

С распространением христианства интерес к язычнику Гомеру постепенно сходит на нет. Августин, например, признавался, что Гомер его утомляет. А в Византии Гомер как носитель духа эллинизма и вовсе стал считаться чуть ли не врагом империи (не стоит забывать, что византийские греки отделяли себя от культуры античной Греции, да и называли они себя не греками, но «ромеями», то есть римлянами).

Вместе с тем, отдельные ученые Византии продолжали работу над сохранением наследия Гомера. В 860-е годы там был подготовлен исправленный вариант «Илиады» на основе аристарховского издания, известный сегодня как Venetus A и названный так, потому что хранится в Венеции, в соборе Сан-Марко, куда он попал после разграбления Константинополя крестоносцами в 1204 году.

Одним из главных финансовых ресурсов Византии были таможенные поступления от грандиозной международной торговли на Босфоре и Дарданеллах. Предприимчивым венецианцам удалось убедить Константинополь, что, обладая мощным флотом и возможностью оплачивать охрану транспортных потоков и строительство портов, они смогут лучше контролировать морскую коммерцию, и последствия этого сказались незамедлительно. В стране начали деградировать промышленность и сельское хозяйство, византийские предприниматели попали в зависимость от иностранцев. «Пользуясь правом селиться в Константинополе, заводить фабрики и конторы в портах и беспошлинно торговать в империи, Венеция могла хозяйничать в Византии по своему усмотрению, свободная от полицейского и таможенного надзора и от всякой конкуренции»²³⁷.

²³⁶ Захарова А.Б. Об истории книги // Дарет Фригийский. История о разрушении Трои. — СПб.: Алетейя, 1997. — С. 8—9.

²³⁷ Успенский Ф. История Византийской империи. XI—XV вв. Восточный вопрос. — М.: Мысль, 1997. — С. 286.

В конце XII века император Мануил Комнин, а затем и его преемник Андроник I начали конфискацию венецианских предприятий купцов, чтобы вернуть стране текущие потоками за границу доходы. Венецианцы не смогли с этим смириться, и в начале XIII века дож Венеции Энрико Дандоло сумел перенаправить организованный папой Иннокентием III Четвертый крестовый поход с Египта сначала на далматинский город Задар (в качестве платы за перевозку), и затем и на Константинополь. Вероломное нападение христово воинства на столицу христианской империи закончилось ее взятием 13 апреля 1204 года и последующим разорением. Крестоносцы, установившие в Новом Риме так называемую Латинскую империю, начали вывоз его сокровищ, который продолжался более пятидесяти лет. Только драгоценной монеты было вывезено сотни тонн, и это притом, что годовой бюджет самых богатых стран Европы составлял тогда не более двух тонн золота. «Невиданный поток свободных денег вызвал бурный рост западноевропейских городов, стал решающим толчком развития ремесел, наук, искусств. Запад варварский стал Западом цивилизованным лишь после того, как захватил, разграбил, разрушил и поглотил в себя Византийскую империю... При этом венецианцы — оплот тогдашнего свободного предпринимательства — объявили на весь западный мир, что восстанавливают попорченную законность, права свободного международного рынка, а главное — борются с режимом, отрицающим общеевропейские ценности. Именно с этого момента на Западе стал создаваться образ Византии как еретической «империи зла». В дальнейшем этот образ всегда, когда требовалось, извлекался из идеологических арсеналов»²³⁸.

В 1261 г. войска Михаила VIII Палеолога овладели Константинополем, положив тем самым конец Латинской империи. Город был освобожден от крестоносцев, однако Византии было уже не суждено оправиться от того удара.

²³⁸ Архимандрит Тихон (Шевкунов). Дикторский текст литературного сценария фильма «Гибель Империи. Византийский урок» / URL: http://www.pravmir.ru/article_2676.html

Эжен Делакруа. Вступление крестоносцев в Константинополь (1840).

Именно из Византии, этой «еретической империи зла» и пришли в Европу поэмы Гомера после нескольких столетий забвения. Однако большой популярностью пользоваться они не станут, а о Троянской войне европейцы будут знать из весьма подозрительных источников — из переведенных на латинский язык «записок» мнимых участников Троянской войны Диктиса Критского и Дарета Фригийского, а также средневековых «Романа о Трое» Бенуа де Сент-Мора, «Песни о Трое» Герборта фон Фрицлара, «Истории разрушения Трои» Гвидо де Колумна²³⁹ и прочей беллетристики, часто носящей пропагандистский характер.

Активно использоваться в качестве идеологического оружия сказания о Трое стали уже во времена становления Римской империи. Именно с этих позиций можно рассматривать, например, «Энеиду» Вергилия, которая посвящалась героизации Рима и Юлиев. Объявив Энея своим предком, римляне задним числом нашли себе место в греческой мифологии и таким образом получили законное право считать себя народом древним и с богатыми культурными традициями. Среди римлян считалось престижным не только возводить свой род к героям эллинской мифологии, но и даже

²³⁹ С начала XVI века эти произведения получают широкое распространение и на Руси. См.: Троянские сказания. Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI—XVII веков. — Л.: Наука, 1972.

говорить на языке захваченной ими страны. «Римляне подпали под такое мощное влияние эллинов, их идеологии, высокоразвитой культуры и институтов, что Римская империя более позднего периода по своему характеру стала являть собой совершеннейший образец универсального эллинистического государства, а в еще более поздний период существования Римской республики все образованные слои общества в подавляющем большинстве своем стали говорить не иначе как на греческом языке. Когда знаменитый римский полководец и будущий император Гай Юлий Цезарь перешел реку Рубикон с тем, чтобы силой взять власть в Риме в свои руки, он сказал: «Jacta alea est!» («Жребий брошен!»), и он сказал это по-гречески»²⁴⁰.

Активно использоваться в качестве идеологического оружия сказания о Трое стали уже во времена становления Римской империи. «Энеида» Вергилия героизировала Рим и Юлиев и нашла римлянам место в греческой мифологии.

К троянцам (заметим: не к ахейцам!) возводили свои династии не одни лишь римляне. Незадолго до падения Рима Аммиан Марцеллин утверждал, что беглые троянцы обосновались в Галлии. Около 550 года Магн Аврелий Кассиодор настаивал в «Истории готов» на троянском происхождении остготского короля Италии Теодориха. У франков ходило поверье об их общем предке — Франке Троянском. В Уэльсе XII века говорили, что основателем Британии был Брут, ведущий свой род от Ила. Эта традиция была, по-видимому, заложена валлийским священником Гальфридом Монмутским²⁴¹. К нему же восходит и идея о Лондоне как «Новой Трое» (Троуповант), воспринятой как часть «тюдоровского мифа»: древний «троянско-британский» династический род вошел на трон в 1485 году, и Англия немедленно «вошла в золотой век».

²⁴⁰ Аниерс Э. История европейского права. — М.: Наука, 1996. — С. 57.

²⁴¹ Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. — М.: Наука, 1984.

Научный интерес к Гомеру вернется в рационалистическую эпоху Нового времени. Тогда же с невиданной прежде остротой встанет вопрос о происхождении поэм Гомера и об исторической реальности самой его фигуры. Основателем гомеровской критики стал аббат Франсуа Эделен д'Обиньяк, в 1664 году написавший трактат «Академические предположения по поводу “Илиады”», в котором подверг сомнению существование Гомера, а «Илиаду» провозгласил суммой отдельных песен, соединенных без общего плана древним редактором, скорее всего, Ликургом. Каждый из этих отрывков является, по д'Обиньяку, самостоятельной песней, восхваляющей того или иного героя, перед потомками которого она и исполнялась — только так можно объяснить все противоречия поэмы.

Трактат был опубликован уже после смерти автора, в 1715 году, и оказал влияние на целую плеяду мыслителей XVIII века, включая Джамбаттисту Вико, Гердера, Гейне, а в особенности — на немецкого филолога Фридриха Августа Вольфа, автора упоминавшегося выше «Введения к Гомеру» (1795). В этой книге Вольф провозгласил, что «Илиада» и «Одиссея» композиционно слабы и противоречивы, содержат множество нестыковок, различные места поэм написаны разным языком и разными по таланту авторами, редактированием текста занимались бездарности, а окончательное сведение поэм из разрозненных отрывков произошла при дворе Писистрата в VI веке до н.э. Не сомневавшийся, в отличие от д'Обиньяка и Вико, в существовании Гомера и даже допуская его авторство для ряда песен, Вольф, однако, отказывается определить, что именно написано поэтом, а что является позднейшими вставками.

Исследование Вольфа было, в общем-то, несамостоятельным, большинство основополагающих тезисов он позаимствовал у своих предшественников²⁴². Так, положение о невозможности существования литературы вне письменности он взял у д'Обиньяка, идею, что сказание

²⁴² «Вольф старательно позаботился о том, чтобы на его долю досталась ничем не преуменьшенная слава первого изобретателя, и самым непростительным образом отделялся от своих предшественников: Гейне, Гердера, Вуда и особенно Д'Обиньяка». (История греческой литературы. Т.1. — С. 117).

Гомера не составлено в письменном виде, а спето и сохранено в памяти — у Роберта Вуда, все нестыковки и противоречия в гомеровских поэмах привел по Аристарху, а оценку роли писистратовой комиссии вынес из трактата Вико «Основания новой науки»²⁴³. При этом Вольф, по словам академика Михаила Покровского, усмотрев в писистратовом собрании первое соединение поэм в одно целое, «обманул почти весь XIX век утверждением, что так смотрела на дело вся древность. Это было совершенно неверно, так как древность не сомневалась в единстве поэта»²⁴⁴.

Несмотря на свой компилятивный характер, книга Вольфа производила впечатление серьезного научного исследования, подкрепленного множеством фактов, и это снискало ей большую популярность среди современников. А для классической филологии она стала поистине эпохальной, дав толчок к многочисленным изысканиям по «гомеровскому вопросу». Весь ученый мир разделился на «аналитиков», склонных вслед за Вольфом вычленять в тексте Гомера составные части, и «унитариев», настаивающих на единстве авторства поэм, а разнообразные нестыковки объясняющих невнимательностью поэта, «художественными условностями» или издержками редакции. В конце концов, о едином авторе «Илиады» и «Одиссеи» позволяет говорить их высочайший художественный уровень и композиционная безупречность — подобные произведения не пишутся по принципу буриме.

В конце концов, о едином авторе «Илиады» и «Одиссеи» позволяет говорить их высочайший художественный уровень и композиционная безупречность — подобные произведения не пишутся по принципу буриме.

²⁴³ См. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций / Пер. А.А. Губера. — М.-К.: «REFL-book»-«ИСА», 1994. — С. 360—361.

²⁴⁴ История греческой литературы. Т.1. — С. 117.

В той или иной форме дискуссия продолжалась еще два столетия, породив новые направления в классической филологии, фольклористике и языкознании. Своеобразным компромиссом между доктринами «аналитиков» и «унитариев» стала так называемая теория «основного ядра», получившая широкое распространение в конце XIX века. Согласно этой теории, в основе «Илиады» лежит небольшая поэма «Гнев Ахилла», или «Ахиллеида», к которой относятся песни I, XI и XVI—XXII, составляющие остов гомеровского творения. Все прочие рапсодии (например, «Каталог кораблей» и «Смотр со стены», которые мыслимы, скорее, в начале войны, а не в ее заключительных фазах, описываемых «Илиадой») были включены в поэму, так сказать, извне, и первоначальный сюжет, где действие стремительно шло к развязке, был распространен во всех ее частях. Но были ли эти вставки плодом позднейшей доработки более древней «Ахиллеиды», или же, наоборот, они были созданы раньше и включены в состав поэмы, чтобы придать ей более «монументальный» характер? Основоположники теории «основного ядра» Джордж Грот и Ульрих фон Виламовиц-Меллендорф склонялись к первой точке зрения. На другой позиции стоял Мартин Нильссон, доказавший, что эти вставки относятся к более ветхим дням слоям эпоса. Весьма примечательно, что именно в этих древнейших фрагментах (в том числе, в песнях восьмой и девятой) и содержатся предвидения поражения, уготованного грекам в Троянской войне.

Ульрих фон Виламовиц-Меллендорф, сравнивавший работу по исследованию Гомера с методической раскопкой, при которой со сносом верхних слов проникают в глубину.

Противоречия между «унитариями» и «аналитиками» удалось снять «устной теории» Пэрри-Лорда, согласно которой эпическая песня не существует в неизменном виде, а возникает заново при каждом исполнении-импровизации. «Так бытует устная традиция. Называть это множественным авторством — значит преуменьшать роль не только Гомера, но и всех вообще сказителей устной традиции. Такое утверждение исходит из невероятной посылки, а именно что кто-то однажды создал постоянный оригинал для каждой из имеющихся в традиции песен и все, что происходило с этими сюжетами впоследствии, было подобно видоизменениям предмета, высеченного из цельного куска мрамора. Покуда ученым казалось, что они имеют дело с чем-то твердым и неизменным, можно было говорить о множественном авторстве и об интерполяциях. Можно было отбить кусок от одного монолита и переставить на другой. Однако... мы имеем дело не с монолитами, а с пластичным, не имеющим постоянной формы веществом»²⁴⁵.

Прогресс в развитии гомерологии сопровождался все новыми и новыми открытиями в области древней истории. Археологические раскопки Илиона и Микен, обнаружение хеттской цивилизации, расшифровка письменных

²⁴⁵ Лорд А.Б. Сказитель. — С. 171.

источников Бронзового века произвели подлинный переворот в исторической науке и заставили пересмотреть многие прежде незыблемые научные истины. Одно лишь осталось практически непоколебимым — вера в победу греков в Троянской войне. Можно буквально по пальцам пересчитать тех ученых, кто позволяет публично выразить сомнения в этой победе²⁴⁶ — даже несмотря на то, что аргументов в пользу нее с каждым годом становится все меньше. И трудно сказать, в чем тут дело — то ли в научной осторожности, то ли в силе инерции (слишком продолжительна традиция, слишком велик авторитет Гомера!)

И если его авторитет настолько велик для нас, ныне живущих, то можно себе только представить его масштабы в древней Элладе! Тысяча лет греческой истории прошла под знаком безраздельной гегемонии гомеровского гения — за такое время можно заставить считать истиной все, что угодно. Тысячу лет внимали греки сказам о медяных доспехах данайцев, пламенных в битвах, о неистовом ветре, непременно «гремящем», и о небе над Троей, обязательно «звездном», даже в сиянии дня. О величайшей победе греческого оружия и самого эллинского духа. О победе, которой не было.

Запись поэм Гомера произошла, и с этим согласны сегодня большинство серьезных ученых, во второй половине VIII века до н.э., то есть спустя примерно три столетия после описываемых в них событий. С одной стороны, срок достаточный для того, чтобы накопилось огромное число различных преданий, с другой стороны, все события уже не совсем актуальны. Попытка заявить о том, что греки победили троянцев, будь она предпринята на триста лет раньше, наверняка вызвала бы отторжение: слишком велика была горечь поражения, и слишком нелепо это выглядело бы для народной памяти. Теперь же, в Греции VIII века, в Греции возрождающейся, объединяющейся, наконец-то пережившей и боль поражения, и мрак Темных веков, выходящей на новую историческую арену,

²⁴⁶ Из российских ученых к их числу относятся, например, А.И. Зайцев, Л.С. Клейн, А.А. Немировский и некоторые другие.

запись и распространение песен Гомера, повествующих о великой победе греков и способных выступить в качестве интегрирующей всеэллинской идеологии, были более чем своевременны.

Попытка заявить о победе над троянцами, будь она предпринята на триста лет раньше, наверняка вызвала бы отторжение: слишком велика была горечь поражения, и слишком нелепо это бы выглядело для народной памяти.

Гомер был создателем великого народного мифа новой Греции, его «матричной книги». Гомер, если можно так выразиться, и создал новую Грецию. Неважно, действовал ли он первоначально по личному или внешнему политическому заказу новых нарождающихся сил, или же, наоборот, он сам стоял у истоков возрождения Греции, подтолкнув его своим творчеством. Важно то, что Гомер в любом случае пророс во всю греческую культуру. Его язык надолго определял развитие греческого языка вообще, развитие поэтических канонов, поступки героев устанавливали нормы нравственности. Гомер — это то, что сплачивало греков как народ, хотя политически они были разделены, и их полисы отстояли на сотни километров друг от друга. Сделанное Гомером можно сравнить с тем, что сделал Моисей для Израиля.

«Илиада» Гомера несла для греков то же, что для русских — «Слово о полку Игореве», а именно — призыв к единению перед самым нашествием врагов. «Подлинный смысл призыва автора «Слова», — пишет Дмитрий Лихачев, — может быть, заключался не в попытке организовать тот или иной поход, а в более широкой и смелой задаче — объединить общественное мнение против феодальных раздоров князей, заклеить в общественном мнении вредные феодальные представления, мобилизовать общественное мнение против поисков князьями личной славы, личной чести и мщенья или

личных обид. Задачей «Слова» было не только военное, но и идейное сплочение русских людей вокруг мысли о единстве Русской земли»²⁴⁷.

Подходя с той же меркой к «Илиаде», можно, по словам Льва Клейна, «усмотреть в ней призыв к единению всех греческих племен в борьбе за освоение и защиту Эгейского мира от складывающихся на востоке все более крупных и грозных империй, армии которых волнами лавы катились на запад. Фригия, Лидия, Мидия, Персия... Призыв прозвучал своевременно: за век-два до самого опасного, персидского нашествия. И не пропал даром. Отстояв свою цивилизацию, греки сохранили для будущего мира разработанные наиболее полно для того времени основы демократии и культуру, в которой человек стал мерой всех вещей. Поскольку же призыв к единению был естественным образом сопряжен в «Илиаде» с прославлением взаимопонимания, сдержанности и человечности, и уже в ней самой это требование было распространено на контакты между народами, даже воюющими, этот призыв звучит злободневно и без малого три тысячи лет спустя — как обращенный ко всему человечеству в самый ответственный и опасный час его истории»²⁴⁸.

Действительно, когда Азия в лице персов напала на Элладу, им противостояли молодые греки, знавшие Гомера назубок и верившие, что как и их далекие предки, они выиграют эту войну между Европой и Азией, чего бы это ни стоило. Они шли в бой со стихами «Илиады» на устах, и действительно победили.

Можно быть уверенным, что если бы Гомер не выиграл троянскую войну в стихах, греки не выиграли бы войну с персами в действительности. Насколько такие вещи как песни серьезны, свидетельствуют и участники нашей последней великой войны. Вадим Кожинов посвятил специальное исследование русским и советским военным песням, которые помогли

²⁴⁷ Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. — Л.: Художественная литература, 1985. — С. 144.

²⁴⁸ Клейн Л.С. Кто победил в Илиаде? — С. 45.

победить фашистов, тому особому духу, который они создавали, и их великой силе²⁴⁹.

Можно быть уверенным, что если бы Гомер не выиграл троянскую войну в стихах, греки не выиграли бы войну с персами в действительности.

Великое ощущение, что Европа всегда побеждает Азию и исторически выше ее, навечно закрепилось у эллинов, и позже было унаследовано уже Александром Македонским, Римской империей и христианской Европой вплоть до современности. Это явление получило название «европоцентризм», и оно состоит именно в том, что европейская история является историей мира по преимуществу, тогда как история других стран и народов второстепенна и незначима собственно для свершающейся судьбы мировой истории.

Легко видеть в этом некое заблуждение, некий европейский шовинизм, но в реальности именно после побед над персами грекам удалось создать цивилизацию, которая до сих пор определяет развитие мировой истории, нравится это кому-то или нет.

Идеи Гомера, заключенные в его поэмах, словно в Троянском коне, сформировали весь западный мир. Возрожденная при непосредственном участии Гомера Греция создала невиданную культуру. Ее архитектура и литература до сих пор изучаются на всех классических гуманитарных факультетах. Ее политические традиции и теории до сих пор лежат в основе мирового идеологического дискурса. На греческой науке базируется вся мировая наука. Собственно, мировая наука и техника до сих пор говорит на греческом языке, ее термины и понятия — греческие. Греческая философия лежит в основе всей западной метафизики, то есть, в основе всего западного мышления, все предельные понятия в которых мы мыслим, придуманы

²⁴⁹ Кожин В. Русская песня — главная основа отечественной культуры // Российский писатель. — URL: <http://www.rospisatel.ru/hr-kozshinov.htm>.

греками. Эта философия была унаследована сначала римлянами, которые брали Грецию за образец мудрости, затем греческая ученость была инкорпорирована в христианство. В эпоху Возрождения и в Новое время греческая философия была переоткрыта еще раз без христианских одежд, и стала основой для великой экспансии Запада по всему миру. Весь мир сегодня вестернизирован, он западный, читай: греческий. Недаром величайший мыслитель XX века Мартин Хайдеггер говорил, что для того, чтобы начать новую историю, уже не греческую, мы должны еще раз внимательно переосмыслить греков, а те, кто этого не делает, не имеют никаких шансов выбраться из западного проекта, как бы критически они к нему не относились.

Таким образом, пиар-проект «Гомер» оказался у истоков не только собственно греческого мира, он есть краеугольный камень всей современной цивилизации, Гомер, наверное, сам того не зная, запустил процесс, который вот уже почти три тысячелетия определяет ход западной истории. Такова сила поэзии, ее великая власть, побеждающая все «реальные факты». Великая поэзия, таким образом, инкорпорирует в себя и свое жалкое отрицание, «истину фактов», которые всплывают уже тогда, когда они не в силах, что-то изменить.

«Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман», — сказал Поэт. И любому настоящему поэту эта аксиома известна, особенно после тысячелетий мировой истории, в течение которой подвиг Гомера повторили еще многие и многие, рангом куда как пониже. Однако, в современную эпоху конца западной метафизики, все фундаментальные аксиомы стремятся поставить под вопрос. Недаром авангардное искусство так воевало с классическими образцами, а искусство постмодернистское с ними играет и экспериментирует. Но не пришло ли время, вновь обратиться к истине, но не истине фактов, низкой истине, а истине, которая выявляет историческую судьбу и внутри нее делает возможным всякие «истины фактов» и «возвышающие обманы»?

Вместо послесловия. Два часа турецкого чая

Август в Малой Азии почти невыносим. Солнце жарит до самого вечера, выкладываясь на полную, словно бегун на финишной прямой. Как ни странно, по такому пеклу лучше всего освежает горячий турецкий чай. Мы называем его *тот самый* — из девяностых, мы тогда не умели его заваривать и считали, что это очередные отходы производства для стран третьего мира, в разряд которых совершенно неожиданно, буквально за пару-тройку бессмысленных и беспощадных лет попала тогда наша великая держава.

На вид он и правда сомнительный — бурая пыль, почти без аромата. Они его как-то вываривают, настаивают, процеживают... При определенном умении и в стесненных обстоятельствах научишься считать чаем и не такое. У турков для этого было не одно столетие...

В Тевфикие пыль, впрочем, повсюду. Чужая, не наша. Это не черная пыль Екатеринбурга, будто плесенью затягивающая за считанные часы подоконники в недолгое лето. Не серая пыль Москвы, в первый же день намертво въедающаяся в дорогие ботинки. Не невесомая, всегда весенняя пыль Ялты — не пыль даже, пыльца. Не пыль *domum vulgaris* — комнатная, обыкновенная, которая, если верить ученым, на пятьдесят процентов состоит из ороговевших чешуек нашей кожи.

Пыль здесь особая, такую встретишь только в древних, как сама история, городах. В своем роде это прах великих империй — если уж выражаться безграмотно и высокопарно, то есть, поэтически. Бродский, кстати, изобрел в свое время отменную аллегория: пыль — загар веков. Вытесненная когда-то на задворки сознания, она вспомнилась именно здесь, в Трое. А потому и ценна втрое, — сказали бы мы, если бы не опасались нелепых аллитераций и дешевых каламбуров.

В «Илиаде» слово «пыль» используется семь раз. И ни разу — по отношению к Трое. Пыль — только за ее пределами, на дорогах, на ристалище. Она поднимается из-под копыт долгогривых коней, но на улицах

Приамова града ее не найти. Гомеровская Троя — город, еще не успевший покрыться пылью.

Другое дело — Троя нынешняя, в веках прославленная и повсеградно оэкрашенная. Ее пыль — как патина на бронзе, как кракелюры на картине маслом: знак качества, признак подлинности. Вот если б только не ела глаза и не набивалась в ботинки...

А.Б. Лично для меня мотив взяться за книгу о Троянской войне носил своего рода экономический характер: я рассматриваю ее как восполнение некой недостачи. Казалось бы, ну сколько о ней, о Трое уже можно писать? За десятки веков многие тысячи книг о ней сочинены. Но самой нужной среди них почему-то еще не было. Вот тебе и источник вдохновения — когда-то я уже описывал его природу. Бывает, просто посмотришь на полку и скажешь: «Что-то не хватает книг, напишу-ка я еще одну». И тогда ты достаешь бумагу и пишешь, чтобы заполнить непонятно откуда взявшуюся брешь в мире книг, а может быть — в мире, понятном, как книга.

У Джона Барта есть программная статья, которая так и называется: «Литература восполнения». Речь там, правда, несколько о другом. Барт — он все-таки постмодернист, и восполнять он собирался разрывы между жанрами, сферами, между наукой и обыденным сознанием, высоким

искусством и кичем. Нам же, как я это себе представляю, предстоит засыпать один из самых чудовищных провалов в знании древней истории. Хотя я допускаю, что у большинства наших современников тема нашего исследования вызовет как минимум недоумение.

О.М. Главный вопрос, который будет волновать потенциального читателя — это с чего это вдруг два дурака в XXI веке, когда все пишут о том, как космические корабли бороздят просторы Вселенной, когда пишут про нанотехнологии и прочую лабуду типа искусственного интеллекта, взялись за книгу про каких-то там греков и троянцев? Кому до них есть дело?

Я бы ответил, что лично меня последние десять лет заботит идеология. Я исхожу из того, что основанием выхода из экономических политических кризисов, основанием для любого роста, для любого господства может быть только идеология. Я исхожу из того, что «разруха всегда не в клозетах, а в головах», и если в головах у людей порядок благодаря какой-то идеологии, то такой же порядок будет в экономике и политике, потому что сами экономика и политика — тоже не что иное, как идеи, и все общественные отношения — это идеи.

Например, собственность, государство — это идеи, их нельзя пощупать, просто у определенного количества людей в головах есть одинаковое понимание отношения к вещам, например, понятие собственности, и они, люди, предсказуемо в отношении друг друга поступают. То же и в отношении государства, это общее для всех — символы, флаг, герб, гимн, Кремль, общая история, одни и те же герои, святые, памятные места и праздники и так далее. Это общее у нас в голове и делает нас единым народом. То, что у нас есть государство как эта общая идея, означает, что есть общий определенный порядок отношений. А если у нас в голове не будет общих идей, не будет и государства и народа. Поэтому всегда разрушение государства и народа — это и разрушение его символов, его идеологии. И, наоборот, создание новых символов, новых отношений,

нового порядка — это создание нового государства и залог его возможного роста и господства, если предлагаемый им порядок побеждает хаос или альтернативные порядки, которые выглядят как хаос.

Ну, вот пример, перуанский экономист Эрнандо де Сото написал книгу «Загадка капитала». В чем смысл книги? Наиболее бедные общества в мире — это те, где нет государства, где отсутствуют письменные и нотариальные записи, где ничего не зарегистрировано и не кодифицировано. Где много богатства и труда не обращено в капитал. Миллионы людей в Латинской Америке каждый день строят свои хижины, пашут по двадцать четыре часа в сутки, а толку нет. Потому что нигде не записано, что такой-то дом принадлежит Хосе Игнасио, а раз это нигде не записано, то он не может взять себе кредит под залог этого дома. А если у него есть мастерская, то он не может на фондовой бирже выпустить акции этой фирмы и найти таким образом инвестиции. А значит, его лавка никогда не станет транснациональной корпорацией. И государство, если его нет или оно слабое, не защитит его интересы с помощью протекционистских мер или, наоборот, глобализаторских на международной арене, как американские авианосцы это делают. Вот у американцев есть право собственности, все записано, кодифицировано, и все суды, вся полиция, все институты это признают, и возникает взаимное доверие и позитивные обратные связи внутри системы, когда все понимают, что ждать от другого, рассчитывают на это и таким образом строят общий дом не на песке, а на единых правилах и аксиомах...

А.Б. ...И это основа для роста и могущества и гражданского общества, и государства, и культуры. Я понял. Продолжай.

О.М. Далее. Я бы хотел выдвинуть гипотезу, которая очень большая и нуждается в отдельном обосновании, что вообще различие великих цивилизованных государств древности и кочевых, номадических, диких

обществ состоит в том, что великие цивилизации древности имели письменность. То есть, дело не просто в законах, а в письменности как таковой вообще. Там, где что-то вообще записано, посчитано, а «что написано пером — не вырубишь топором» — там есть порядок, стабильность, институт, государственность, преемственность традиции, а там, где ничего не записано — там перекасти-поле, там ветер носит, там экстенсивные практики, движение вширь.

Номады не создают высоких культур, потому что там в принципе нет этажей, когда что-то делается на основе чего-то, потому что они вообще не знают основы, а знают только грибницу, ризому, как говорил Делез. Если что-то записано, то на основании этого усвоения, его рефлексии, может быть что-то новое, а на основании того нового — что-то другое новое, причем новое — это может быть и интерпретация, и движение вбок, и вглубь тоже, но это в любом случае — некий новый порядок, движение от некой точки отсчета, возможны рефлексии второго, третьего, четвертого порядка и, таким образом, возможно строительство Вавилонской башни культуры.

А у номадов, кочевников нужно каждое новое поколение учить одному и тому же, постоянное воспроизведение элементарного от стариков к детям, отсюда у номадов такое всегда было почтение к старикам, потому что они — носители культуры устной, и она не отделена от них в письменности, как в цивилизованных государствах.

А.Б. Что характерно: иероглифическое письмо в этом смысле выполняет свою функцию лучше, чем фонетическое. Вот сейчас даже в Китае кантонец и пекинец один иероглиф произносят и читают по-разному, а сам по себе он идентичен, он тот же, что использовался, скажем, три тысячи лет назад. И, таким образом, проносится идентичность, чего не делает фонетическое письмо, поскольку последнее следует за изменениями языка, звука и только технически его регистрирует.

О.М. Так вот, возвращаясь к сказанному: основа могущества государства и величия культуры и его стояния во времени есть наличие фиксированного порядка. Цивилизации Египта и Китая существовали дольше, чем вся последующая история человечества. То есть, если историю человечества разделить на две части, то большая часть — это история Египта и Китая. А меньшая — вся остальная история, и некоторые историки считают, что, например, в Египте было уже заключено все и христианство, и ислам, и иудаизм, и математика, и техника, и политика, короче весь западный мир.

А.Б. Немецкий социолог Льюис Мэмфорд, например, утверждал, что вся западная наука, как и западная рациональность вообще, структурируется в соответствии с так называемым «архетипом машины», своего рода слепком с модели управления в тоталитарном государстве Древнего Египта. То есть, первична была не механизация орудий труда, а механизация поведения людей в мегамашине египетского общества, когда во главе организации стоял единственный мозг с четко определенной задачей (мотор), а двигательные импульсы от него передавались на каждое звено механизма вплоть до мельчайшего винтика через систему узлов — промежуточных функционеров. И все механизмы последующих эпох строились уже по этому принципу.

О.М. Так вот, основа могущества и пролонгированности во времени — в том, что есть законы и порядок. Недаром тот же Аристотель, тот же Макиавелли, тот же Грамши, тот же Фуко постоянно утверждали: власть держится не на силе, а на согласии, не на насилии и войне, а на мире. На проекте мира, на мировом устройстве. Мир — это порядок, это сцепление одного с другим, это космос, это прилаженность, лад. Власть — это всегда позитивный проект, новый мир. Внутри мира можно расти и развиваться, внутри мира есть взаимосвязи и доверие. Юрген Хабермас, Карл-Отто

Аппель об этом пишут, настаивая, что главное — это рефлексия взаимных ожиданий и положительные обратные связи, и это основа этики.

Поэтому в книге «Суверенитет духа» я писал, что если Россия хочет быть и хочет выжить и иметь авторитет в мире, она должна предлагать не национальную идею, типа, мы за себя против всех, а именно всемирно-историческую. То есть, проект мира для всех, набросок мира для всей планеты, который бы был и конкурентноспособным.

А.Б. Твой любимый Дион Хрисостом, кстати, писал о Нероне, которого принято осуждать и ненавидеть, что, несмотря на все безумие и дикость его нрава, его приказы люди исполняли с удовольствием, и даже через пару поколений после его смерти все хотели бы, чтобы он был еще жив. На том якобы и держалась его власть, а вовсе не на свирепости его преторианцев. Хотя можно предположить, что Дион идеализирует Нерона на фоне зверств Домициана, к которому философ имел и личные претензии: император-самодур изгнал его из Рима, и он был вынужден бомжевать и побираться.

Согласно Светонию, устроив пожар в Риме, Нерон наслаждался «великолепным пламенем» и в театральном одеянии пел поэму «Крушение Трои», сочиненную им, как говорят, именно к этому случаю. [НАЙТИ КАРТИНКУ ХОРОШЕГО КАЧЕСТВА И АТРИБУТИРОВАТЬ.](#)

О.М. Как знать... Но так или иначе, слова Хрисостома о Нероне — лишняя иллюстрация к идее, что государственная политика далеко не всегда основывается на насилии.

И дело даже не в политике только. Вот давай другую сферу человеческую возьмем. Представим себе суд и присяжных. И тут выходит адвокат. Он же не говорит: «Вы знаете, дело не в том, что вот такие улики — правильные, а такие — неправильные, и такие свидетели хороши, а такие — не хороши, а дело в том, что я все это вам рассказываю, потому что это очень выгодно моему клиенту, и если вы мне не поверите, то моего клиента посадят в тюрьму, а я не заработаю денег!»

Так почему-то ни один адвокат не выступает. А все выступают совершенно по-другому: «Во имя чувства справедливости, присущего всем нам как людям, и во имя истины и справедливости, которые должны восторжествовать, мы должны принять эти вот факты, потому что если мы их не примем, мы оскорбим мировую гармонию, разум, Бога и проч.» То есть апеллируют они к общим ценностям. Но почему-то, когда ведется государственная политика, где присяжными выступает весь мир, наши дипломаты и президенты и пресса говорят: России или Америке или Китаю выгодно то, выгодно это... Это же глупо — говорить о том, что выгодно тебе. Другим-то какое дело? Поэтому надо говорить о всеобщих ценностях, всеобщей справедливости, апеллировать к рамочным каким-то общим нормам. Мы, типа, не за себя, мы за всех на планете, за мир и общий порядок, а на национальные интересы нам плевать, мы за общие ценности умереть даже готовы. Нам и нужна всемирно-историческая идея.

И у нас в истории были такие идеи. Та же Москва — Третий Рим. Типа, мы последнее православные в мире, истинное царство, удерживающие мир от ада. Потом были Федоров, Циолковский, русский коммунизм с его миссией несения справедливости миру, борьбы с несправедливым капитализмом, колониализмом, эксплуатацией...

А.Б. И мы видим, что идеи Циолковского и прочих русских космистов в известной степени реализовались. Я не имею в виду победу над гравитацией и демонтаж нашей планеты для строительства межзвездных колоний — сам штурм околоземного пространства стал возможен только потому, что тысячи людей в Советском Союзе с энтузиазмом восприняли идею космических полетов, начали создавать разного рода кружки и секции межпланетных сообщений, а затем ГИРДы и Реактивные институты — и, что важно, при поддержке и содействии первых лиц государства. Как говорится, Циолковский разбудил Перельмана, Перельман начал космическую пропаганду, революционное государство канализировало энергию массового энтузиазма в создание соответствующих институций...

В то же самое время в западных странах к мыслителям-одиночкам, рассуждавшим о возможности преодоления земного тяготения, относились как к чудакам и фантазерам. И это если мягко выражаться. Тот же Роберт Годдард, «отец американской космонавтики», служил объектом насмешек не только для журналистов, но и для коллег по цеху, которые крайне скептически относились к его идеям, советовали ему перечитать учебник физики и вообще называли земляным червяком. Хотя тот всеми силами пытался привлечь внимание широких масс к идее звездоплавания, в 1924 году он даже назначил на конкретную дату запуск ракеты на Луну, чтобы все газетчики об этом написали. Но, как мы знаем, полет не состоялся ни тогда, ни даже в ближайшие десятилетия. Однако мы, кажется, отвлеклись...

О.М. Да. И, думаю, теперь самое время вернуться к грекам. Условная власть, условный суверен задумал после Темных веков проект. Я совершенно условно, в больших постмодернистских кавычках его сейчас называю «Ликург».

А.Б. Я думаю, ты знаешь, что даже древние греки считали Ликурга фигурой полумифологической...

О.М. Вот только давай сейчас не спорить о реальном лице Ликурге, делал он это или нет. Главное, что кто-то это делал, и я тут называю его Ликург. То есть, некий субъект, скорее всего, спартанец, в период окончания Темных веков, когда во всей Греции хаос, решил покорить всю Грецию. Объединить, если говорить языком поздних историков, а на самом деле, конечно, покорить. И покорить не только и не столько силой оружия, а, как я сказал выше, идеологией. То есть, некие люди или некий человек настолько оказался мудр, что понял, что если ты хочешь господствовать — и долго — над всей Элладой, то ты должен дать некий мир, некий порядок, космос, закон, который бы един был для всех и устраивал бы всех.

То есть, мало того, что он дал законы Спарте (здоровых младенцев оставлять, больных убивать, диархат, права старейшин и проч.), жесткие, но выковывающие военную элиту вплоть до позднейших времен, мало того, что он такой внутрикорпоративный пиар сделал, но он еще и осознал, что нужно внешнее идеологическое влияние, причем построенное не на фашистских принципах, типа, мы — сверхчеловеки-спартанцы, а вы все остальные — перхоть и рабы, а на общегреческих принципах. Вот даже такая простая ерунда, как меры веса и длины — они должны быть одинаковыми для всех торговцев на едином пространстве, чтобы не было обмана, чтобы легче было подписывать договоры и устанавливать цены, брать кредиты под урожай...

Значит должен быть стандарт где-то. Уже удобно всем купцам. А вот если есть еще и общие для всех законы... Например, на определенном пространстве — беспошлинная торговля, и не надо платить многочисленным «крышам» и пиратам, всех защищает один царь, и ты знаешь, что если ты обманул на сто рублей, то тебе руку отрубят, а если на тысячу — тебя на кол посадят — и никак иначе, не по правилам разных городов. Есть конституция

— не как единый текст, но как множество единой волей поддерживаемых правил.

Еще очень важный момент, как я говорил: не на силе должно все держаться, а на удобстве самих законов в применении и на идеологии. То есть при заключении договоров греки клялись. Но кем? Если везде разные боги и разные традиции? В одном городе Гермес — бог, а в другом он — малопочитаемый божок... Нужны единые стандарты почитания.

А.Б. Ну, мне сдается, это не вполне так. В известном договоре о взаимопомощи между хеттским царем Мутавалли и правителем Вилусы Алаксандусом они клянутся не каким-то одним общим для них, конвенциональным богом, но каждый своим: один — Каскалом Куром, другой — Апалиунасом (прообразом греческого Аполлона). То есть, каждый — самым для него высоким и священным...

О.М. Пусть так. Когда торговец-мусульманин, заключая сделку, клянется Магомедом, а христианин — Иисусом, то это еще полбеды, потому что каждый клянется самым святым для него, а если он требует, чтобы я вместо Иисуса клялся Магомедом? А ведь греческий мир насчитывает сотни богов и божков.... И дело может быть даже не в клятвах, хотя, конечно, желательно, чтобы все клялись кем-то одинаково святым, а в единых стандартах почитания. Путешественники и купцы едут из города в город и приносят дары и жертвы богам того государства, в котором они находятся, и своим богам родины и богам своего ремесла. То и дело возникают споры, чей бог главнее, и какой больше помогает тем, кому он покровительствует? Чей бог древнее и могущественнее? И это провоцирует конфликты.

Должна быть установлена единая иерархия богов. Общий знаменатель, единое мировоззрение, которое все разделяют, и о котором не спорят. Целью любой войны является мир, а мир — это не отсутствие войн, а единая система координат.

И вот поставим себя на место этого условного Ликурга, который решил кодифицировать богов и сделать так, чтобы все были довольны, и не было бы конфликта. Он не мог произвольно взять какого-то своего бога, объявить его самым главным, а потом всех остальных принудить — такую схему просто никто не признает. Те, кто живет возле моря, всегда будут клясться Посейдоном, а те, кто растит пшеницу, будут клясться Деметрой. Они не признают никакой навязанной иерархии и будут биться против, тем более что битва будет за бога, за святое. Вопрос очень деликатный, он касается самого тонкого, самого животрепещущего и главного, что есть у человека — его религии, его совести, памяти его предков, его родины, его семьи, его традиций, его профессии, которой бог покровительствует. Одно неверное слово — и ты получил кровных врагов! И как ты их упорядочишь? Там творится дикий бардак. Почитать Александра Зайцева — например, его книгу «Греческая религия и мифология» — так вообще в каждом городе было что-то свое, если верить надписям на храмах. Например, Гера в древности не была женой Зевса (Зевс — Деус, бог по-латински, тот же корень, что и наше слово «день»). У нее был муж Триерос, трижды-эрос, тригерос, трижды, то есть некое качество дано в превосходной степени. Но поскольку Гера покровительствовала как жене и семье, и родам, и земледелию, и природе и проч, то она стала более известной по территориям, чем трижды славный муж, а с другой стороны, отдельно увеличивалась слава Громовержца — Зевса. И в итоге гораздо позже их поженили. Малоазиатские боги перемешивались с аттическими, творись невыносимая путаница. Поэтому, прежде чем давать некую единую идеологию для всех, нужно было, говоря современным языком, провести масштабнейшее социологическое исследование.

Условный Ликург послал во все земли и полисы гонцов, чтобы было понимание, кого и где почитают и в какой иерархии. Нужно понять рейтинги тех или иных богов. Потому что, если ты хочешь заручиться поддержкой абсолютного большинства, то ты должен дать классификацию, где на самом

верху будут стоять боги, почитаемые большинством и самыми могущественными и богатыми полисами. Думаю, не обошлось без проблем, когда создавалась эта классификация. Вот есть какой-то крупный портовый город, где все моряки клянутся Посейдоном, а в то же время известно, что по всей Элладе больше почитают Зевса. Но поставить Посейдона под Зевса — это значит железно спровоцировать войну, как минимум, с этим городом. И даже если большинство навалится и победит этот город, он будет вечно непокорным, и главное — он будет воспроизводить протестность, потому что в силу характера деятельности моряки всегда будут почитать больше Посейдона. Значит, надо ставить Посейдона и Зевса на равных, как братьев. А не брать «административную иерархию» за образец. Не брать порядок для богов, как в войске, в государстве, а брать порядок семейно-родовой.

И вот так, шаг за шагом условный Ликург и его советники-мудрецы расшивали каждую проблему с каждым полисом. Вот главная причина того, что за образец для классификации богов были взяты семейно-родовые отношения. Нужно было представлять тех или иных богов, как братьев и сестер, а не как соподчиненных.

А.Б. Полагаю, тут играло значительную роль и еще одно важное обстоятельство: с наступлением Темных веков и крушением сложных, утонченных в чем-то даже, социальных иерархий микенских времен греки вернулись к родовому строю. И отношения родства стали для них единственной доступной их пониманию социоупорядочивающей моделью.

О.М. Именно! Люди не знали другого порядка, или, скорее, упорядочивающей матрицы, чем семейная. Я легко допускаю, что какой-то философ мог вывести богов друг из друга диалектическим образом. Как у Гегеля диалектически друг из друга выводятся категории. Но этого никто не поймет! А нужно создать классификацию, понятную всему народу и безграмотному — в том числе и прежде всего. Философы и жрецы будут

фыркать, но их, таких умных, мало, а вот когда ты объясняешь, что кто-то кому-то брат, а кто-то сват — это понятно, потому что это естественный порядок, знакомый каждому по своей родне. Еще Клод Леви-Стросс писал в «Структурной антропологии», что родовой порядок — самый естественный, и он выступает вообще образцом всякого порядка, так как он самый понятный. Вот таким образом весь хаос и все многообразие греческих богов некая «комиссия» условного Ликурга засовывает в семейную матрицу. Всевозможные там «Ночь рождает День», а как говорил Гераклит, «день и ночь — одно», или «богиня Истина», о которой писал Парменид — все эти метафизические и диалектические свойства богов и их отношения остаются философам. Это «пипл не схавает», а вот кровнородственная система всем понятна.

И вот тут происходит очень интересный процесс. С одной стороны есть жрецы, мистики, философы, теологи, которые по старинке продолжают мыслить богов как некие метафизические, сверхприродные сущности, духи и входят с ними в общение столь же метафизическими способами. А с другой стороны — простой народ, который узнал, что все боги друг другу — братья-сватья-кумовья, начинает видеть богов сквозь призму своих родственных отношений. Вот у кого-то жена изменяет мужу, пока он деньги зарабатывает и в отлучках — тут же эту аналогию переносят на богов, а вот какие-то дети враждуют с отцом, науськанные матерью — и это тут же это переносится на богов. Вражда братьев между собой, сестер и прочая бытовуха. И вот из-за этого возникает специфический для Греции так называемый антропоморфический характер их религии. Она изначально не была такой и не могла быть. Более того, все исследования и все находки показывают, смотри того же Зайцева, что до определенного времени в богах была путаница и неразбериха, а примерно после IX—VIII веков до н.э. начинается этот семейно-родовой порядок, и вслед за ним антропоморфизм и дикие легенды про тайком изменяющего жене Зевса, про вражду Афины и Артемиды из-за того, кто красивее...

А.Б. Тот же профессор Зайцев, кстати, замечал, что антропоморфизм богов в представлениях греков является очень редким примером в истории религий. И это, действительно, так...

О.М. Короче, мы понимаем, что был целый процесс, который занял время. Во-первых, было принято решение о классификации богов. Во-вторых, надо было сделать «социологическое исследование» и померить рейтинг богов, в-третьих, создать единую концепцию, расшить все узкие места, протестировать, в-четвертых, внедрить это в массовое сознание, в-пятых, получить в качестве реакции антропоморфизацию. То есть, между временем, когда какие-то учителя в школах и палестрах и аэды на агорах описали новые взаимоотношения между богами, между временем, когда все усвоили, что Зевс — отец, а Афина — дочь, должно пройти время, пока народ напридумывал целую Санта-Барбару отношений между ними. И вот только потом мы видим, что у Гомера в «Илиаде» и «Одиссее» эти санта-барбаровские мотивы уже включены и вплетены в ткань художественного текста!

Вот в чем, как выражаются диссертанты, существенная научная новизна нашей работы! Потому что люди на Западе получали докторские степени за то, что относили поэмы Гомера к определенному времени, что доказывали, ссылаясь на описание материальной культуры у Гомера, что он описывает время не времен Троянской войны, а более позднее, на что указывают материальные артефакты и производственные отношения. А мы показываем также, что и духовные и религиозные «артефакты», которые в поэмах Гомера использованы, явно происхождения VIII—VII веков до н.э. Не в коем случае не древнее! Когда произошла интеграция поэм Гомера (тех, которые мы сейчас знаем) — неважно, произошло это как объединение разных кусков и поэм или на основе одной протопэмы про гнев Ахилла —

главное, что само это объединение уже было произведено на основе матрицы родственно-семейных отношений богов!

А.Б. Я замечу к слову: от киклических поэм о Троянской войне до нашего времени дошло, как вы, кремлевские идеологи, выражаетесь, хрен да маленько, все эти кусочки были не так давно в переводе на русский опубликованы. Так вот, не знаю, как там обстояли дела в изначальных вариантах, а в дошедших до нас отрывках всех этих санта-барбаровских отношений между богами нет. Так, несколько намеков, что Зевс — всем отец, а Афина — дочь его, кровинушка. Не более того. Думаю, что, исходя из нашей концепции, можно предполагать с известной степенью достоверности, что киклические поэмы старше, чем известные нам «Илиада» и «Одиссея». Об этом и до нас говорили многие исследователи — все эти Кульманы, Бёрджессы и прочие Песталоцци, хотя у них на то были другие основания...

О.М. Вот я сейчас грубо скажу, но зато наглядно и убедительно. Как сотрудник администрации Президента бывший, как политический консультант, как советник, который занимается исследованиями и идеологиями всю сознательную жизнь. Как я это себе представляю. Вот собирает условный Ликург (условный еще раз говорю, может один из внуков или сыновей легендарного Ликурга, которые впоследствии сольются все в одного, и его еще и богом объявят), так вот созывает он к себе всяких местных софистов, философов, жрецов и прочих советников. На совещание. Так же как нас, политологов, собирал Сурков или Володин в Кремле. И говорит им: «Давайте-ка идеологию для всех придумайте! Сколько у нас живет всякого народа, всяких языков, все разные, у всех разные храмы и боги! Да и есть еще и других языков и земель народы! У них вообще свои боги. Надо сделать так, чтобы все наших богов признали главными, чтоб все ими клялись, чтоб детей, когда рождаются, их именами называли, чтоб у наших оракулов судьбу спрашивали, чтоб в наших мистериях участвовали, чтоб в

наши храмы ходили паломничали, и чтоб хоронили по нашему обряду. Вот тогда только власть наша будет прочна, и чтоб во всем был один космос, один закон и один порядок!» Те, соответственно, говорят: «Сначала надо исследование провести, послать гонцов во все пределы».

Провели исследование, состряпали матрицу. Может, не одну, несколько концепций, может, Зевс сначала был единственный отец, а Посейдон — сын его, может не Гера, а Деметра была жена Зевса... Поэтому как и у нас в Администрации Президента разные концепции рассматриваются, прикидываются различные слабые места, риски, что-то берется за основу, какая-то «рыба», и потом дорабатывается... И в итоге принимается итоговый вариант.

Но это же должно еще получить какой-то приемлемый популярный вид. Надо, чтобы юноши могли запомнить это в школах, значит, нужен трактат, причем мнемотехнический, то есть поэма. Ее зубрить легче. И вот кто-то взялся из философов-поэтов за это дело и написал «Происхождение богов». Сели дальше думать, кому это приписать. Ведь такая вещь, которая рассказывает о происхождении богов, не может идти от известного всем Васи Пупкина, это должен быть древний манускрипт, древний источник. Это всегда было так, сколько в истории фальшивых древностей! То «Завещание Петра Первого», то «Константинов Дар», то «История Малой Руси», то «Велесова книга», то «Протоколы Сионских мудрецов». Фальшивок море, искусственно древних. И тут так же сели на совещании и решили приписать это «Происхождение богов»... Гесиоду, который по тем временам был уже полумифологической фигурой, как наш сказитель Боян из «Слова о полку Игореве». Будут выходить певцы и говорить: вот, мол, поэма всем известного древнего Гесиода, которую вы еще не слышали, из самой древности идет, а древность — она силу свою выказывает! Ого как! И как только поэма от фальшивого Гесиода была готова, сразу же запустили ее в образование, переписали сотню раз, распространили, и сами же, поскольку все эти софисты — практикующие преподаватели в школах для юношества, сами же

всех и заставили учить. Запустили аэдов по площадям. Все так же, как сейчас: написали концепцию — и ну ее внедрять через новости, художественные фильмы, школьные программы, СМИ и проч.

А.Б. Вот только зачастую как-то топорно это получается — именно на уровне внедрения. Не потому ли так много сегодня высокомерных недоучек, заявляющих об «эстетических разногласиях» с существующей властью?..

О.М. ...И вот тут через некоторое время — второе совещание. Типа, как дела, как идет работа по пропаганде новых идей? И вновь собираются политологи-софисты и говорят:

— В принципе, нормально, государь — протеста нет, но вот есть проблема с молодежью: плохо они это все учат, ошибаются. Кто богами интересуется и в храмы любит ходить? Зрелые мужи жертвы приносят перед важными делами, бабушки и вдовушки на склоне лет жизнь вспоминают, свечки ставят, а молодежи это неинтересно — кто из богов кому сват, а кто кому брат. Молодежи надо про любовь, запретный секс, про драки, про подвиги, а они с кислыми минами учат эту теогонию. Да и на агорах наши аэды поют когда мантры об происхождении, кто кого родил — тоже аж мухидохнут... Надо экшн, надо драйв, конфликт, скандал, секс и кровищу, кто с кем поссорился, кто кому изменил, кто кому по морде дал, чернуху всякую, вот тогда у нашей продукции рейтинг в СМИ будет!

— Так что же делать?», — естественно, спрашивает их спартанский Сурков-Володин или даже сам Ликург-Путин. А они ему и отвечают:

— А вон наши инвалиды по рыкам поют уже триста лет песни про Троянскую войну, о героях там, об Одиссее, Диомеде, Менелее, Ахилле и про любовь Елены и Париса, вот надо эти все песни в одну поэму собрать и туда внутрь напихать наших богов и их родственные отношения. Точно так же как мы даем горькое лекарство детям, смазав ложку медом, так и тут в обертку из поэм засунем нашу идеологию! Правда, есть проблема, что песни

все грустные, потому что все наши герои в той войне вроде как погибли и вообще фигня там в песнях, что типа нашу спартанскую женщину в Трою увезли... Но можно по ходу дела и это изменить, сделать так, как будто мы троянцев победили. Всех, кто наших спартанских невест ворует, мы их всех разгромили, и город их разрушили, а главное, мы еще за свою обиду всех греков со всех островов собрали, то есть выступили как бы объединяющим началом.... Конечно, не сразу надо это все на площадях и рынках начинать петь — сразу будет как-то непривычно. Сначала запустим одну поэму с богами и с нашими героями, которые всех побеждают, а если народу понравится, то сделаем вторую поэму, в которой уже скажем, что и всю Троянскую войну мы выиграли. А чтоб народ поверил припишем эти поэмы даже не Гесиоду, а самому.... Гомеру (!), он ведь, по мнению народа, еще древнее Гесиода, следовательно, авторитетнее!

Традиция приписывать другим авторитетам у них была, тот же Платон вон приписывал Сократу свои мысли, а сколько было позже всяких Псевдо-Дионисиев... Это в наших обществах — чем более новое, тем лучше, а в традиционном обществе — чем древнее, тем лучше...

А.Б. Эта традиция существует и в наше время. Я, например, как ты помнишь, в университете придумывал разных древних философов, «чьи труды еще не введены в научный оборот», приписывал им свои мысли, облакая их в соответствующую стилистическую форму, и с успехом цитировал их на экзаменах. Но то, что для меня было литературной игрой в стиле Борхеса, сегодня всюду используется в рекламе и всяческой журналистике. Ты даже не представляешь, сколько бродит по интернету фальшивых цитат! Но ладно бы они попадали только в девчачьи статусы в одноклассках — их не стесняются использовать и многие авторы книжек, претендующих на серьезность и научность! Я бы посоветовал им лишний раз перепроверить ту или иную «крылатую фразу», чтобы не выглядеть идиотами.

О.М. Короче, сказано — сделано! Получили политологи-софисты по мешку золота в администрации президента. Собрали песни о подвигах Одиссея и Диомеда и Ахилла с Гектором в кучу, что не подошло — выкинули, чего не хватало — дописали, вставили, за основу взяли сначала сюжет с гневом Ахилла и его ссорой. А для второй — поэму о возвращении Одиссея. Естественно, нанимаются кучи писцов, которые это все записывают (самая современная тогда технология, только что взятая у финикийцев), и все это идет в школы и на площади, тем более что школами руководят те же мудрецы, что ходят на эти совещания. А аэды за исполнение новых песен тоже с радостью от царя берут деньги и поют, тем более народ устает слушать одно и то же с вариациями, а тут новые хиты, да еще такие жизнеутверждающие!

Оказывается, мы, греки, всех победили, всех разгромили, а не как в старых песнях — все уныло и трагично. Вот так это и было внедрено, и в итоге Греция через несколько столетий пережила расцвет культуры, дав величайшие образцы философии, политики, искусства всему человечеству на тысячелетия...

А.Б. Хорошо. Но давай теперь проведем обратную операцию. Мы только что представляли древних греков в образе наших политологов и пиарщиков, наблюдали за их совещаниями и фантазировали, как бы у нас это выглядело — решение их проблем... Давай попробуем представить, что вот здесь, в Кремле, теперь, наоборот, появляются древние греки, чтобы решить нашу аналогичную проблему. А проблема, как мне видится, такая есть...

О.М. Давай. Допустим, что Путин — это такой же Ликург, который поставил перед политологами точно такую же задачу: дать некую концепцию, проект, набросок всего мира. Для всего мира! Как объединить всех богов, дать всемирно-историческую идеологию для России, такой

порядок, который бы всех устраивал? И индусов, и арабов, и американцев, и японцев, и латиносов, и негров с их разными религиями и разными языками, разными политическими взглядами...

Первый вариант — действовать по матрице греческой. То есть, собираем всех богов и начинаем выстраивать иерархию. Типа, главный — сам Христос, Магомет — его брат, или там, например, главный Яхве, а его брат — Аллах, и пошло-поехало... Таких концепций — море. Например, все религии, в том числе и самые примитивные, в одну концепцию, а точнее, в одну всемирно-историческую идею, развивающуюся в истории от примитивных форм к развитым, упаковал еще Гегель. Красиво упаковал, складно у него все религии сложились в одну. Но это не поймут не только семь миллиардов человек, это даже семьдесят человек на Земле только прочитать смогли. Все профессора истории философии из некоторых, а не всех философских факультетов мира, а их всего сорок штук. Все религии у него там, а что толку? Были и более новые поздние и поповые попытки. Например, у Муна — он тоже все религии укладывает в одну, да так, что получается, что Мун — последний пророк. И есть еще Баха-Улла — тоже все религии синтезировал в одну.

Почему это не работает? Почему не работает такая интегральная идеология, и почему наша задача сложнее, чем у советников Ликурга? Потому, что, условно говоря, для мусульманина «нет Бога кроме Аллаха и Магомет — пророк его», и никакие компромиссы с ним невозможны. И в христианстве — то же самое, никто из истинно верующих не отречется от Христа как воскресшего Бога, Спасителя. Невозможен компромисс.

Кроме того, внутри каждой религии другие религии уже прописаны, и не просто как ереси или порождение дьявола, а, например, в магометанстве Христос — это пророк Иса, а наоборот, в иудаизме и христианстве магометане — это агаряне, дети Агари, незаконной жены Авраама. Христиане тоже не отрицают иудаизм, Ветхий завет — это же предшественник Нового завета. Так же магометане признают ветхозаветных

пророков. Буддистов всяких авраамические религии считают «безумными перед Господом с их мудростью». А сами буддисты, наоборот, считают, всех авраамических пророков святыми буддами или бодхисатвами.

А.Б. Замечу, что не только авраамических пророков. В бурятский пантеон, например, входят в качестве богинь, Белых Тар, две русские царицы, утвердившие буддизм в России — Екатерина II и Елизавета Петровна. А сразу после Октябрьской революции бурятские буддисты признали реинкарнацией Будды... Ленина. Но это так, к слову.

О.М. Да, я слышал об этом, конечно. Но к чему я речь веду? Дело все в том, что у греков были разные боги, но можно было взять и сделать некую метанаррацию, метаисторию, чтобы всех собрать в один рассказ. В нашей же ситуации дело не в том, что есть разные боги — у нас сталкиваются уже религии. У нас сталкиваются метанаррации! Каждая из которых включает в себя другую и одновременно отрицает. И невозможно придумать мета-метанаррацию! Точнее так: ее можно было бы принять, и все бы ее приняли, если бы реально явился сам Бог, и именно из этого источника было бы объяснение, и была бы дана новая история, рассказ, в котором бы нашлось место всем религиям, то есть все они были бы объяснены. Но никакой пророк и поэт это дать не может, и философ тоже. Это должно быть СОБЫТИЕ пришествия Бога в силе и славе. Даже не так, как первое пришествие Христа — не в царском образе, а в образе агнца жертвенного. А именно в силе и славе. Так, чтобы не было сомнений в его божественности, так, чтобы все затрепетали, особенно неверующие. Последнее пришествие Последнего Бога.

Тут надо понимать, что никакие политологи ничего подобного не выдумают. А точнее, если бы даже выдумали, то как сделать некую всемирно-историческую постановку последнего пришествия, чтобы и небеса разверзались, чтобы и чудеса творились, чтобы все страны и народы упали на

колени? Я не знаю, сколько денег надо в такую режиссуру вгрозить, и какими техническими средствами хоть одна страна это может осуществить...

То есть искусственно это сделать нельзя, я пока себе слабо представляю такое, хотя сам сценарий написать и покреативить можно. Придется ожидать естественного прихода Последнего Бога — о нем, кстати, писал Хайдеггер. И Хайдеггер тоже не считал, что второе пришествие будет как гром среди ясного неба, как и первое пришествие Христа — оно довольно незаметно, не в силе и славе, а скорее в тонких намеках, которые посылает последний Бог. И, может, это так и будет. Есть одна проблемка. Все, что Бог хотел сказать людям в смысле идеологии, им уже сказано, второе пришествие — уже не для того, чтоб дать истину новую, а для того, чтоб судить... Но это отдельная тема.

Теперь рассмотрим другую возможность. Не шаг вверх, который как бы мета-шаг, снимает в себе другие религии, а шаг вниз, идущий через отрицание всех религий и богов. Это разные виды атеизма. Или через классовую сущность объяснять — это как Маркс, или через психоанализ, как Фрейд, или через волю-к-власти, как Ницше, или через еще десятки способов. Но суть одна: «всех богов я ненавижу», все они выдумки, и выдуманы с какой-то корыстной целью в свое время — или экономической, или психологической, или политической.

А.Б. Античники называют это эвгемеризмом — по имени некоего философа-киренаика Эвгемера Мессенского, который считал, что вера в богов происходит от культа великих людей прошлого. Например, по приписываемому ему мнению, Зевс был древним царем Крита, прославившимся как могучий воитель, и даже, якобы, в Кноссе сохранилась его могила. Позднее жители Крита его обожествили, преследуя какие-то свои прагматические интересы.

Существует, кстати, целая традиция истолкования с эвгемерических позиций троянского эпоса, которая позволяла объяснить его многочисленные

нестыковки и противоречия. И совершенно в духе этой традиции Снорри Стурлусон в «Младшей Эдде» возводит род исландского «отца богов» Одина к Приаму, «верховному конунгу» Трои — славного града, построенного аккурат посредине Земли...

О.М. Этот эвегемеризм достиг высшего предела у Вольтера. Помнишь? Христианство — переплетение самых пошлых обманов, сочиненных подлейшей сволочью. Почти дословно цитирую. Как известно, атеизм Вольтера преследовал конкретные политические цели. И именно этот прагматизм, а не истоки и не система аргументации, роднит его с «народным», стихийным атеизмом времен русской революции.

Ну, например, приходил русский красноармеец в кишлак: «Ты в кого веришь, — спрашивал дехканина, — в Аллаха? Ну и дурак, я тоже когда-то был дураком и верил во Христа, но я понял, что богов придумали мой помещик и твой бай, чтобы нас эксплуатировать. Так что бери винтовку, айда их бить вместе со мной!» Так на почве отрицания они братались и устанавливали Советскую власть.

Но это работает до определенного предела, сейчас я скажу почему. Эта ситуация просвещения и особенно нашего постмодернизма. «Нет метанаррациям!» — говорит Лиотар, вот ситуация постмодерна, когда отрицаются все религии, то есть возможные божественные и священные истории.

Но вот беда: сам постмодернизм — это тоже метанаррация, как не крути, и самое главное, что его атеизм уже тоже прописан во всех религиях. Во всех религиях атеизм — это дьяволизм, хоть у магометан, хоть у христиан, хоть у иудеев, поэтому ни для одной из этих религий никогда атеизм не будет принят. Хоть он и пытается всех примирить на условиях нулевого варианта, но ничего не выйдет, все традиционные религии всех атеистов — как старых, так и новых, постмодернистов, глобалистов рассматривают как порождение дьявола. То есть вписывают в контекст своей

истории. И чем больше развиваются попытки утверждения «нулевого варианта», то есть представления всех религий как выражения классовых интересов или психических проблем или просто «языковых игр» в духе Витгенштейна, тем больше будет против этого обнуляющего подхода восставать фундаменталисты. И чем больше будет постмодернизма — тем больше будет, как реакция, терроризма. Это особенно любит подчеркивать Жижек.

Таким образом, если мы ищем всемирно-историческую идею и сидим на совещании, то для нас закрыт путь придумывания метанаррации, религии, вписывающей всех, так как с ней никто не согласится, но также закрыт и путь отрицания всех религий, так как с ним тоже не согласится никто. И чем больше ты будешь навязывать отрицание, тем больше будет террористов и борцов за веру. Современный террорист борется на два фронта. Он борется и против других религий и универсалий, и против глобализма и атеизма как такового.

Хорошо было Аврааму, когда было много мелких местных божков, там солнца, луны, огня и леса, а он взял, все это трансцендировал и сказал: есть Бог, который невидим. Он не похож ни на одно существо, он сам создал весь мир. Хорошо было римлянам и грекам укомплектовывать свой пантеон разными местными богами. Но уже столкновение римлян и иудеев есть война двух метаидеологий, каждая претендует на весь мир и не меньше. А в средневековье? Та же война между христианским миром и магометанским, то же столкновение универсалий. Не столкновение двух частных, а столкновение двух всеобщих. Когда один мир сталкивается с другим радикально чужим.

А.Б. Ну, хорошо. А что сегодня? Сегодня — постмодерн...

О.М. А сегодня — постмодерн. Одни сплошные универсалии, одни сплошные идеологии — как метаидеологии, так и атеистические варианты,

но тоже метаидеологий. Каждый жизненный стиль выглядит как религия. Возьми потребительскую идеологию: вместо загробной жизни и спасения души — вечная молодость и спасение тела, вместо хождения в храм по воскресеньям — хождение в мегамолл, вместо причастия — шопинг, вместо икон и Библии — гляцевые журналы и постеры, вместо святых — модели и звезды, вместо утренней молитвы — утренний макияж и аутотренинг «я самая обаятельная и привлекательная», вместо священников — модные кутюрье, вместо поста — диета и так далее. Абсолютно каждому феномену можно найти аналогию. А возьмем, например, спорт. Там тоже самое: вместо святых — звезды спорта, вместо молитв — тренировки и фитнес, вместо церковных служб — спортивные соревнования, матчи и олимпиады, вместо священников — тренеры, и так далее... Каждый стиль жизни — универсальная религия. Квазирелигия. И она вызывает особую ненависть со стороны традиционных религий. Дьявол — обезьяна Бога.

Постмодернистский ответ, мягкий европейский атеизм (а не такой brutальный, как у троцкистов с разрушением храмов), сейчас пытается превратить все универсалии религий в «частные идеологии». То есть, «вы, ребята, можете верить во что угодно, но пожалуйста, умерьте амбиции, не говорите, что у вас абсолютная истина, ведь абсолютная истина, как нам известно, — только одна: нет абсолютных истин». Это уже было в эпоху эллинизма. Это то же, что говорил Пилат Христу: «Что есть истина, arrogantный фанатик? Если бы ты провозглашал себя царем Иудейским, ты был бы политическим преступником, а ты говоришь, что ты Истина и Бог. Ты просто сумасшедший.... Я — цивилизованный образованный человек, я видел много универсальных истин, одна другой лучше, но все они уничтожают друг друга тем, что их много». Настоящей противоположностью бытия является ни его отрицание, а его удвоение и умножение, когда и происходит взаимоотрицание, как говорил Бодрийар.

Однако есть еще одна тенденция в этом мире универсалий. Есть тупой постмодернизм с его политкорректностью, типа, не надо вести себя

вызывающе, носить крестик или хиджаб на глазах у всех, оскорбляя тем самым религиозные чувства других. Под запрет даже рождественские елки попали в Европе, потому что эти несчастные растения вызвали какую-то аллергию у мусульман. Но елка разве символ Христа? Она и рождественским-то символом стала в XVIII веке только...

Вместо отрицания универсальности на самом деле правильнее на основе универсальности всех идеологий как раз и устроить их взаимопроникновение. Но не тупое, типа: «Вы знаете, турки и мусульмане, оказывается, — тоже люди, или инвалиды — они, конечно, с ограниченными возможностями, но они тоже люди, геи — тоже люди...» Скоро будут «педофилы — тоже люди» и «убийцы — тоже люди». Брейвик, убивший кучу народа, вон уже жалуется в тюрьме, что у него слишком маленький экран у телевизора...

А.Б. Опоздал ты со своими предсказаниями. Не знаю, как насчет убийц, но педофилы — уже «люди». Лет пять назад Гаагский суд отклонил иск о запрете в Голландии партии «Милосердие, свобода и разнообразие», выступающей за свободный секс с детьми, дескать, мы — толерантный западный мир, и у нас можно исповедовать любые взгляды. А в Канаде на парламентских сессиях всерьез обсуждается вопрос, не стоит ли признать педофилию видом сексуальной ориентации? Наверное, ее адептов уже сейчас называют «лицами, ювенально ориентированными», как воров и грабителей — «лицами с альтернативным представлением о собственности»...

Политкорректно: «Лица заслуженного возраста с альтернативным представлением об уважении к частной собственности» (обложка DVD, фильм Э. Рязанова, 1971).

И то ли еще будет, пока демократия будет пониматься не как власть народа, а как общественный уклад, предупреждающий стигматизацию любого меньшинства вплоть до отдельного человека.

О.М.: Не об этом признании универсальных политических прав за каждым частным меньшинством и отдельным человеком идет речь. Речь идет о культурном взаимопроникновении — не на уровне даже национальных блюд и кухонь, которые в Европе уже стали общим достоянием, а на уровне литературы, музыки, философии. Это то, что в свое время богословы называли «перихореза», когда пытались объяснить общение и взаимосвязь трех лиц в Троице, в их божественной сущности. Божественная сущность, которая в Троице, как известно, одна у всех лиц, есть та абсолютная основа, которая есть основание и поле для взаимообщения. Недаром Слотердаик назвал греческим словом «перихореза» то, что сейчас происходит в постмодернистской культуре. И, кстати, то, что происходило в многонациональных и многоконфессиональных империях раньше (например, в Византийской, Монгольской, Австро-Венгерской и особенно — в

Российской империи и в СССР). Универсальность универсалий как общая площадка для их общения, а не повод к войне и амбициям. И, надо заметить, воюют между собой как раз неофиты, которые очень плохо знают ту культуру и религию, которую они якобы защищают. Мулла и священник не будут воевать. Они будут вести богословские споры, которые их обогащают, а вот два юноши, каждый из которых не читал ни Корана, ни Библии, будут взрывать друг друга со словами «с нами Бог!»

А.Б. Так есть ли способ развести все универсалии, оградить их от конфликта?

О.М. Есть. Это виртуальные миры. Каждая универсалия может иметь свой мир, где все будет так, как она хочет. Человек, например, мусульманин, подключается к матрице, входит в виртуальное пространство и попадает в виртуальный мир, где все в хиджабах, где кругом законы шариата и такой идеальный исламский порядок, но, выйдя из матрицы, он будет попадать в универсальный стерильный безрелигиозный технократический мир.

Так же можно сделать к вящему удовольствию мир не только для христиан и мормонов с сионистами, но даже для педофилов и пассивных некрофилов, если таковые найдутся. Каждому будет дана его игрушка, виртуальный мир может это обеспечить.

Думаю, много молодых людей будут шастать из одной виртуальной реальности в другую, чтобы пожить в идеальных мирах разных религий, разных меньшинств и извращений. Под лозунгом «Надо попробовать в жизни все». Жаль, что эта фраза подразумевает, как правило, съемки в порно и наркотики, а не изучение квантовой механики и молекулярной химии. Хотя будут миры и для таких ученых-извращенцев, которые станут целиком погружаться в научную тематику. Вообще мы и сейчас живем, как пчелки, летая с цветка на цветок, из одного жизненного стиля к другому. Дальше эти стили будут четче, яснее, отдельнее, чище, а жизнь человека будет дольше, а

грань между виртуальным пространством и так называемой реальностью — все меньше и неотличимее. То есть побеждающая метаидеология, это идеология техники, которая есть истинная универсалия и которая обеспечит всем универсалиям, в том числе и самым технофобским, их универсальность в рамках их универсального виртуального мира. Это имел в виду Хайдеггер, когда писал о технике как судьбе Бытия в современном мире.

А.Б. Но мы с тобой как-то удалились от темы древних греков в Кремле...

О.М. Да. Возвращаясь к совещанию к нашему виртуальному, которое как бы в Кремле. По созданию всемирно-исторической идеи. Мы подытоживаем, что мы не можем создать мета-метанаррацию для уже имеющихся метанарраций, метарелигию для уже имеющихся религий, потому, что они все таковы, что трансцендируют любое «мета», они все такие, что «выше нет»... В резерве мы оставляем вариант прихода последнего Бога как такого мета-метасобытия, которое само всем все объяснит и всех объединит.

Второе. Нам невозможно идти по пути нисходящему — нулевой вариант, отрицание всех метанарраций, потому что такое отрицание — это тоже метанаррация, известная другим. Причем, как враждебная, включенная в них как «иное» и вызывающая аллергию в виде терроризма. Оставляем в резерве возможность техники в виртуальном огромном пространстве развести все метанаррации по своим углам, чтобы они создали идеальные миры и лайф-стайлы, которые бы полностью реализовали свои амбиции в виртуальном мире и никак не конфликтовали в реальном. Возможность Последнего Бога и возможность технического виртуального мира не в наших силах, поэтому мы их имеем как горизонты общие. Есть две крайности, объединяющий все Последний Бог и виртуальные миры разводящие все по своим норам. Внутри этих двух крайностей лежит то, что может быть

современной практической политикой. Что делать конкретно с идеологией? Вот если ее заказали прямо сейчас?

А.Б. Ну и?..

О.М. Мне кажется, следующее: если мы будем брать эти универсальные идеологии как философии, то мы упадем в вечный анализ своего рода, если мы их научно начинаем разбирать и препарировать, то мы упадем в нулевой вариант, то есть в атеизм, а эту возможность мы уже разбирали. Если мы возьмем эти универсальные идеологии как целостные системы, из которых не вынуть ни кирпичика, то есть холистски, то мы столкнемся с борьбой амбиций, где каждый кричит «с нами Бог», и только Бог последний может сказать, с кем он. То есть научный подход и подход религиозный к этим идеологиям не подойдет и нам тоже он не подойдет для конструирования всемирно-исторической идеологии.

Подойдет подход с точки зрения... искусства. Красота спасет мир! Вспоминается один исторический эпизод. Когда Лютер протестовал против индульгенций и переводил Библию, чтобы она, типа, наконец-то была понятна народу, хотя бы немцам, из Рима ему возражали, что деньги, собранные от индульгенций, идут на финансирование Сикстинской капеллы, которая делает Библию понятной всем народам!

Искусство — это язык понятный всем без исключения, понятный без языка. Мы смотрим картины, скульптуру, архитектуру, слушаем музыку. Это универсальный объединитель. Даже языковые искусства, пусть при переводе они и теряют, они все равно как бы синтетичны. Вспомним Вагнера, который хотел сделать оперу таким языком для всех немцев и всей Европы и мира. Причем и саму оперу он мыслил как единство всех искусств. С тех времен искусства значительно продвинулись, например, сейчас синтетическое произведение искусства будет интерактивным. Чтоб оно вовлекало в себя зрителя как исполнителя, участника шоу, а не пассивного объекта. Такое

искусство — это, например, игра. Компьютерная, например. Игра, в которую играет весь мир и что-то там строит — какой-то мир, какую-то «цивилизацию», какую-то сагу.

И вот я думаю, может, не дураки были древние греки, вот так же сидя у условного Ликурга. Они ведь тоже имели дело, возможно, не просто с отдельными богами, а со сложившейся универсальной религией каждого бога. Кто нам сказал, что Посейдон — это просто бог моря? Да это мы знаем уже из постгесиодовской и постликурговской реформы — что он бог моря! Частный бог — брат Зевса. А может, была целая религия универсальная — «посейдонизм»? Со всеми нимфами и прочими там малыми божествами и верховными атрибутами? И, может, эта религия была такой универсальной, что ни в чем не нуждалась? А кто сказал, что так же не было с другими богами, которых превратили в частных в результате той самой ликурговской реформы?

А.Б. Продолжая твою мысль, легко представить себе фантастическую ситуацию, что сейчас бы Землю завоевал какой-то очень могущественный завоеватель, великий настолько, что мог бы силой навязать какую-то универсальную религию, в которой был бы Саваоф — главный бог-громовержец, а Аллах, например, — его младший брат, который покровительствует путешественникам, а Яхве — еще один брат, который покровительствует отдельно торговцам. А еще Будда — сын, который покровительствует врачам. Или еще что-то в этом роде.

И пойдя и расскажи через три тысячи лет далеким потомкам, что изначально были самостоятельные религии с отдельными богами! Засмеют!

О.М. В любом случае художественный эпос, сага, поэма стали настоящей религией греков, тем, что объединило Элладу. В нашем же мире это должна быть не голливудская сага, прокатанная по всем экранам. А именно игра, чтобы был интерактив. И игра, скорее всего, на противостояние

ЧУЖОМУ. То есть, нечто атакует Землю, а мы, все земляне, неважно какой религии, все племена и народы внутри этой игры, отбиваем атаки, совершаем подвиги, соревнуемся друг перед другом в героизме и изобретательстве и наконец-то одерживаем победу, которая должна даваться очень нелегко, а через ряд отступлений и локальных поражений, так, чтоб все висело на волоске, и чтобы это реально касалась бытия людей, чтобы на кону в этой игре что-то серьезное стояло.

Всемирно-историческую идеологию надо изначально делать на уровне воображения. Эта проблема, которая стоит еще со времен Канта. Кант в первом издании «Критики чистого разума» пришел к тому, что два источника познания, которые тысячелетиями знала вся философия, а именно рассудок и чувства, на самом деле не самостоятельны и укоренены в воображении. Грубо говоря, именно наше воображение диктует нам, что мы видим, слышим, обоняем, что мы считаем чувственным фактом, а что мы не замечаем. И именно воображение диктует нам, как мы рассуждаем, какие причины ищем, и какие связи и аргументы выстраиваем. Кант сам удивился этому открытию и во втором издании «Критики чистого разума» отступил от него. Но мы-то не такие робкие!

Человеческий мозг сложнее, чем вся Вселенная, количество возможных связей между нейронами больше, чем вещества во Вселенной. Каждый из нас носит у себя в черепе больше, чем весь Космос! И там происходят взрывы, рождение сверхновых и туманностей. Притом, что если то, что мы видим как Космос — это прошлое, поскольку свет идет до нас миллионы лет, то находящееся у нас в голове — это будущее. Поскольку воображение опережает скорость света, и там все течет иначе, ты уже оказываешься там, куда ты только хотел отправиться, причем даже раньше, чем ты успел захотеть. Следствие порождает причину, а точнее, эти две категории вообще перестают иметь смысл, они принадлежат рассудку, как это понял еще Кант, и как таковые только упаковывают приказы воображения, обрабатывают их и рисуют некий дискурс.

Но это отдельный вопрос, сейчас не об этом. Задача — работать на уровне воображения, сдвинуть какие-то пласты, поразить.

Нам нужны образы, причем, не такие, как в «Звездных войнах», в «Пиратах Карибского моря», «Властелине колец», «Аватаре» и «Гарри Поттере». Все эти блокбастеры, конечно, заставляют играть воображение, они как детские сказки сейчас воспитывают миллиарды детей на планете, и эти дети уже в чем-то одинаковы, у них уже общий бэкграунд. И в эти блокбастеры уже вшита определенная идеологическая матрица. Сейчас я не буду разбирать, какая, хотя этим стоило бы заняться всем философам, потому что она форматирует мозг миллиардам детей и взрослых на Земле.

Но кино не подходит, как я говорил — нужен интерактив, какой-то флэшмоб, участие в котором создает идентичность общемировую. Не одинаковость, а идентичность в смысле вовлеченности в общее дело. Но надо не борьбу Севера и Юга, Востока и Запада — нужно бороться всем миром с чем-то иноземным. Это может быть вирус. И тогда, как в романе Камю «Чума», мы все сражаемся. Может, вирус компьютерный. Может, инопланетяне какие-то. Но тогда их надо как-то в этой игре сделать, чтобы они реально наносили вред, а не просто бегали, как демоны, по нарисованным этажам.

Может это будет не борьба. Это может быть позитивный проект. Вон, как у Федорова — он так и называется: «Философия общего дела», «воскрешение всех мертвых». Но надо это не в книге делать, а как интерактивное действие представить. Например, чтобы каждый позаботился о том, чтобы сохранить максимальное количество геноматериала или еще что-то, но главное, это надо как-то операционализировать, чтобы не какие-то ученые там где-то в лабораториях занимались продлением жизни и воскрешением, а **каждый** имел возможность в этом поучаствовать, чтобы он видел в этом и долг жизни, и удовольствие, и драйв, и смысл.

При этом, если говорить об игре, она может быть и неудачной, тут человечество может даже и проиграть. Главное, чтоб в реальной опасности

мы выиграли. Ведь греки проиграли Троянскую войну, потом выиграли ее в поэмах, а потом выиграли уже реальную войну у персов. Но тогда была война Востока и Запада. Нам же нужно, чтобы была война земного с неземным. Мы помним, как перед нашествием Гитлера объединялись и буддисты-калмыки, и мусульмане-татары, и христиане-русские. То есть должен быть как бы общий враг для человечества, который несет ему смерть. Ни больше — ни меньше. Более того, не какую-то конкретную смерть и от чего-то. Самое правильное — это когда человечество борется с самим врагом — смертью, смерть — сама главный враг, самый главный враг всего человечества и каждого человека, независимо от веры и языка. И борьба с таким врагом это не нечто негативное, это позитивный проект в том числе. Стать бессмертными! Что может быть абсолютнее такой идеологии?

А.Б.: Но верующие люди могут тоже за этим не пойти... Типа, царство Божье на Земле, а не на Небесах. Человеческая гордыня — попытка сравниться с Богом и самому решать о своей смерти.

О.М.: Уже была соответствующая дискуссия и при Федорове и позже. Были такие авторы - Горский и Сетницкий. Они написали книгу «Смертобожничество», где доказывали, что Федоров не противоречит христианству, а наоборот. Ибо, сказано: «Бог смерти не создал». Да и потом Христос ее побеждал.

А.Б.: Но вот, если представить, что все стали бессмертными, то получается, что, когда человеку по какой-то причине надоест жить, то он станет самоубийцей и люди будут обречены на это, ведь наука может продлять все бесконечно. Прервать продление — значит принять решение о самоубийстве, а такое решение великий грех во всех религиях, так как та же гордыня.

О.М.: Во-первых, само желание умереть от некоей скуки и усталости от жизни это уныние свойственное предшествующей истории, а тут мало того, что человек может столетиями себя пробовать в разных ролях, так еще и есть возможность жить жизнью, которая никогда не может стать неинтересной, например, научный поиск. А тем более, философский поиск. И есть еще один вариант: война, причем настоящая, где все отчаявшиеся могут воевать и будут убивать друг друга, а не самоубийством кончать. И в этом смысле бессмертие дает всем шанс стать героями, а не самоубийцами. И вообще, я не думаю, наши потомки будут глупее нас, разберутся.

А.Б.: Ну, что ж пришла пора подводить итог нашей работе...

О.М.: Что мы сделали в этой книге, если коротко?

Во-первых, мы обобщили весь корпус данных по троянскому и гомеровскому вопросу и показали, что совокупность всех научных данных на сегодня говорит: греки не победили в Троянской войне и с этим заблуждением давно пора покончить и наконец-то официально провозгласить его от имени науки во всех школах и университетах. Много кто подступался к этому и даже говорил. Мы обобщили все сказанное.

Во-вторых, мы доказали, что Илиада и Одиссея принадлежат определенному времени, на основании «гуманитарных артефактов», имеющих в поэмах. Так же как Блеген и Финли датировали поэмы, изучая в них материальные артефакты и общественные отношения. Однако же они всемирно-известные ученые, а мы так и помрем в неизвестности.

В-третьих, мы разгадали самую главную загадку, которая удивляла всех специалистов по античности. Знаменитый редкий антропоморфизм греческой религии. Откуда он? Мы показали, что он возник как реакция на «искусственно» созданную религию, в основу классификации богов в которой были положены родственные отношения.

В-четвертых, мы показали, что именно в Греции, родине Запада, уже тогда в политике ставка делалась на soft power, что современные культурные и информационные, идеологические войны, черный пиар, фальсификации истории, культуртрегерство это не новаторство и не случайность, это древнейшая сущностная черта Западного мышления.

В-пятых, мы опровергли расхожую истину, что «историю пишут победители». Наоборот, мы доказали на примере греков, что победителями становятся те, кто пишут историю. При этом, это могут быть и проигравшие. Поэтому историки, идеологи, поэты в тысячу раз важнее для государства, чем все его оружие, политическая и экономическая мощь.

В-шестых, мы поставили проблему современного мира постмодерна: в котором конфликтуют универсалии, каждая из которых включает другие как свое иное, показали два горизонта решения проблем (объединяющее явление Последнего Бога и технический универсализм при разделяющем разнообразии виртуальных миров и жизненных стилей), а так же предложили механизм идентификации человечества на основе интерактивной серьезной игры по противостоянию радикально Чужому и универсально-античеловеческому, что одновременно является и позитивным проектом будущего: борьба со смертью за бессмертие.

А.Б.: Довольно серьезный вклад, если все собрать.

О.М.: Но нам не дадут ни Нобелевской премии, ни даже не сделают почетными докторами Оксфорда.

А.Б.: И даже второразрядного Ростокского университета, как Шлимана...

О.М.: Вот-вот. А все потому, что любой клоун, если он родился в США, может спокойно публиковать каких-то статьи в научных журналах,

уровня российского студента третьекурсника, становится известным ученым, выпускать книги, жить на гонорары от них. У нас в России пара десятков людей в международной политике и геополитике много интересней Хантингтона, но весь мир знает его, а не их. Или, например, всемирно известный политолог Фукуяма. Этот человек даже не стеснялся признаться в своих статьях, что о Гегеле услышал через статьи Кожева и то в каком-то там позднем возрасте, уже будучи профессором. У нас его знает любой выпускник философского факультета или политолог.

А.Б.: Но их читатель даже и от Кожева не слышал про Гегеля и про самого Кожева не слышал. Так и получается, что невежественные люди пишут для еще более невежественных людей, те их прославляют, покупают миллионы книг, делают их миллионерами, присваивают докторские степени, берут в советники к президентам, дают Нобелевские премии, и вся эта жизнь течет в святой уверенности, что они и есть центр мира, а все, кто за его окраинами, дикие варвары и у них-то ничего умнее быть не может, поэтому нами даже и не интересуются.

О.М.: Эту же уверенность транслируют и нашей так называемой элите, которая тоже уверена, что все, что происходит, происходит на Западе, а значит оттуда надо все копировать. Таким образом, сюда еще и транслируется невежество зачастую, при том, что, конечно, и там есть умные люди.

А.Б.: *(смеется)* Какой же выход, чтобы не получилось так, что наши открытия умрут, а какие-нибудь американцы, через 50 лет напишут то же самое, соберут все деньги и всю славу?

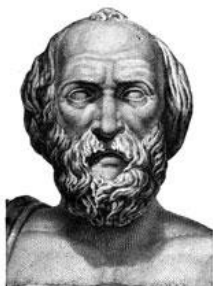
О.М.: Если кто-то из наших меценатов из патриотизма найдет возможность перевести все это на английский и другие языки, заказать куче

ученых рецензии, распространить их по журналам, издать книги и статьи на Западе, сделать презентации, запустить в научный оборот, короче, надо, чтоб кто-то сделал «раскрутку». Мы могли бы разгадать еще много загадок истории, потому, что у нас свежие головы и нам нравится это делать, но мы вынуждены работать журналистами, копирайтерами, сценаристами, пиарщиками, чтобы выживать. А в это время какой-то очередной богачей покупает себе пятый джип, десятый золотой унитаз, тратит на подарок какой-то проститутке больше, чем наши с тобой годовые зарплаты... А ведь урок древних греков, как раз и состоит в том, что они дали софистам и поэтам заняться своим делом и они выиграли войну, которую проиграли все военные, бизнесмены и политики... Философы и поэты – самое ценное, что есть у государства, то благодаря чему государство останется в веках, и они влачат жалкое существование, тогда как почет и уважение отдается тем, кого через одно поколение и не вспомнят.

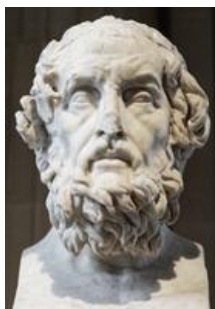
А.Б.: Есть еще одно препятствие для раскрутки. Мы не совсем академичны, мы все-таки делаем публицистическую книгу.

О.М.: Ага, не так оформляли сноски! Это страшное преступление! И еще картинок не должно было быть. Еще надо вставлять в текст больше латинизмов, непонятных слов, писать сухо, скучно, бездарно и тошнотворно, так, чтобы клонило в сон, чтобы никто не смог прочитать, что собственно, и происходит с девяноста процентами диссертаций, которые не читают даже оппоненты с рецензентами, ограничиваясь авторефератами. Мы нарушаем каноны наукообразности. Так что у нас вообще нет шансов. Но ведь мы получили интеллектуальное удовольствие, занимаясь этим? Можно сказать, что мы сделали этот небольшой труд играючи. Нам было классно, будет здорово и нашим читателям. А все остальное предоставим судьбе.

Античные авторы

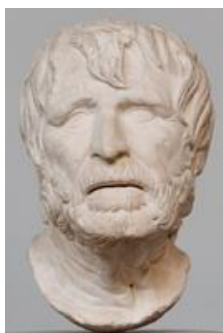
Ликург
Законы
IX в. до н.э.

Гомер
Илиада; Одиссея
VIII в. до н.э.

Арктин
Эфиопида; Разрушение Илиона
VIII в. до н.э.

Гесиод
Теогония; Каталог женщин, или Эои

VIII—VII в. до н.э.

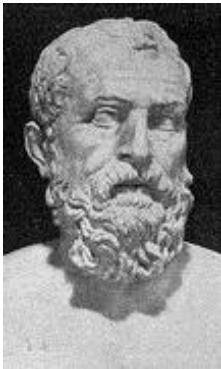
Гегий Трезенский
Возвращения
VII в. до н.э.

Стасин Кипрский
Кипрские песни
VII в. до н.э.

Лесх
Малая Илиада
VII в. до н.э.

Солон
Благозаконие; К музам; Жизнеотношение
ок. 640 — ок. 559 до н.э.

Стесихор
Погребальные игры по Пелию; Орестея; Елена; Разрушение Трои
ок. 632 — ок. 553 до н.э.

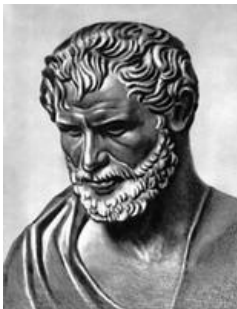
Алкей
Троянская война
ок. 620 до н.э.

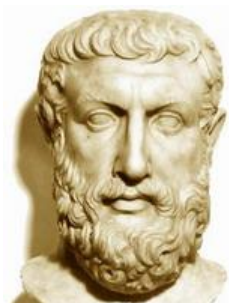
Писистрат
ок. 602—527 до н.э.

Ксенофан
Силлы
ок. 570 — ок. 475 г. до н.э.

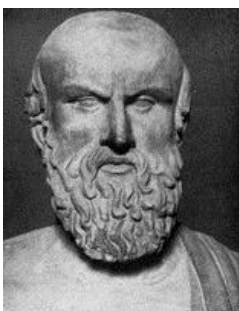

Гераклит
О природе
544—483 до н.э

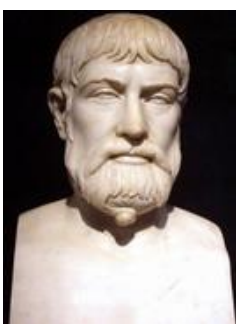

Парменид

О природе
ок. 540 или 520 — ок. 450 до н.э.

Эсхил
Орестея; Хоэфоры
525—456 до н.э.

Пиндар
Олимпийские оды
522/518—448/438 до н.э.

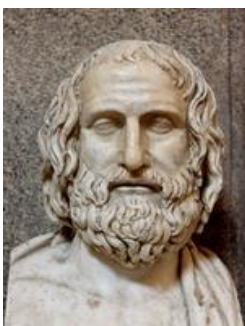

Вакхилид
Антенориды; Кассандра
ок. 518 — ок. 450 до н.э.

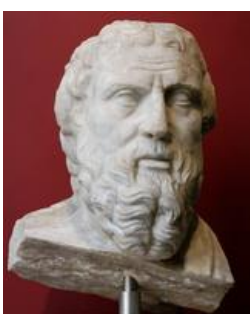

Софокл
Аякс; Филоктет; Троянский цикл; Электра

495—406 до н.э.

Еврипид
Электра; Елена
485 или 480—406 до н.э.

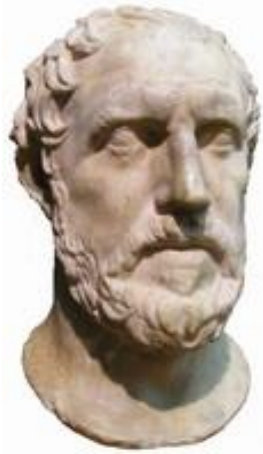
Геродот
История
ок. 484 — ок. 425 до н.э.

Горгий
Похвала Елене
483—380 до н.э.

Гелланик
ок. 485 — ок. 400 до н.э.

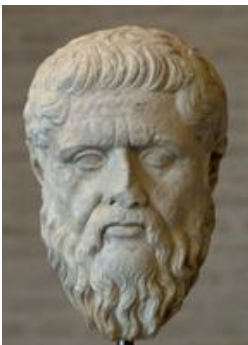
Фукидид
История
ок. 460 — ок. 400 до н.э.

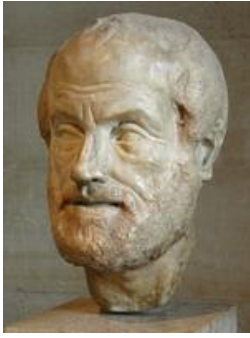
Иофонт
Разрушение Илиона
V в. до н.э.

Ксенофонт Афинский
не позже 444 — не ранее 356 до н.э.

Платон
Государство
428/427 — 348/347 до н.э.

Аристотель
Поэтика
384—322 до н.э.

Зоил
IV—III вв. до н. э.,

«Палефат»
О невероятном
? IV в. до н.э.

Зенодот
Схолии
ок. 325 — ок. 260 до н. э.)

Ликофрон
Александра, или Кассандра
320-е гг. — середина III в. до н.э.

Каллимах
ок. 310—240 до н.э.

Аристарх
Схолии к «Илиаде» и «Одиссее»
216—144 до н.э.

Полибий
Всеобщая история
201—120 до н.э.

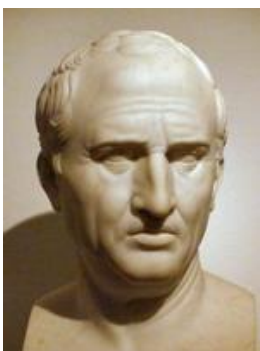

Деметрий Скепсийский
Боевое построение троянцев в 26(?) книгах
ок. 200—130 до н.э.

Аполлодор Афинский (псевдо-Аполлодор)

Мифологическая библиотека
ок. 180 — после 120 до н.э.

Цицерон
Об ораторе
106—43 до н.э.

Диодор Сицилийский
Историческая библиотека
ок. 90—21 до н.э.

Вергилий
Энеида
70—19 до н.э.

Гигин
Мифы
ок. 64 до н.э. — 17 н.э.

Сенека
Троянки; Агамемнон
4 до н.э. — 65

Нерон
Крушение Трои
37—68

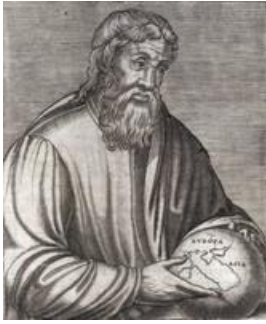

Дион Хрисостом
Троянская речь в защиту того, что Илион взят не был; О Гомере; О Гомере и Сократе
ок. 40 — ок. 120

Ta frige instruction fert de riche couronne
A Trajan, elle est par dessus tous humains.
Si les grands se portoient au cœur & dans leurs mains,
Vertu viroit au lieu de Venus & Bellone

Плутарх
Сравнительные жизнеописания, Застольные беседы
ок. 45 — ок. 127

Страбон
География
ок. 64/63 — ок. 23/24

«Диктис Критский»
Дневник Троянской войны
? I в.

Псевдо-Лонгин
О возвышенном
? I в.

Павсаний
Описание Эллады
110—180

Птолемей Хенн
Новая история для многознающих
1-я половина II в.

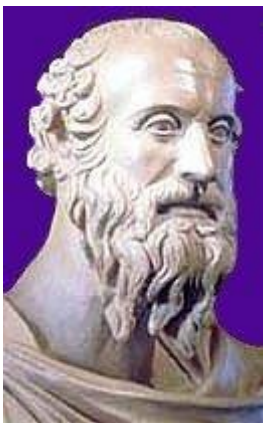
Флавий Филострат
О героях
170—247

Элиан
Пестрые рассказы
ок. 170 — после 222

Прокл
Хрестоматия
II в. н.э. или V в. н.э.

Диоген Лаэртский
О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов
Конец II — начало III в.

Сервий
Комментарии к «Энеиде» Вергилия
IV в.

«Дарет Фригийский»
Повесть о разрушении Трои
? V в.

Избранная библиография

1. Aşkin M. Troy: with legends, facts and new developments. — Istanbul, 2012.
2. Baikouzis C., Magnasco M.O. Is an eclipse described in the Odyssey? // Proceedings of the National Academy of Sciences. — 2008. June 24. — URL: <http://www.pnas.org/content/105/26/8823.full>
3. Carpenter R. Folk tale: Fiction and saga in the Homeric epics. — Berkeley: University of California Press, 1946.
4. Finkelberg M. From Ahhijawa to Ἀχαιοί // Glotta. — 1988. No 66.
5. Finley M. Lost: the Trojan war // Finley M. Aspects of antiquity: discoveries and controversies. — London: Chatto & Windus, 1968. — P. 24-37.
6. Finley M.I. The World of Odysseus. — N.Y.: The Viking Press, 1954.
7. Forrer E. Vorhomerische Griechen in den Keilschrifttexten von Bogazköi // Mitteilungen der Deutschen Orientgesellschaft (MDMG). — Bd. 63. — 1924.
8. Furumark A. Mycenaean Pottery I: Analysis and Classification. — Stockholm, 1941.

9. Güterbock H.G. Hittites and Akhaeans: A New Look // Proceedings of the American Philosophical Society, Vol. 128, No. 2 (Jun., 1984). — PP.114-122.
- 10.Korfmann M. Troia/Wilusa. — Çanakkale; Tübingen, 2005.
- 11.Korfmann M. Was there a Trojan War? // The Archaeology Journal. Vol. 57, No. 3. — 2004. May/June / <http://www.archaeology.org/0405/etc/troy.html>
- 12.Kretschmer P. Alaksandus, König von Vilusa // Glotta. — 1924. Bd. XIII.
- 13.Latacz J. Troy and Homer. — Oxford UP, 2004.
- 14.Mellaart J. The End of the Early Bronze Age in Anatolia and the Aegean // AJA — 1958. Vol. 62. No 1.
- 15.Miüller W. Troja. Wiederentdeckung der Jahrtausend. Leipzig, 1972.
- 16.Otto Walter F. Die Gotter Griechenlands. — Frankfurt a. M.: Klostermann, 1987.
- 17.Traill D.A. Excavating Schliemann: Collected Papers on Schliemann. — Atlanta, GA: Scholars Press, 1993.
- 18.Ventris M., Chadwick J. Evidence for Greek dialect in the Mycenaean archives // The Journal of Hellenic Studies. — 1953. Vol. 73.
- 19.Андреев Ю.В. От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III — начало I тыс. до н.э.) — СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2002.
- 20.Андреев Ю.В. Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XI—VIII вв. до н. э. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2004.
- 21.Аполлодор. Мифологическая библиотека. — Л.: Наука, 1972.
- 22.Барикко А. Гомер. Илиада / Пер. Е. Кисловой. — М.: Иностранка, 2007.
- 23.Блаватская Т.В. Ахейская Греция во втором тысячелетии до н.э. — М., 1966.
- 24.Блеген К. Троя и троянцы. Боги и герои города-призрака / Пер. О. Милова. — М.: Центрполиграф, 2004.

- 25.Богаевский Б.Л. Гомер // Литературная энциклопедия. Т. 2. — [б.м.]: Изд-во Ком. Акад., 1930. — С. 599—603.
- 26.Ванденберг Ф. Золото Шлимана. — Смоленск: Русич, 1996.
- 27.Вергилий. Энеида. Сервий. Комментарии к «Энеиде» Вергилия. — М.: Лабиринт, 2001.
- 28.Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций / Пер. А.А. Губера. — М.-К.: «REFL-book»-«ИСА», 1994.
- 29.Вирхов Р. Развалины Трои // Исторический вестник, 1880. — Т. 1. № 2. — С. 415—430.
- 30.Возвращение Гомера // Вокруг света. — 1974. №7. — С. 38—43.
- 31.Волков А. В., Непомнящий Н. Н. Хетты. Неизвестная империя Малой Азии. — М.: Вече, 2004.
- 32.Вуд М. Троя: В поисках Троянской войны / Пер. В. Шарапова. — М.: Столица-Принт, 2007.
- 33.Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. — М.: Наука, 1984.
- 34.Гарни О.Р. Хетты. Разрушители Вавилона / Пер. А.И. Блейз. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2009.
- 35.Геродот. История. В девяти книгах / Пер. Г.А. Стратановского. — Л.: Наука, 1972.
- 36.[Гесиод] Каталог женщин, или Эои / Пер. О. П. Цыбенко // Эллинские поэты. VIII—III вв. до н.э. Эпос, элегия, ямбы, мелика. — М.: Ладомир, 1999. — С. 80—104.
- 37.Гесиод. Теогония / Пер. В. Вересаева // Эллинские поэты. VIII -III вв. до н.э. Эпос, элегия, ямбы, мелика. — М.: Ладомир, 1999. — С. 29—50.
- 38.Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. — М.: Восточная литература, 1996.
- 39.Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Прагреки в Трое (Междисциплинарный аспект) // Вестник древней истории. — 1994. № 4. — С. 19—39.
- 40.Гомер. Илиада / Пер. Н.И. Гнедича. — М.: Правда, 1985.

41. Гомер. Одиссея / Пер. В.А. Жуковского. — М.: Правда, 1985.
42. Гомеровские гимны / Пер. В. Вересаева // Эллинские поэты. VIII -III вв. до н.э. Эпос, элегия, ямбы, мелика. — М.: Ладомир, 1999. — С. 125—177.
43. Гордезиани Р.В. Проблемы гомеровского эпоса. — Тбилиси, изд. Тбилисского университета, 1978.
44. Дарет Фригийский. История о разрушении Трои / Пер. А.Б. Захаровой. — СПб.: Алетейя, 1997.
45. Диктис Критский. Дневник Троянской войны / Пер. В.Н. Ярхо // Вестник древней истории. — 2003. № 4. — С. 247—262.
46. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. — М.: Мысль, 1979.
47. Диодор Сицилийский. Греческая мифология. (Историческая библиотека) / Пер. О.П. Цыбенко. — М.: Лабиринт, 2000.
48. Дион Хрисостом. Борисфенитская речь, произнесенная Дионом на его родине / Пер. М. Грабарь-Пассек // Поздняя греческая проза. — М.: ГИХЛ. 1960. — С. 92—100.
49. Дион Хрисостом. О Гомере и Сократе. / Пер. О. Смыки. // Античность в контексте современности. — М.: Изд-во МГУ, 1990. — С. 185—191.
50. Дион Хрисостом. О Гомере. / Пер. О. Смыки. // Античность в контексте современности. — М.: Изд-во МГУ, 1990. — С. 182—185.
51. Дион Хрисостом. Троянская речь в защиту того, что Илион взят не был. / Пер. Н. Брагинской. // Ораторы Греции. — М.: Художественная литература, 1985. — С. 304—336.
52. Зайцев А.И. Греческая религия и мифология. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Академия, 2005.
53. Зайцев А.И. Древнегреческий героический эпос и «Илиада» Гомера // Гомер. Илиада. — СПб.: Наука, 2008. — С. 395—416.
54. Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII-V вв. до н. э. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001.

55. Захаров А. Греки и хетты. (Из доклада, читанного в заседании Историко-Этнологического Отделения Н.А.В.) // Новый Восток. — 1926. Вып. 12. — С. 349-350.
56. История греческой литературы. Т.1. Эпос, лирика, драма классического периода. — М.—Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1946.
57. История Древней Греции / Сост. К.В. Паневин. — СПб.: Полигон, 1999.
58. Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. Т.1. — М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2001.
59. Киклические поэмы / Пер. О.П. Цыбенко // Эллинские поэты. VIII -III вв. до н.э. Эпос, элегия, ямбы, мелика. — М.: Ладомир, 1999. — С. 109—116.
60. Клейн Л.С. Анатомия Илиады. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1998.
61. Клейн Л.С. Бесплотные герои: Происхождение образов Илиады. — СПб.: Художественная литература, 1992.
62. Клейн Л.С. Кто победил в Илиаде? // Знание — сила. — 1986. №7. — С. 43—45.
63. Клейн Л.С. Найдена ли Троя? // Знание — сила. — 1985. №3. — С. 40—43.
64. Клейн Л.С. Троянская война в эпосе и истории // Кравчук А. Троянская война. Миф и история / Пер. Д.С. Гальпериной. — М.: Наука, 1991. — С. 196—217.
65. Коржинский А.Л. Война в поэмах Гомера // Античный мир и археология. Вып. 4. — Саратов, 1979. — С. 70—82.
66. Кравчук А. Троянская война. Миф и история. — М.: Наука, 1991.
67. Лорд А.Б. Сказитель / Пер. Ю. А. Клейнера и Г. А. Левинтона. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994.
68. Лосев А.Ф. Гомер. — М.: Молодая гвардия, 2006.
69. Маккуин Дж. Г. Хетты и их современники в Малой Азии. — М.: Наука, 1983.
70. Марр Н.Я. К толкованию имени Гомера // Доклады Академии наук. — Л., 1924, январь—март. — С. 2—5.
71. Мейерович М.Л. Шлиман. — М.: Детская литература, 1966.

- 72.Надь Г. Греческая мифология и поэтика / Пер. Н.П. Гринцер. — М.: Прогресс-Традиция, 2002.
- 73.Немировский А.А. Троя после Троянской войны // Вестник Московского университета. — 1999. № 5. — С. 27—31.
- 74.Нильссон М. Греческая народная религия. — М.: Алетейя, 1998.
- 75.Павсаний. Описание Эллады. В 2 т. / Пер. С.П. Кондратьева. — М.: АСТ, Ладомир, 2002.
- 76.Палефат. О невероятном / Пер. В.Н. Ярхо // Вестник древней истории. — 1988. № 3. — С. 216—237.
- 77.Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. — М.: Наука, 1980.
- 78.Платон. Государство / Пер. А.Н. Егунова // Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т.3. — М.: Мысль, 1994.
- 79.Платон. Протагор / Пер. В.С. Соловьева // Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т.1. — М.: Мысль, 1990.
- 80.Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 3 т. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961—1964.
- 81.Полибий. Всеобщая история. В 2 т. / Пер. Ф. Мищенко. — М.: АСТ, Мидгард, 2004.
- 82.Портнов А. Гомер был зорче нас // Наука и жизнь. — 1999. №6. — С. 98—100.
- 83.Расширение греческого мира. VIII—VI века до н.э. (Кембриджская история древнего мира. Т.III. Ч.3) / Под ред. Дж. Бордмэна и Н. Дж. Л. Хэммонда / Пер. А.В. Зайкова. — М.: Ладомир, 2007.
- 84.Рубин О.С. Причины постмикенского регресса (историографический обзор) // Новый век: история глазами молодых. Вып. 2. Ч.2. — Саратов, 2003. — С. 10—24.
- 85.Рябцев В. Троя. Крушение мифа? // Техника — молодежи. — 1998. №8. — С. 24—27.
- 86.Сафронов А.В. Проблема датировки Троянской войны в контексте великого переселения народов в последней четверти II тыс. до н.э. //

- Сборник Русского исторического общества. — Вып. 2 (150). — 2000. — С. 56—73.
87. Софокл. Драмы / Пер. Ф.Ф. Зелинского, О.В. Смыки и В.Н. Ярхо. — М.: Наука, 1990.
88. Стесихор. Возвращения / Пер. Н. Казанского, В. Ярхо // Эллинские поэты. VIII -III вв. до н.э. Эпос, элегия, ямбы, мелика. — М.: Ладомир, 1999. — С. 321—322.
89. Страбон. География / Пер. Г.А. Стратановского. — Л.: Наука, 1964.
90. Стрелков А.В. Легенда о докторе Шлимане // Шлиман Г. Илион. Город и страна троянцев. Т.1. — М.: Центрполиграф, 2009.
91. Тахо-Годи А.А., Нахов И.М. Античность в контексте современности. — М.: Изд-во МГУ, 1990.
92. Толстикова В. П. Генрих Шлиман и троянская археология // Сокровища Трои. Из раскопок Генриха Шлимана. Каталог выставки. М.: ГМИИ им. А. С. Пушкина; Леонарде Арте, 1996. — С. 15—24.
93. Троянские сказания. Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI-XVII веков. — Л.: Наука, 1972.
94. Фор П. Повседневная жизнь Греции во времена Троянской войны / Пер. М.В. Мальковой. — М.: Молодая гвардия, 2004.
95. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I / Ред. А.В. Лебедев. — М.: Наука, 1989.
96. Фукидид. История / Пер. Г.А. Стратановского. — Л.: Наука, 1981.
97. Цицерон. Об ораторе / Пер. Ф.А. Петровского // Цицерон. Эстетика: Трактаты. Речи. Письма. — М.: Искусство, 1994. — С. 162—372.
98. Чайлд Г. У истоков европейской цивилизации. — М., 1950
99. Чэдуик Дж. Дешифровка линейного письма Б / Пер. Г.А. Бариновой // Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. М.: Прогресс, 1976. — С. 105—251.
100. Шлиман Г. Илион. Город и страна троянцев. Т.1 / Пер. Н. Чехонадская. — М.: Центрполиграф, 2009.

101. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / Пер. К.А. Свасьяна. — М.: Мысль, 1993.
102. Штоль Г.А. Шлиман. — М.: Молодая гвардия, 1965.
103. Шуйский П.А. О поэмах Троянского цикла // Ученые записки Уральского университета. Вып. 6. — Свердловск, 1949.
104. Элиан. Пестрые рассказы / Пер. С.В. Поляковой. — М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1963.
105. Эсхил. Трагедии. — М.: Наука, 1989.

ЦИТАТЫ НА ОБЛОЖКУ:

История не умерла. Она воскресла и предстала в совершенно ином обличье. И так же, как возрождение истории требует новых игроков, так и внимательное наблюдение за информационным обществом нуждается в новых обозревателях.

Александр Бард, Ян Зодерквист

Все великие исторические открытия начинались с простой идеи, которая шла вразрез с привычным мироощущением.

Дэн Браун

Ограничиваясь поисками того, «как оно было на самом деле», рассматривая историю как замкнутое, гомогенное, прямолинейное, непрерывное течение событий, взгляд традиционной историографии оказывается априорным, формальным, взглядом «тех, кто победил».

Славой Жижек

Наступил момент, когда на сцену возвращаются эмоции, истории и ценности... Сильнейшие истории будут легко защищать свои границы, слабейшие не выдержат конкуренции. Они будут оккупированы и покорены

более сильными историями. Борьба за доли рынка превратится в борьбу между историями.

Ролф Йенсен